

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

6. 2019

22 ноября 2019 года в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований состоялась научно-практическая конференция, посвященная 225-летию со дня рождения исто-

рика, филолога, поэта, выдающегося общественного деятеля и поборника адыгского просвещения Ш. Б. Ногмова.

12+

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители
(соучредители):

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

6. 2019 НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

*Аскер ДОДУЕВ,
народный поэт Карачаево-Черкесии,
главный редактор журнала «Минги-Тау»*

ПАМЯТИ ПОЭТА

Прошел год, как не стало выдающегося кабардинского поэта Хасана Тхазеплова. Мои уста молчаньем сжаты, не зная, что произнести... Что можно сказать, когда рядом нет старшего брата, когда ты лишился надежной опоры по жизни. Лучше всех и точнее о Хасане сказал наш общий друг и соратник, классик ингушской литературы Саид Чахкиев:

*Хасан, обнять тебя позволю.
Крепка, надежна наша связь.
Ты – рыцарь этики, король,
По духу кабардинский князь.*

Мне посчастливилось бывать с Хасаном в разных регионах России и за границей. И везде он мог расположить к себе людей, оказаться в центре внимания, его острый и лукавый юмор никого не оставлял равнодушным, к нему тянулись все. Он всю свою жизнь старался делать добро, был личностью в высшей степени нравственной. Он был поэт и человек с богом. Когда уходят такие люди, больно.

*Там, под ясным синим небом, где орел, как страж, парит,
Мирно спит страна родная и очаг тепло горит.
Отдыхай, мой край отцовский, после многих грозных лет,
Нынче сын твой просветленный гордо с миром говорит.*

Этот просветленный (я бы здесь еще добавил и «сияющий»), гордо говорящий с миром человек – сам Хасан Тхазеплов. И о чем он говорит? Он говорит с миром о мире, о любви и добре, чему сам служил всю жизнь, а далее эту службу будет нести его светлая и бесхитростная поэзия, способная сплотить нас вокруг идеи справедливости и добра.

Хасана Миседовича отличала любовь к родному краю и его истории, он очень хотел, чтобы всем его землякам (а своими земляками поэт считал всех жителей планеты Земля) жилось легко и хорошо.

*История ходит по кругу, и круг – из начальных веков,
Где Дерево мира простерлось в цепях разноцветных оков.
И судьбы на Дереве мира цветут до каких-то вершин,
И тянутся люди до счастья по лестнице ярких штыков.*

Хасан был необыкновенным человеком. Он мог любить, мог ненавидеть, но никому никогда зла не делал, поэтому его любили, любили его и за многогранный талант. Он – поэт и писатель-фантаст, драматург и инженер, ученый и изобретатель, философ и общественный деятель.

Как-то раз я собирался в Москву на съезд партии «Справедливая Россия», об этом узнал Хасан и говорит мне: «Аскер, у меня есть поручение. Вот тебе папка, любой ценой ты должен передать ее Миронову». Объемистая папка, в которой находились чертежи и разработки лопастей военных вертолетов. Я ему ответил, что постараюсь.

Миронов – третье лицо в государстве, на съезде все время был в окружении журналистов, телевизионщиков, политических деятелей, никак к нему не подступиться. Тогда я громко сказал: «Товарищ сержант». Он отодвинул всех репортеров, подошел ближе и пристально на меня посмотрел (я тоже, как и он, демобилизовался сержантом). Продолжаю тем же тоном: «Сержант Додуев. У меня поручение старшины Тхазеплова, – и протягиваю папку. – Здесь новейшие изобретения по военным вертолетам». Он взял папку и сказал: «Я это дело доведу до конца...»

После этого он сразу же ушел, а репортеры взялись за меня: «Что в этой папке? Вы однополчане? Вы служили вместе?»... А я молча ушел. Что интересно, Миронов и я призывались и демобилизовались в одни

*Хасан Тхазеплов с друзьями по перу после вручения ему
Большой Литературной премии России. Москва, ЦДЛ. 15.01.2018 г.*

Конгресс литературно-художественных журналов Евразии (Анкара)

и те же годы (1971–1973), Тхазеплов служил десятью годами раньше (старшина, по воле судьбы он оказался в центре Карибского кризиса).

Проходит чуть более года, на очередном съезде партии мы с Мионовым снова встретились. Он сам подошел ко мне, поздоровался и сказал: «Передай старшине, что его труды попали в надежные руки». Это была моя последняя встреча с Сергеем Мионовым, и о судьбе той папки с чертежами, рисунками и расчетами я не в курсе. До этого у Хасана Миседовича были десятки изобретений, на которых имелись сертификаты, и немало предпринимателей заинтересовались ими.

*Мой караван в пустыне ждет меня не дожидаясь,
А я в плену затерян, где зло с добром дерется.
О, моя мать, пустыня, великий дух надежды,
Я караваник, сын твой, что духом не уймется.*

Хасан Тхазеплов – путник, он всегда был в дороге. Самое главное, его ждали, его хотели видеть. Он нес добрую весть и выступал всегда на стороне незащитных, и в пустынной душе мог находить оазис. Люди перед ним открывали свои души. Его вечера творчества проводились в Москве, Владикавказе, Назрани. Никогда не забуду, как прошла встреча с поэтом в столице Северной Осетии. Присутствовали Нафи Джусойты, Камал Ходов, Александр Пряжников, Раиса Дидигова и многие другие поэты и писатели. Вечер начался с показа в Центральной государственной библиотеке РСО-Алания двадцатиминутного телевизионного фильма о Хасане Миседовиче. Огромный зал был полон. Известные артисты читали его стихи, литературоведы говорили о его творчестве. Раиса Дидигова прочитала стихотворение, посвященное Хасану Тхазеплову, и от имени

На мероприятиях, посвященных Кязиму Мечиеву в Турции (2014)

главы республики вручила диплом о присвоении ему почетного звания «Заслуженный деятель культуры Республики Ингушетия».

Это происходило накануне празднования 100-летия классика ингушской литературы Джамалдина Яндиева, который родился в поселении Балта на окраине Владикавказа. В этот же день было решено провести юбилей Яндиева сначала на родине, в Осетии, а потом в Ингушетии, а затем и в Москве. Эта инициатива исходила от Хасана.

На юбилей Яндиева в Балте приехали я с Хасаном, большая делегация из Ингушетии во главе с Раисой Дидиговой, из Южной Осетии Нафи Джусойты (к этому времени он перевел и издал на осетинском языке ингушского классика). Это все я говорю, чтобы еще раз подчеркнуть, какое добро и какая аура сопровождали Хасана Тхазепова.

С 1992 года, со времени осетино-ингушского конфликта, не было таких радостных мероприятий, торжеств, где бы встречались представители этих двух народов. Это еще одна сторона деятельности, – я имею в виду народную дипломатию незабвенного нашего Хасани.

*Если ты живешь по духу, и по духу поступаешь,
Чтоб душа не раздвоилась на тропе, где ад и рай.
Пусть светильник сердца сеет в вечном храме дух в зерне,
Отдавая безраздельно все, что льется через край.*

Я бы сказал, что это не просто четверостишие, или рубаи, написанные в восточном стиле, это – формула жизни, так должны поступать все. Да, все верно, надо отдавать, особенно то, что льется через край.

Одна из главных черт человека, из тех, что делают его еще краше, – это умение быть благодарным. Хасан никогда не забывал добро, а то

*Аскер Додуев, Уфук Тузман (Турция), Нюрлю Гербеков (КЧР),
Хасан Тхазеплов*

добро, что совершал сам, тут же и забывал. Творить добро – это для него было так же естественно, как и дышать.

В 2014 году в Анкаре проходил международный конгресс литературно-художественных журналов Евразии, куда были приглашены представители из 40 стран мира. Одно из ярких выступлений на этом конгрессе – доклад Хасана Тхазеплова, в котором, подытоживая сказанное, он поблагодарил турецких коллег за радушный, братский прием соплеменников (беженцев) во времена мухаджирства и Кавказской войны. Он на этом конгрессе обрел много друзей. Его переводили на турецкий, арабский, иранский и другие языки.

Хасан жил с богом на небе и совестью на земле. Поэтому я говорю: Хасан Тхазеплов – просто земной поэт с богом.

Есть такая латышская поговорка: «Братьев нам посылает бог, а друзей мы выбираем сами». Да, мне Всевышний дал брата. Но есть еще и другая поговорка, которая бытует у нас на Кавказе: «Брат не брат, если он тебе не друг». Да, он был

другом, который учил своим примером всему доброму и благородному. Но одна потаенная обида осталась у меня на Хасана (пусть Аллах меня простит), и останется со мною навсегда: он учил всему, но не научил меня жить без брата!

Хасан ТХАЗЕПЛОВ

Слова посланца к звёздам

Озарённый
Солнечным сияньем,
Я летал над сумраком равнин
И желал поведать вам,
Земляне,
О тоске космических глубин.
Голос солнца
Слышал безутешный,
Светом проносившийся во мгле:

«Люди, люди,
Вашей жизнью грешной
Много зла
Вы принесли Земле.
Ведь она
Одна во всей Вселенной,
Но её вы исказили лик, –
Для того ль он красотой нетленной
В хаосе космическом возник?..»
Я вернулся
На родную Землю,
Думы солнца вам передаю
И хочу, чтоб, им душою внемля,
Вы остановились на краю...

Кровь лилась, –
И в бесконечных войнах,
Люди,
Вы не думали о том,
Как прожить
Свободно и достойно,
Сохраняя в целости
Свой дом.
Только ныне
Разум стал слышнее
Тёмных человеческих страстей:

Не нужны
Кровавые затеи
Меж живущих на Земле
Людей.
Мы на белый свет
Из тьмы явились,
Чтобы жизнь Земли
Не прервалась,
Чтоб земное сердце
Вечно билось,
С человеческим поддерживая связь.

В ночной тиши
Я слышу:
«Мама! Мама!» –
Из темноты
Смертельный
Зов земной;
Свидетель и участник
Страшной драмы,
Хочу откликнуться,
Но слабнет голос мой.
Скажи, Земля,
Где мать твоя отныне?
Как отыскать её
В мерцающей пустыне?

Я – Человек!
И ныне охраняю
Просторы искалеченной Земли;
Безжалостно
Сегодня я караю
Тех, кто её
От ран не сберегли,
Кто растоптал
Цветы равнин зелёных,
Кто замутил
Прозрачные ключи,
Кто, упиваясь

В бесконечных войнах,
Себя вели с ней,
Словно палачи,
Кто, наслаждаясь сочными плодами,
Крушил сады,
Ей причиняя боль,
Кто раздувал спесиво
Розни пламя,
Тем самым предавая хлеб и соль;
Я вижу –
Плачут матери и дети
И стонет от насилия
Земля, –
О, люди, вы передо мной
В ответе,
А пред Землёй –
В ответе буду
Я.

Слово Земли

Я – целый мир!
Я – часть Вселенной!
Одни живём
В космическом огне...
Мы связаны природою нетленной:
О, люди,
В вас я,
Как и вы –
Во мне.
О, люди, люди,
Злость свою умерьте, –
Вас о любви и нежности молю!
Когда вокруг костры бушуют смерти,
От боли содрогаясь,
Я скорблю.
Я до сих пор кормлю вас
И лелею,
Даруя жизни радостные дни,
Я отплатить вам за добро
Сумею, –
Не зажигайте смертные огни.

Меня спасая
От пожарищ века,
Спасаете от гибели себя...
Дойдёт ли
Стон мольбы
До Человека.
С которым общая у нас
Судьба?!

Мне старец
Говорил угрюмый,
Что человек –
Болезнь Земли,
Где б ни ступал он,
Там мгновенно
Цветами язвы расцвели.
И старцу я тогда
Ответил,
Что человек –
Земли родник,
Что он
Душой и сердцем
Светел...
И старец прикусил язык.

Рассказ матери

Грудными были вы детьми,
Когда, уснувших в колыбели,
Похожи на исчадьё тьмы,
Фашисты
Вас убить хотели.
И я укрытие нашла
В воронке
От шального взрыва;
И вас туда перенесла,
Дождавшись ночи
Терпеливо.
Соломой мёрзлой
Лаз закрыв,
В воронке той

Жила я с вами, –
А огненный войны нарыв
Чудовищем свистел над нами.
Не помню,
Сколько скорбных дней
Я провела в воронке мрачной, –
Затих бессильно крик детей
Во тьме
Зловонной и незрячей.
Я грызла
Каменный чурек
Желая накормить вас
Грудью,
Но только слёзы из-под век
Стекали ядовитой ртутью.
Не молока –
Хотя б воды
Один глоток
В трескучей суше...
Уже объятия беды
Невинные сжимали души.
И к богу
Обратилась я
С мольбой о влаге
Драгоценной, –
И капля влаги на меня
Упала данью безвозмездной:
То яблоня поила нас,
Корнями почву прорывая,
Снарядом срезанная,
Лаз
В воронку
Ветками скрывая.
И, словно бы к моей груди,
К её корням тянулись губы...
Земные нас спасли сады,
Войной израненные грубо.
Счастливей не было меня
Среди людей
В тот вечер мрачный,
Когда ваш стон среди огня
Услышала
Во тьме незрячей.

Завет отца

Отец мой стал
Землёю вешней, –
К нему, как на свидание, иду.
Я с ним
Ночной порой неспешно
О жизни и о смерти
Речь веду.
Отец!
Не в силах слёз своих
Сдержатъ я,
Отец!
Ты слышишь ли
В пустынной мгле?
Отец!
Прими меня в свои объятья, –
Мне без тебя
Тревожно на земле.
Но памятник, как страж,
Не откликаясь,
Тяжёлой думы полн,
Хранит в себе
Бывалых и новых поколений завязь, –
Она передалась
Моей судьбе.

Слово того, кто украшает землю

Дарю Земле
Любовь и честность,
Дарю ей
Труд упорный свой,
Дарю её
Жизнь и человечность,
Дарю ей
Правду и покой.
Дарю детей своих в награду
И говорю:
«Цвети, Земля!»
И большей
Нету мне отрады,

Чем видеть вешние поля.
Всё, что в душе
Моей хранится,
Готов Земле родной отдать,
Чтоб ликовала,
Словно птица,
Её живая благодать.

Когда в Японию
Я плыть собрался,
Сказала мать мне:
«Донеси, сынок,
Через морей бурлящее пространство,
Что в горе их народ
Не одинок.
Два смерча атомных
Их землю сокрушили,
И в пепел обратили города,
И многих жизни радостной лишили –
Но одолима
Страшная беда,
Поскольку скорбь всех матерей
Едина:
И я, как мать, готова разделить
Боль матери,
Что потеряла сына
И, несмотря на это,
Может жить...»
Я с тем напутствием
Отправился, желая
Скорей увидеть
Жизнь чужого края...

...Я плыл на корабле
В далёкий край
И, выходя на палубу порою,
Обозревал безбрежные просторы
Туманного морского
Горизонта.
Со мною часто любовался им
Весёлый незнакомец...

От безделья
Мы с ним разговорились о погоде,
О том, что наш корабль
Всего лишь щепка
Среди величия
Морской стихии,
Что человеческая жизнь
Весьма похожа
На эту щепку в бурном море жизни, –
О разном говорили мы...
С акцентом
Он прерывал меня, коверкая слова...
И был насмешлив, сыт и ироничен –
Довольный бизнесмен страны богатой.
Однажды он спросил меня:
«А что вы
С собой везёте
Японскому народу?
Какой товар хотите предложить?»
И я ответил на вопрос с улыбкой:
«Нет у меня диковинных товаров,
А есть напутствие
Лишь матери моей,
Которое я передать желал бы
Всем матерям Японии...»
Застыл он.
И спустя мгновенье
Лукаво снова у меня спросил:
«Вы думаете, жёлтому народу
Нужна народа красного
Любовь?»
«Да, – отвечал я, – без любви на свете
Дел добрых не бывает никогда;
Ведь все народы – малые, большие –
Всего лишь ветви дерева Земли,
Которому названье
Жизнь и Счастье, –
Тепло любви ему необходимо,
Иначе все мы
Обратимся в прах;
Пусть матери моей любовь
Всего лишь капля...»

«О, капля в море», – тут же иностранец
С иронией обычной подхватил.
«Да, эта капля от любви огромной
Сограждан дорогих
Моей страны,
И океан любви их
Не измерить...»
«Что ж, может быть,
Любовь – товар хороший,
Но им, как говорят, не будешь сыт.
В богатстве путь
К успеху и свободе...»
«Оружье вы везёте?»
«Нет! Кредит».
«Кредит?
На жизнь?
На смерть?
Кредит на душу?
Чтоб без вас
Японцам не вздохнуть?»
«Да, мы, американцы, так богаты,
Что все народы
Можем накормить.
Мы – братья старшие
Всем нациям Земли:
Арабам, азиатам и японцам...
И богом так завещано
От века!»
«Я понимаю вас, – сначала накормить
Хотите вы, а после изошрённо
Подвергнуть угнетенью человека...
Ваш Томас Джефферсон,
Насколько знаю,
Другого мнения придерживался и...»
Тут замолчали мы.
Всходило солнце.
Заветный берег
Виделся вдали...

Землю
Взрывы сотрясают...
Звёзды
Освещают ночь.
Кто, безумный,
Мне мешает
Мрак бессонниц
Превозмочь?
Я хотел бы на рассвете,
После ночи, как всегда,
Золотое солнце встретить,
А не в прахе города!

Ребёнка
Убаюкала Земля
И в нежные туманы
Спеленала,
Цветами озарённые поля
Упали в колыбель
На покрывало.
И песня колыбельная
Звучит
В притихшем мире сладко, одиноко,
Но где-то вновь
Оружие гремит
То с Запада, то с Юга, то с Востока...
...Эй, перестаньте
Оружием бряцать,
Чтобы не страшно детям
Было спать...

Переводы Ю. Никоничева

А жаль, что мир устроен так неладно,
Что жизнь не прочна и не жить – нельзя.
Наверно, потому живут так жадно,
По кромке Бытия с трудом скользя.

А на небе ясном и неясном
Чудеса небесные горят,
И мечты в кораблике атласном
С Божьей верой и с душой парят.

Я поплыл в кораблике атласном
Жизнь искать иную, лучше той...
Человеком стало жить опасно –
Все трудней спастись добротой.

Добрая песня

Солнце ли высветит радости наши,
День ли настанет вчерашнего краше,
Время ль наступит посева семян, –
Добрую песню разносит Хасан.

В зной ли палящий, в жестокую выюгу,
Чтобы сердца прикипели друг к другу,
Чтобы не сбился с пути караван, –
Добрую песню разносит Хасан.

Чтобы с мечтой о несбыточном чуде
Не расставались хорошие люди,
Чтобы их души не застил туман –
Добрую песню разносит Хасан.

Скрижаль с небес спускается в лучах
В ответ на зовы горнего желанья –
А я меж тем почти совсем зачах
Без светлого небесного посланья.

А я едва ли душу не сгубил,
Попав в силки неверья и соблазна,
И в сердце чувство горькое впустил,
Что жизнь была дарована напрасно.

Но небеса услышали мольбу
И сердцу ниспослали утешенье,
И я благодарю свою судьбу
За благости небесной проявленье.

Я понял: мне не зря тропу торить,
А истины вершинной множить знанье –
Затем, чтоб в каждом сердце повторить
Ее невыразимое сиянье.

Тогда душа любая разглядит,
Что надо жить, стремясь к тому мгновенью,
Когда природа вновь нас возродит
Несгубленную сущностью своею.

Безмерна в мире только власть Творца,
Гармония сильнее всякой смуты,
И не шагаю я путем слепца,
Как мне казалось в мрачные минуты.

Махти УЛАКОВ,
д.ф.н., зам. председателя КБНЦ РАН
по научной работе

ДРУГ И НАСТАВНИК

(К 80-летию со дня рождения профессора З. Х. Толгурова)

Любой непредвзятый разговор о профессоре Зейтуне Хамидовиче Толгурове, о его творчестве и научной деятельности насыщен определениями превосходного качества. И это истина. Его проза, будучи в высшей степени сложной в смысле архитектоники, образной системы и философских идей, воспринимается как тонкое, ясное и эмоциональное повествование, воздействующее на сознание любого читателя, вне зависимости от его образования и культурных запросов. З. Х. Толгуров одинаково популярен у национальной интеллигенции и рядовых работников наших сельхозпредприятий. Его произ-

ведения находят живой отклик в сердцах жителей не только самых дальних балкарских и карачаевских сёл, но и русскоязычных читателей региона, – в этом утверждении нет ни капли ретуши.

Как учёный Зейтун Хамидович явился тем человеком, который сумел поднять национальное литературоведение до уровня лучших образцов научного анализа литературного контекста. Видимо, это ему было даровано свыше – умение понимать и анализировать текст, ведь уже первая его научная монография – «Формирование социалистического реализма в балкарской поэзии» – получила высочайшую оценку у специалистов. Но, даже не говоря о неоспоримом качестве его исследований, мы можем упомянуть их невероятный объём – на сегодняшний день это, скорее всего, бо́льшая часть всей карачаево-балкарской науки о художественной словесности. И, благодаря огромному вкладу в культуру своего народа, в культуру всего Северного Кавказа, Зейтун Толгуров был публичной личностью, весьма популярной и известной во всех социальных слоях общества региона.

Зейтун Хамидович обладал исключительной харизмой – люди тянулись к нему, мы и другие близкие не случайно называли его *бача-ма* – «вождь». Он был открытым и прямым человеком. Скорее всего, все общавшиеся с ним, точно знали отношение Зейтуна к себе. Я это лично тонко чувствовал со студенческих лет. И эта особая коммуникабельность создавала впечатление понятности и простоты настолько достоверно, что в обыденном восприятии Толгуров существовал отдельно от своих произведений, от своих научных трудов. Зная себе цену, он в основных поведенческих моментах оказывался чрезвычайно скромным и даже скрытным, так, что масштаб писателя и учёного не совпадал с ощущениями от него, и лишь его близкие друзья знали некоторые черты личности Зейтуна Хамидовича Толгурова. Те черты, умения и способности, которые и обусловили жёсткость, глубину и точность его научных построений, необычность и мощь художественных текстов.

Мало кто представляет, насколько многогранным человеком он был. Лишь несколько людей осведомлены о том, что Зейтун Хамидович свободно владел немецким языком – настолько свободно, что читал Гёте и Шиллера в оригинале – жизнь ещё ребёнком свела его с репрессированным педагогом-немцем, сыгравшим, кстати, немалую роль в судьбе будущего писателя и ученого. Ещё меньше тех, кто знаком с такими экзотическими хобби Толгурова, как кулинария и короткоклинковое оружие – попросту говоря, ножи. Как говорил сам *Юбиляр*, он ощущал нож продолжением руки. А наточить его мог до остроты, позволявшей обстругать человеческий волос, словно карандаш. Буквально несколько человек помнят, что в дни его молодости сразу несколько тренеров считали его очень перспективным спортсменом. Впрочем, великолепную физическую форму он сохранял до последних дней, и пробежать несколько километров в высоком темпе для семидесятилетнего профессора проблемой не являлось.

Но это, конечно же, частности – они, быть может, и имеют несколько неожиданный характер, и придают личности Зейтуна Хамидовича особый шарм, однако суть его натуры они не определяли. А вот его *неистребимая тяга к обустройству пространства вокруг себя в соответствии со своими представлениями о правильном и необходимом и оказалась тем стержнем, который позволил реализоваться его природным талантам*. Он был круглым сиротой и попал в Казахстан вместе со всем репрессированным балкарским народом в пятилетнем возрасте. Его характер выковывался в недружелюбном окружении местных жителей, в первые годы весьма настороженно относившихся к спецпоселенцам, как он сам мне рассказывал, в постоянных конфликтах с подростками, чаще всего превосходившими его габаритами и возрастом. И конфликты эти не всегда оставались детскими – однажды лишь разрыв кустарного самопала в руках его врага-подростка сохранил жизнь Зейтуну.

Как бы то ни было, он очень рано сформировал собственную систему моральных императивов и никогда не изменял ей. Практически безразличный к материальной стороне бытия, Зейтун Толгуров закономерно пренебрегал социальными условностями статусного плана, что могло приводить и приводило его к конфликтам с людьми, облечёнными властью. Он не знал и не хотел знать, что значит *«положено»*, или *«не положено»*, руководствуясь категориями *«правильно»* и *«не правильно»*, восходившими, в его личном понимании, к глубинным пластам национальной ментальности. Поэтому, даже не задумываясь о последствиях, он поднимал идеологически недопустимые социальные и экономические проблемы ещё в первых своих произведениях. Об этом не пишут, но лишь своевременное вмешательство Кайсына Кулиева и Адама Шогенцукова остановило карающую руку партийных органов республики после публикации повестей *«Эрирей»* и *«Белая шаль»* в первой половине 70-х годов прошлого века. Очень показателен эпизод с восстановлением на работе известного кабардинского литератора Мусарбия Сокурова, нашего вузовского учителя, уволенного из КБГУ. Профессор Толгуров в тот момент пошёл на открытое столкновение с весьма расположенным к нему руководителем, хотя с самим *«пострадавшим»* находился далеко не в дружеских отношениях. А мы все помним, что тогдашний ректор был очень жёстким человеком и противостоять ему мог не всякий – тем более, находящийся в прямом подчинении.

Свободный от влияния тех условностей, которые, к сожалению, довлеют над многими из нас, Зейтун Хамидович закономерно оказался поразительно чуток к процессам, протекавшим в обществе. Возвращаясь к его прозе – ведь он, по сути, оказался одним из первых советских писателей, усомнившихся в жизнеспособности социалистической системы хозяйствования. Это – в повести *«Эрирей»*. А *«Белая шаль»*, по большому счёту – приговор тем формам социализма, в которые выродилась система государственного управления и планирования к середине семидесятых. Разве не тогда, фактически, за полвека до наших дней, Зейтун Толгуров заговорил о неизбежности экономических катаклизмов, об утрате национальной идентичности, о приоритете морально-этического, о пресловутых *«традиционных ценностях»*, наконец?

Или его роман, который ещё ждёт слова исследователей, – *«Белое платье»*. Не вдаваясь в целостную картину поставленных автором проблем, обратимся к одной из них, наиболее выпуклой и фантастически авангардной – казалось бы! Но тёмная великанша Желмауз, живущая в нартском селе, управляющая им и скрыто, по молчаливому попусшению всех жителей, поедающая детей – разве это безосновательная интерпретация Толгурова? Роман был опубликован в начале этого века, но, в целом, написан в первой половине 90-х. И с тех пор, за четверть века, разве не пожары сотни, тысячи и миллионы детей во всём мире, раз-

*Сидят слева направо: А. М. Тенпеев, Т. М. Зумакулова, И. М. Гадиев,
С. С. Гуртуев; стоят слева направо: А. Т. Додуев, А. С. Созаев,
З. Х. Толгуров, Х. И. Шаваев, М. А. Беннаев*

ве не съедены они наркотиками, порнографией, спайсами, гаджетами, реформами образования и науки, в конце концов? Аналогия настолько достоверная и прозрачная, что поневоле приходится задумываться и над реальными версиями происходящего с человечеством, и над самыми радикальными измышлениями конспирологов.

Перед нами – обыкновенное, если это слово применимо для таких случаев, предвиденье. Дар, ниспосланный свыше. Можно сказать и так. Но, вероятней всего – совокупный результат безусловного мужества, таланта и стремления к свободному воле- и мыслиизъявлению и порождённой ими жизненной чуткости. Качеств, так счастливо сошедшихся в единое целое в одном человеке – незабвенном *Зейтуне Хамидовиче Толгурове*.

Нажабат ЖАНГУРАЗОВА,
зам. главного редактора газеты «Заман»

ЗОРКО ЛИШЬ СЕРДЦЕ

Откровенно говоря, несмотря на желание написать о нём, окончательное решение подготовить очерк или эссе давалось с трудом, вызревало достаточно долго. Не складывался образ личности, распадался на отдельные мозаичные фрагменты – слишком уж разносторонним и неожиданным мог быть он. Учёный, общественный деятель, видный писатель, лауреат Государственной премии КБР в области литературы, доктор филологии, профессор... Уход из жизни Зейтуна Толгурова оказался неожиданным ударом для всего общества республики.

Я хорошо помню его лекции. Зейтун Хамидович читал нам историю русской литературы и теорию. Требования его к студентам были высоки, он вообще считался жёстким педагогом. Но так же последовательно взыскательно он относился и к себе. Иначе и быть не могло – без постоянного перфекционизма, подкреплённого твёрдостью характера, Толгуров попросту не смог бы за свою жизнь сделать всё то, что принесло ему заслуженное признание. Ни в науке, ни в социуме, ни в художественной литературе. «Время и литература», «Теория литературы», «Балкарская проза», «Лирика Керима Отарова», «В контексте духовной общности», «Эстетическое мировоззрение» и ещё целый список монографических

исследований – всего пятнадцать. И это лишь научные издания. Вместе с его повестями и романами общий объём написанного Толгуровым кажется просто невероятным вкладом в литературу и в науку о ней – вкладом, обогатившим словесность не только Северного Кавказа, но и всей России.

И сегодня, когда прошло какое-то время после ухода этого светлого человека из нашей жизни, хочется вспомнить хотя бы основные черты его личности, важнейшие вехи биографии и те обстоятельства, которые сформировали характер Зейтуна Хамидовича.

Он рано осиротел – настолько рано, что не мог помнить свою мать, и поэтому любители усматривать автобиографизм в романе «Синий типчак» могут успокоиться – это, прежде всего, художественное произведение. Фактически его вырастил и воспитал его двоюродный брат по линии Ахматовых – Азиз Кудаев, бывший намного старше. Символично, что, будучи грудным младенцем, Зейтун Толгуров вскармливался сразу несколькими женщинами – семь горянок могут считаться его молочными матерями. Нет, сомневаться в отношении родственников к осиротевшему ребёнку нет никаких поводов, но судьба оставшегося без материнского тепла трагична по определению, с этим спорить не приходится. И, как правило, у детей, выросших не то чтобы сиротами, а в неполных семьях, всегда сохраняется обида на окружающее, их сердца черствеют. Но за Зейтуном Толгуровым этого не замечалось, наоборот – его восприятие мира, природы всегда было светлым, доброжелательным.

Желающие поспорить с последним утверждением, может быть, и найдутся – Толгуров славился своим жёстким характером – но автор данных строк в сказанном не сомневается. Какие могут быть сомнения относительно человека, которого постоянно окружали бездомные животные? Это похоже на сказку из нашего детства, но бродячие собаки и кошки, подраненные и больные птицы, встретив Зейтуна Хамидовича на улице, уже не отходили от него. Они знали, что не уйдут ненакормленными и не обогретыми. И помимо душевной, врождённой предрасположенности, у Толгурова была и иная причина так относиться к братьям наши меньшим.

В Казахстане, где шестилетний балкарский сирота провёл своё босоное детство, у него был друг – огромный белый алабай соседней Азиза Кудаева, тоже балкарцев, тоже уроженцев Быллыма – Афашоковых. До конца своей жизни Зейтун Толгуров вспоминал этого пса, до конца своей жизни ощущения от пыльных равнин и детства связывал с волкодавом. И каждый раз, когда эта история всплывает в моей памяти, я не могу сдержать слёз, да и не хочу их прятать. Дети страданий, дети выселения! Каковы они были – обречённые на гибель, на исчезновение и забвение, но выстоявшие, победившие, выросшие, ставшие на ноги – те, кто поднял народ, кто донёс его имя до сегодняшнего дня, до целого мира!

Тогда было трудно всем, никто из спецпереселенцев не знал ощущения полной сытости. Зейтун, естественно, не был исключением, но из своей доли мальчик постоянно выделял часть пищи для подкормки собаки. Он кормил пса сквозь щель забора, и тот через какое-то время привык ждать Зейтуна. Это было их место, их общая тайна. Так продолжалось долго, более года.

Недобрым вечером в село забрёл взбесившийся волк. В те годы это было частым явлением, и на майдане перед сельсоветом даже висело специальное било – кусок железа, ударами о который жителей предупреждали, чтоб они не выходили на улицу. Зейтун пропустил сигнал. И оказался один на один со зверем. Он заметил его на дальнем конце опустевшей площади, но уже ничего не мог поделать – только заплакал в голос. Зверь уже бежал к Зейтуну, и он до последних своих дней не сможет забыть кровавую пену, капавшую из пасти на землю майдана. Будущий писатель был мал, но ясно осознал, что это – его смерть. Однако алабай, там, в пятидесяти метрах от площади, тоже чётко понимал, что происходит. Он порвал цепь, перепрыгнул через забор и перехватил волка в считанных метрах от маленького Толгурова. Понимающие люди знают, как животные чувствуют бешенство и как оберегают себя от этого заболевания. И волкодав знал, что спасает своего друга предельно высокой ценой... Этот свой долг перед четвероногими братьями Зейтун выплачивал до последних дней своей жизни – куском хлеба, отношением, любовью.

Ему везло – на его пути всегда встречались души, согласные на многое в стремлении поддержать сироту – безвестный капитан в райцентре, обогревший, накормивший, одевший незнакомого ребёнка, друг-чеченец, дравшийся рядом с ним против местного хулиганья, и этим хулиганьем, в конце концов, искалеченный, директор школы, убедивший Азиза в том, что Зейтуну надо учиться и после окончания восьмилетки. И Азиз, хотевший, чтоб его брат поскорее оперился и встал на ноги, а потому желавший отправить его на бухгалтерские курсы – в те тяжёлые времена работа учётчика, счетовода, завскладом автоматически означала, как минимум, стабильную еду. Но рано повзрослевший Кудаев – а он полноценно тянул всю немалую семью с девятнадцатилетнего возраста – внял словам директора. Эммех – он был немцем-спецвыселенцем – следил за Зейтуном с глубокого детства и прочил ему большое будущее. Азиз лишь спросил у своего брата и воспитанника, чего тот хочет больше всего. Ответ был – «Учиться!» – и этого было достаточно, чтобы поехать в райцентр, выправить все необходимые документы, снять квартиру и ежемесячно привозить продукты подростку, желавшему знать больше, чем он знает. Напомню, что всё это происходило в тот момент, когда в стране ещё голодали полноправные граждане – не только депортированные.

*3. X. Толгуров, И. X. Ахматов, А. М. Теплеев, С. С. Гуртуев, М. X. Мокаев.
Выступает венгерский лингвист Иштван Кангаур*

Зейтун окончил среднюю школу в тот момент, когда балкарский народ получил возможность вернуться на Родину. Он и его двоюродный брат по матери – Ибрагим Хашимович Ахматов – приехали вместе и вместе поступили. Попали в первый набор восстановленного русско-балкарского отделения. После окончания ВУЗа Толгуров работал в газете «Коммунизмге жол», и, надо сказать, что по материалам его фельетонов были возбуждены несколько уголовных дел – неуёмный характер толкал будущего писателя на конфликты и освещение «нежелательных» тем. Но вскоре он поступил в целевую аспирантуру КБГУ, закончил её и остался работать в университете.

Уже к тридцати годам у Зейтуна Хамидовича было многое. Семья, жильё, ближний круг родственников и друзей. Дом Азиза, навсегда оставшийся родным для Зейтуна. Его братья: Ахматовы – Дауд, Мусса, Чепелеу и Ибрагим, Жамал Гузеев, Хамзат Жаникаев; родственники его супруги, его друзья Камиль Азаматов, Муса Текуев, Магомед Мокаев... Немного, ибо Толгуров всегда был очень требователен к себе и людям. С годами их стало ещё меньше – кто-то ушёл из жизни, с кем-то разошлись пути. Он не терпел предательства в любой форме, реагировал на таковое непримиримо и мог простить незнакомого человека, но не друга. Вероятно, поэтому в разговорах о балкарском писателе иногда мелькает фраза о его тяжёлом характере. Но это не так. Зейтун Хамидович Толгуров всегда был в высшей степени благодарен и мягок к тем, кто смог показать ему своё родство и дружбу.

Лучше всего это видно по его отношениям с прямыми родственниками – Толгуровыми. Судьба распорядилась так, что в сознательном возрасте Зейтун увидел первого Толгурова уже в студенческие годы. Эта система взаимоотношений – несколько дистанцированных и уж, во всяком случае, не подразумевающая привычный для балкарцев безусловный патернализм, поддерживалась и родственниками, и самим писателем. Как говорил Толгуров, знать хорошее и помнить добро – целая наука, и есть люди, которые не в состоянии её постигнуть. Поэтому он всегда был сдержан и даже осторожен во взаимоотношениях. Но поступок, открывающий душу человека, демонстрирующий его благорасположение, всегда кардинально менял его позицию, характер его общения.

В далёком 1962 году на проспекте Ленина к Зейтуну подошел незнакомый мужчина. Стояло лето, только что был закончен университет. «Я Толгуров Бекмурза, услышал, что парень из нашей фамилии в эти дни получил диплом о высшем образовании, поэтому искал тебя. Нашёл», – таковы были слова, сказанные им. Он повёл своего младшего брата в универмаг, полностью, с головы до ног, одел его, в ресторане «Эльбрус» накрыл для Зейтуна стол. Как вспоминал сам писатель, первый дорогой костюм, хорошие туфли, рубашка, первая рюмка коньяка – не важно, хорошо это, или плохо, – но всё это пришло из рук Бекмурзы Кубадиевича. Это отношение к сироте, этот поступок навсегда определили отношение Зейтуна Хамидовича к старшему. Невзирая на свой характер, на абсолютное свободолюбие, неумение подчиняться, определявшие натуру Толгурова на протяжении всей его жизни, Зейтун ни разу не усомнился в словах Бекмурзы, ни разу не ослушался его.

Определённость, постоянство отношения, по всей видимости, обусловлены какими-то чертами психотипа Зейтуна Толгурова, так как они в полной мере проявились и в его творчестве. Писатель... Кто знает, каким образом, из чего и как складывается Дар – ведь он, как говорят, есть у каждого. Те, кто служит художественному слову, никогда не ходят торными дорогами, абсолютно верна сентенция нашего поэта Ахмата Созаева: «Хлеб пишущего – не медовый пряник». Но если человек ищет душевной свободы, если природа его разума такова, что не терпит ограничений – перу не миновать его руки.

Можно быть полностью уверенными, что даже при том, что Толгуров не занимался бы профессионально литературой, спрятал бы свой талант, он не смог бы прожить, тихо занимаясь чем-либо, приносящим спокойствие и возможность безбедного существования. Доказательство тому – его живопись, её колорит, явственно раскрывающий всю необычность мышления, мировосприятия Зейтуна Хамидовича. Его картины – вне зависимости от демонстрируемого уровня мастерства – стабильно тревожны. Почему-то все немногие холсты Толгурова создают странное и явное ощущение неустроенности, а объекты, изображённые на них –

земля, поля, горы, леса – уступают в насыщенности небу, именно его Зейтун Хамидович писал наиболее насыщенно и пастозно. Кто его знает – было ли это прямое отражение сквозного понимания неравновесия нашего мира или просто особенности визуальной рефлексии писателя – сегодня уже невозможно установить точно, но в картинах Толгурова чётко выявлены две определяющие черты его мировоззрения, черты, во многом взаимоисключающие – постоянство отношения к описываемым явлениям и феноменам, сопряжённое с удивительной неустойчивостью осознаваемого мира.

И, возвращаясь к дару, к таланту Зейтуна Толгурова, можно утверждать, что его мышление было отмечено трагедийностью изначально. Трагедийностью, восходящей к тонкому и высокому пониманию жизни, её возможной изменчивости, её сложности. Такое свойство художественного мышления не возникает само по себе, на пустом месте... Не так! Оно не может быть качеством, развиваемым личностью путем долгих упражнений и труда. Когда человек пишет полотно, стихи или прозу, занимается любимым делом, или погружается в подсознание, в мир грёз – только тогда эта способность его разума воспринимать окружающее в его трагической гармонии проявляется во всей своей грозной силе. Если бы у Зейтуна Толгурова, помимо умения работать и дисциплинировать свой ум, не было бы качества полноценного слияния с окружающим, с природой, способности воспринимать Высшее, разве его проза достигала бы – в смысле образной насыщенности, символической значимости, языкового богатства – уровня лучших образцов национальной поэзии?

И, хотя сам художник придавал огромное значение социальным функциям выверенного слова, хотя неоднократно подчёркивал роль осознаваемого писателем места литературы в жизни общества, его личное творчество было спонтанным, зиждилось на том, что любители «высокого стиля» называют божественным вдохновением. «Отец писал свои литературоведческие исследования по мере назревания определенных проблем, он рационально обдумывал их, пытаясь так или иначе способствовать реальному развитию национальной словесности. Были случаи, когда он «придерживал» исследование, считая, что освещаемые в нём вопросы ещё не проявлены в балкарской и региональной прозе и поэзии. А вот художественные тексты он писал лишь одним способом – когда не мог не писать, когда, переполнив его сознание, они сами просились на страницы. Я иной раз спрашивал его, какое значение он придаёт тому или иному герою, какова семантика какого-то его образа. И с удивлением убеждался в том, что сам Зейтун Хамидович усматривал лишь самые поверхностные ярусы собственных же символов, собственных же героев, он не мог внятно объяснить глубинные и явственно ощущаемые смыслы своих образов, они жили вполне самостоятельной жизнью, вне зависимости от воли своего создателя. Он ни разу ничего не написал,

заранее обдумав сюжет, концепцию, ни единожды не было такого», – как-то пояснил этот момент его сын Тахир в разговоре со мной.

Коротко говоря, герои Зейтуна Толгурова – искатели смысла жизни, и у каждого из них – свой путь, своё понимание ценностей и необходимых целей. Образы его романов равноценны, самые одиозные и неприязненные из них так же убедительны и художественно достоверны, как и эталонный герой Каспот, они не могут противиться своей сути и поступать в соответствии с волей автора. В границах его повествования единственной привилегией Зейтуна Толгурова оставалась возможность продемонстрировать своё личное отношение к событиям и действующим лицам, но и здесь прозаик оказался весьма сдержан. Лишь одну идею, одну свою тревогу он выражал, не боясь навязать своё видение мира – Родина, слабеющая год от года связь человека с родной землёй и природой – и эта боль читается в каждой строке его произведений.

Многослойные смыслы его произведений, как уже сказано, читаются лишь на самых очевидных семантических ярусах, и здесь нам понятно, что синий типчак – отражение и эмблема системы государственности новой страны, которой, несмотря на все лозунги и призывы, глубоко безразличны судьбы людей, больше того – эта скользкая трава – символ самой жизни, столь непростой, постоянно подвергающей человека испытанию на прочность, и даже самым сильным не всегда дано сохранить лицо и человечность.

Понятно, что судьба маленького Крыма перекликается с судьбой всего балкарского народа, а в портретах окружающих его героев можно усмотреть сходство с конкретными личностями-вершителями судеб предвоенных лет... Но – не побоимся ещё раз повториться – ценность прозы Зейтуна Толгурова не в просматриваемых и доступных анализу семантических порядках его произведений. Последний его роман «Хутай» безусловно и естественно соотносится с этнической историей, в сюжете и образах этого произведения, конечно же, присутствует и доминирует рациональное начало. Но насколько последователен и логичен текст «Белого платья»? Ведь даже эмегеи Толгурова более реальны и убедительны, нежели некоторые герои нашего, действительного мира. Секрет в том, что для писателя не было границы между зримым внешним и внутренним бытием. Его любимое высказывание – парафраз из «Маленького принца»: «Правду видит лишь сердце». Всей своей жизнью, всем творчеством Зейтун Хамидович Толгуров доказывал истинность этого выражения, пронёс свою не меняющуюся мужскую и, одновременно, детскую душу сквозь годы лишений, радости и бесконечного труда.

Асият БОРОВА,
доктор филологических наук, КБГУ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПРОЗЫ ЗЕЙТУНА ТОЛГУРОВА И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

*Сидят слева направо: З. Х. Толгуров, Ч. Т. Айтматов с супругой,
Зульфия; стоят: Ш. Г. Магидов, Ж. П. Кажарова*

Исследователи прозы З. Х. Толгурова, как правило, отмечают социальную заострённость его произведений. Однако главным достижением писателя считаются сугубо художественные составляющие его идеологии – те черты творческого мышления художника, которые позволяют говорить о переходе национальной литературы в новое эволюционное и качественное состояние. Сложное хронотопическое строение, убедительность и художественная достоверность образов, необычайно насыщенные когнитивные периоды, чувственно-эмоциональная наполненность повествования – всё это создало Толгурову заслуженную славу «лирика в прозе» и, собственно говоря, вывело на авансцену карачаево-балкарской и всей региональной литературы. Ему не повезло с переводами, но, даже в переложениях на русский, его тексты давали почувствовать читателю силу и глубину замысла и воплощения, что и позволяло критикам сравнивать Зейтуна Хамидовича с крупнейшими писателями СССР и России последней четверти XX – начала XXI века.¹

Социальная составляющая художественного мышления Толгурова рассматривается, по большому счёту, в отрыве от всех остальных компонент его творческого почерка, и этому есть своё глубоко специфическое для литератур народов Советского Союза объяснение. Не вдаваясь в подробности, упомянем, что активность гражданской позиции авторов любых литературных произведений в координатах теории социалистического реализма, была определяющей, наиболее ценной характеристикой творчества.² Мы знаем десятки и сотни, а быть может, и тысячи примеров, когда безоговорочно несостоятельные с эстетической точки зрения опусы возносили своих авторов на вершину официального признания, рекламировались в масштабных кампаниях, признавались эпохальными достижениями. Говоря о литературе социалистического реализма, точнее о механизмах оценки и статуйирования текстов в её границах, мы всегда держим в памяти Ленинскую премию, присужденную в своё время Л. И. Брежневу за трилогию «Малая Земля» – «Возрождение» – «Целина».

В рамках советской системы оценок литературного произведения понятия «гражданская позиция», «социальная значимость» были дискредитированы, трансформировались в показатель степени идеологической ангажированности текста, в индикатор адаптационных возможностей писателя к актуальным требованиям партийной верхушки – как на федеральном уровне, так и на местах. Поэтому, фактически, сложилась негласная традиция деления литературы на социально- и идеологически обозначенную и, собственно, претендующую на высокий уровень художественности, традиция, иногда оснащенная достаточно убедительными доводами биологического свойства.³ Относительно поэзии можно вообще констатировать, что данный барьер легитимизировался в виде системы жанров, подразумевавшей деление таковых на «лирические» и «гражданские». Как все мы знаем, словосочетание «гражданская поэзия» обозначало совершенно особый род стихотворных текстов, художественные параметры которых зачастую значения не имели.

Однако с прозой З. Толгурова ситуация имеет принципиально иной характер. Начнём с того, что интерес писателя к проблемам общества никоим образом нельзя назвать адаптивной стороной его творчества. Он, как и все национальные прозаики, отдал щедрую дань историческому роману, посвятив перипетиям борьбы за установление Советской власти сразу несколько произведений. Но сказать точно, на какой стороне противоборства писатель ощущал себя, весьма и весьма затруднительно, во всяком случае, в оппозиционных диалогах его героев ни у кого нет решающего преимущества доводов:

«... – Ты веришь в Бога? – спросил Казак.

– Тоба, Астофируллах! Ты сам дьявол.

– А как ты смотришь на человечность, милосердие, взаимопомощь, справедливость – есть такие вещи?

Жёсткие, маленькие глаза Саудат засверкали из глубоких глазниц. Ответ у неё был готов.

– Если бы милосердие, человечность, справедливость существовали бы – я бы до этого дня не дожила бы.

– Ни дня не проработав, чем же ты живёшь, если нет милосердия?

– Помощью Аллаха.

– А страна, односельчане? Их помощь – как тебе?

– Да что они – от большой любви помогают? Ещё сто лет будут корячиться – всё равно не вернут того добра, что от моего отца им досталось.

– Поэтому я ни разу «спасибо» не слышал?

– Ты моего отца хлеба-соли много ел, теперь грехи замаливаешь, в рай дорогу себе строишь.

– У твоего отца хлеба-соли не было. Все вы нашим батрацким трудом жили, – сказал старик, в упор глядя на женщину.

– Надо было свою мать сделать богатой, а не для отца моего стараться.

– В те времена такие, как я, были слепы...

– Да уж, ты не скажешь, что не в состоянии был жить нормально, что Аллах тебе таких способностей не дал».

Есть и более ясные эпизоды диалогов, показывающие, что симпатии и позиция писателя не столь определены, как это требовалось с точки зрения социалистической эстетики:

«... – Тот, кто живёт со своими односельчанами, со своей родиной, бессильным не становится.

– Ты старый, никому не нужный. Никто не любит бессильных. Твои односельчане тебя не уважают. И сейчас сильный тянется к сильному, сильный водится с сильным. Двери больших домов, как и раньше, закрыты для слабых. Вот поэтому, жалея обо всём, что сделал, ты и ходишь к моей могиле».

Юность Толгурова была очень трудной ⁴ – она в полном смысле являлась борьбой за выживание. При этом он знал, что семьи его отца и матери были весьма состоятельны. Легче всего предположить, что прозаик страдал некими предубеждениями и комплексами, в основе которых лежали классовые соображения. Однако природа идеологического дискурса писателя имеет иное происхождение.

Чтобы понять это, достаточно обратиться к тем его произведениям, в которых социальное начало доминирует, составляет сюжетобразующую основу повествования: «... время... мало изменило Сафара. Как был он лентяем, так им и остался. Шарая помнит, как было, когда Советская власть дала беднякам участки земли под огороды и сенокос. Как воспрянули люди, как радостно трудились, зная, что трудятся для себя... ...А что делал Сафар? Даже сена не мог заготовить на зиму... И теперь этот человек стал во главе колхоза, будто он всех умнее и трудолюбивей».⁵

Отрывок из повести «Эрирей», в котором один из главных героев – пастух Шапу – даёт исчерпывающую характеристику вновь избранному председателю колхоза, на первый взгляд, лишён идеологического качества. Но многочисленность и регулярность отрицательных характеристик Сафара, исходящих и от персонажей, и от автора, не случайны.

По ходу повествования становится понятным, что З. Толгуров откалывает коллективному хозяйству в двух принципиальных качествах. Во-первых, писатель сомневается в изначальной способности данной системы воспроизводства облегчить жизнь крестьянства. Его указания на преимущества и комфортность единоличного труда в границах выделенных индивидуальных наделов, недвусмысленно контрастируют с описаниями ситуации в период становления колхоза: «...там, откуда доносились недовольные выкрики, Сафар видел Таусо, Акия, Копу... Это всё зажиточные, у них-то наверняка кое-что припрятано... А тот же Муса... Понятно, отчего он и другие, которые только что шутили и смеялись, примолкли. Муса один из первых подал заявление в колхоз. Сам привёл единственную корову и, когда собирали зерно, дал, сколько мог. Но колхоз, который ещё не встал на ноги, ничего ему пока не давал. Конечно, колхоз ему поможет, он поможет всем. Но чем будет жить Муса, пока не соберут урожай?.. Разве можно отнимать последний кусок у его детей?»⁶

Примечательно, что эти мысли Толгуров вкладывает в голову самого Сафара Сарыева. Демагог и бездельник, амбициозный человек с многочисленными комплексами задумывается о судьбе своего односельчанина так, как это мог бы сделать герой, позитивный во всех смыслах этого слова. И это – не единственный эпизод, содержащий моральную реабилитацию Сафара. Таковые вкраплены в повествование на всех стадиях развития сюжета.

Автор целенаправленно проводит мысль об изначальной, если не положительности, то, по крайней мере, нейтральности своего героя и предоставляет читателю возможность самостоятельного решения вопроса о причинах принципиальной некорректности колхозной системы. Он даже не даёт решающих доводов в пользу тех или иных выводов и реализует свою сверхзадачу путём нагнетания отрицательного саспенс-эффекта, связанного с каждым появлением на страницах повести представителей новой власти. И бесхарактерный Аубекир, и секретарь партячейки Край, которому явно симпатизирует автор, не выглядят людьми, могущими создать порядок управления, обеспечивший бы нормальное развитие общества. Что же касается представителя окружкома Камиля, то он в трактовке Толгурова выступает в роли проводника вполне чёткой политической линии, итог которой – полная дезорганизация хозяйства и традиционного бытия горцев.

Камиль – верхний предел упоминаемой в тексте управленческой вертикали, воля которой странным образом входит в постоянное про-

тиворечие с нормами привычного общежития балкарского аула, с их устоявшимися оценками и повседневными нуждами. Его поступки и решения определяют судьбы героев повести, и по ходу повествования читатель ни разу не сталкивается с благоприятным исходом ситуации, в которую прямо или опосредованно вмешивается Камиль. Автор описывает его подчёркнуто нейтрально, не используя в тексте ни одного явно выраженного оценочного определения, его главный отрицательный персонаж абсолютно индифферентен. Неведомый «окружком» определяет логику его поступков, и, в восприятии читателя, шаг за шагом, эпизод за эпизодом, превращается в силу, целенаправленно извращающую нормы адатной жизни, стратификационные стандарты народа, в конце концов – его моральные устои.

В повести «Эрирей» все эти моменты лишь намечены, она не оставляет ощущения жёсткой критики методов колхозного строительства, и, в принципе, внимание автора обращено на описание систем межличностных взаимоотношений. Однако в другом своём произведении Зейтун Толгуров более пристально рассмотрел и дал свою трактовку парадигме государственности Советского Союза – не отрицая философии коммунизма и гипотетических основ социалистического социума, но с явным негативным отношением к базовым системам витальности страны и её идеологии.

Повесть «Белая шаль» в этом смысле вносит полную ясность в специфику и особенности идеологического дискурса прозы Толгурова. Уже экспозиция повествования насыщена пилотными презентациями, дающими понять читателю суть мировоззрения писателя и вероятный характер конфликта. Внешне будущие оппозиции идеологического толка выглядят как противопоставление традиционных и урбанистических норм жизни, причём принадлежность первых к этническим адатным стандартам Толгуровым фиксируется на первых же страницах повести: «... В парке в любой час было полно разного народа, но Ожий давно заметила среди всех мужчину лет шестидесяти, – он всегда гулял тут с белой лохматой собачонкой. «Вот уж верно сказано: нечего делать – хоть собак на водопой води!» – осуждающе подумала Ожий, увидев их впервые. Мужчине в любом возрасте положено при деле быть, какое по силам. А этот...»⁷ – уточним, что героиня буквально приводит балкарскую поговорку.

Повествование буквально пропитано примерами сопоставления адатных представлений и норм жизни в городе. Они касаются всех сторон жизни: статуса пожилых людей, публичного поведения, основ и причин уважительного отношения к личности, взаимоотношений мужчины и женщины – своеобразный, но вполне полный реестр парных стандартов различного происхождения. И, словно желая уточнить свои неоформленные в «Эрирей» сомнения, Толгуров безусловно и в высшей степени агрессивно выстраивает однозначные пары этнического и мар-

гинально-цивилизационного, связывая с последними все свои претензии к нормальям идеологически обустроенного социума.

Особенное внимание Толгуров уделяет манере ведения хозяйства и неизбежной отчётности колхозов перед вышестоящими органами. В таких эпизодах мысль писателя полностью лишена какого-либо камуфляжа – лишение сельчан возможностей автономного заработка как мелкая деталь внутренней политики государства сопровождается у него указаниями на мероприятия и шаги последнего, даже не анекдотического, а выраженного клинического характера. С этой точки зрения, последовательность «ограничение количества домашней скотины» – «вывод из оборота земель» – «скупка частного скота для выполнения плана» – «запрет на содержание ослов» закономерна и даже отмечена своей безумной логикой. Той самой логикой, корни которой остались невскрытыми в «Эрирей».

Толгуров – не экономист, но он в высшей степени убедителен в раскрытии механизмов обнищания и маргинализации села: «...Солтан... помнил, всё время помнил разницу между поголовьем скота, показанным им в отчёте – и имеющимся у него в действительности. В прошлом году мяса сдали почти два плана за счёт резкого снижения поголовья – иного выхода не было. Нынче, как ни отговаривался он... план остался прежним»⁸

В «Белой шали» балкарский прозаик уже более определённо называет виновника происходящего, однако у Толгурова он весьма многолик и вариативен: «Исхак, выслушав тираду Мажита, остался внешне спокоен. И так же спокойно сказал:

– Тебе, значит, не угодны планы, утверждённые районным и областным руководством?

– Мне не угодно вот что... в прошлом году колхоз, чтобы выполнить план по мясopоставкам в сто тонн, сдал пятьсот двадцать голов крупного рогатого скота, средним весом около двухсот килограммов...

... – Да, это бесхозяйственность, – подал голос колхозный зоотехник. – Хватило бы и двухсот голов, если, конечно, их вырастить да откормить хорошенько... Не только откармливать – воспроизводить поголовье не успеваем, молодняк приходится сдавать.

– ...Надо принимать какие-то меры.

– Какие?

– В первую очередь – выполнить обязательства перед государством...»⁹

Или: «...Мы подрываем не только экономику. Подумайте о нравственных последствиях всего этого. Люди утрачивают веру в необходимость и пользу своего труда, саму любовь к земле, уезжают кто куда, аулы пустеют... ..у нас скоро не останется ни пахарей, ни скотоводов».¹⁰ В этом же ряду – город, развращающий души людей, туристы, теле-

визоры, телефоны, автомобили и ещё множество объектов, связанных с понятием технического прогресса и с цивилизационным развитием человека. Складывается ощущение, что Толгуров – консерватор, навязывающий читателю свои анахронические представления и отрицающий любое движение вперёд. Даже трагикомичная сцена схватки осла Гылыу с машиной оставляет открытым вопрос – неужели автор тотально не приемлет всё новое?

И лишь более внимательное прочтение повести позволяет выяснить, что каждый момент негативной оценки актуально происходящего сопровождается неким авторским интерпретационным блоком, объясняющим, каким образом ситуация дошла до описываемого состояния. Всё повествование распадается на оппозиционные нарративные блоки, противостоящие друг другу, прежде всего, аксиологически, чаще всего – в координатах системы оценок главного героя – Мажита. И здесь, в составе конфликтной дихотомии, выясняется, что её негативная компонента может иметь какой угодно вид, проявляться в любых последствиях – от каждодневных пьянок до деградации природы, а вот причина её формирования всегда одна – отказ от привычных этнических ценностей, пренебрежение традиционной моралью и этикой. И недовольство автора изменяющимися условиями жизни, новой техникой, уровнем комфорта – всё это теряет оттенок консерватизма, когда становится понятным – Толгуров осуждает не растущий цивилизационный ценз, а податливость этнического сообщества, стремительно теряющего свои поведенческие нормы и жизненные ориентиры. И в этом вопросе писатель, действительно, согласен быть ярким приверженцем национальной архаики – его выбор между современностью и прошлым обусловлен той формой новых веяний, в которой они входят в жизнь аула Сыртлы. А ведь это не только телевизоры, новые дома, электричество и школы.

Последние десятилетия XX века – это ещё развал села СССР, это – время отказа от аутентичных этнических нравов, время урбанизации и обнищания коллективных хозяйств, время погони за модными вещами и подражания западным образам, годы хищнического уничтожения природы под прикрытием различных строек и обновления.

По Зейтуну Толгурову – это эпоха последних всплесков национального самосознания – истинного этнического духа, базирующегося на всёпобеждающем трудолюбии народа. И писатель, действительно, резко осуждает, неприкрыто агрессивен по отношению к системе социалистического управления, создающего режим наибольшего благоприятствования не здоровым и наработанным веками адатам, а адаптивным тактическим приёмам, благодаря которым на вершине социальной пирамиды оказываются приспособленцы или, в лучшем случае, люди податливые, удобные для тех, кто перекраивает мир под себя. Его идеологический

*З. Х. Толгуров и Ж. М. Гузеев с сотрудниками отделов
балкарской литературы и языка КБИГИ*

дискурс на поверку оказывается развёрткой этико-эстетических кадров, Толгуров игнорирует и партию, и её политику... Есть огромный мир, адаптирующийся к бесконечным социально-политическим экспериментам, к бесконечным способам эксплуатации человека и природы, и есть противоборствующая сторона – этницизм во всех его проявлениях, пусть даже самых консервативных.

И в этом противостоянии не может быть компромиссов, нет частично положительных и частично отрицательных результатов процесса. Толгуров подчеркнуто категоричен – то, что нельзя трогать, трогать не следует: «...Такой способ орошения... .. естественным поливом, – годится лишь на хорошо спланированных, выровненных участках. Здесь же поле неровное, с большим уклоном, – смоем землю, и всё...

– Как же быть? – спросил Солтан.

– Не поливать таким способом.

– Так ведь без полива и урожай получим – нищему суму не наполнить!

– Лучше взять сейчас, сколько земля сама может дать, чем потом не получить ничего.

– А ты думаешь о наших обязательствах? О плане?»¹¹

Писатель совершенно не озабочен проблемой опосредованного выражения собственных мыслей, его повествовательные картины нельзя назвать аллегорическими – для него нет разницы между разрухой нравственной сферы, разрухой экономической и смертью природы. Колхозное стадо гибнет, берёзовая роща вырублена, а ослов, запрет на содержание которых вступил в силу, попросту убивают – и всё это, прежде всего, результаты духовного падения, плоды забвения простых и старых ис-

тин. И лишь потом – следствие неумелого управления, меркантилизма людей, попавших в систему власти. Обвинения партии и всей советской государственности у балкарского прозаика тотальны и всеобъемлющи, но это не обвинения в адрес конечной инстанции; для Зейтуна Толгурова государство вторично, главное же – люди, поддавшиеся соблазнам лёгкой жизни, они меняются, меняются не в лучшую сторону, и уже не желают думать о родной земле: «... – Что же получается? Стали мы жить лучше, богаче, технику заимели – и забросили земли, которые наши предки с таким трудом отвоевали? Они кирками скалы пробивали, прокладывали к тем землям тропы, на которых и туры еле удерживались, – а мы с нашей техникой не можем туда дорогу хорошую провести?»¹² И предваряющая данный эпизод сцена колхозного собрания, посвященного судьбе всё того же клочка земли на склоне: « – Это что же, на своем горбу таскать навоз? Что мы, не люди, а ослы выючные? Нечего тянуть назад, в прошлое!..

– Ты, председатель, не о земле печёшься. О себе, о своей славе!

– Ясное дело! Иначе не полез бы туда, куда техника не проходит!»¹³

З. Х. Толгуров не прощает системе, позволяющей человеку игнорировать ценности, складывавшиеся веками, системе, во многих случаях способствующей подмене этнического чем-то другим. В его понимании, быть может, национальное и не является абсолютно позитивным и правильным, но оно, в любом случае, лучше и функциональнее привнесённого в жизнь горцев последними десятилетиями. И если некоторые сцены – например, отстрел изгнанных ослов, – кажутся личной фантазмагорией писателя, даже в этом случае она вполне вписывается в логику безусловной оппозиции, выстроенной Толгуровым. Сегодня, по прошествии полувека после выхода в свет повестей «Эрирей» и «Белая шаль», мы воочию столкнулись с агрессивностью и непримиримостью маргинализованного сообщества ко всему этническому, природному и естественному. И на наших глазах соскальзывающая с плеч девушек-горянок белая шаль оборачивается прозрачными нарядами женщин на светских тусовках, абсолютной физиологичностью отношений между мужчиной и женщиной, вымышленный отстрел беззащитных домашней скотины воплощается в тысячах и сотнях тысяч диких животных, убитых ради когтя, клыка, желчного пузыря, в миллионах тонн рыбы, сожженной в буртах в целях поддержания цены на неё, бесхозяйственное уничтожение горной пашни спроецировано на весь мир – разве не всё человечество предупреждал герой З. Толгурова Мажит, словно предвидя современные ГМО-технологии, позволяющие взять сегодня от земли то, что завтра исчезнет навсегда?

И, подводя итог всему сказанному, считаем необходимым выделить следующее: проза Толгурова многогранна. Она комплексно охватывает реальные проблемы, как актуальные на момент создания текстов, так и вневременные. Его понимание нравственного, идеологического, эконо-

мического отличалось высоким интегративным качеством – Толгуров, фактически, не выделял отдельные стороны человеческого бытия, видя их цельно в тесном и естественном единстве. Может быть, ввиду монолитности его политического, идеологического виденья окружающего и нравственного, духовного их осмысления, в исследованиях, посвященных его творчеству, идеологии писателя отведено сравнительно мало места. Но и лёгкий обзор его текстов с этой точки зрения позволяет утверждать – собственно идеологический дискурс в прозе Толгурова практически отсутствует, что, собственно говоря, и следовало ожидать от художника, столь явно удалённого от продуманных и заранее выстроенных сюжетов, от рационализма в своём образном мышлении. Его идеологические концепции – не более чем производные наблюдений за трансформациями главного и единственного объекта описания на протяжении всего его творческого пути: нравственности и этики народа, его поведенческих норм и моральных постулатов, таких вечных и таких уязвимых в изображении балкарского прозаика.

Литература

¹ *Полухина Л. С.* У каждого свой посох // Литературная Россия. 1989. 29 января.

² *Цеткин К.* Искусство и пролетариат / Клара Цеткин о литературе и искусстве. М. Художественная литература. 1958. С. 102, 103.

³ *Гинзбург Л. Я.* О старости и об инфантильности. / *Гинзбург Л. Я.* Человек за письменным столом. Л. Советский писатель. С. 190–193.

⁴ *Толгуров Т. З.* Толгуров Зейтун Хамидович. / Писатели Кабардино-Балкарии. XIX – конец 80-х гг. XX в. Биобиблиографический словарь. Нальчик. Эль-Фа. 2003. С. 346.

⁵ *Толгуров З. Х.* Эрирей / Толгуров З. Х. Белая шаль. М. Современник. 1982. С. 200.

⁶ *Толгуров З. Х.* Эрирей / Толгуров З. Х. Белая шаль. М. Современник. 1982. С. 207, 208.

⁷ *Толгуров З. Х.* Белая шаль / Толгуров З. Х. Белая шаль. М. Современник. 1982. С. 4.

⁸ *Толгуров З. Х.* Белая шаль / Толгуров З. Х. Белая шаль. М. Современник. 1982. С. 37.

⁹ *Толгуров З. Х.* Белая шаль / Толгуров З. Х. Белая шаль. М. Современник. 1982. С. 107, 108.

¹⁰ *Толгуров З. Х.* Белая шаль / Толгуров З. Х. Белая шаль. М. Современник. 1982. С. 145.

¹¹ *Толгуров З. Х.* Белая шаль / Толгуров З. Х. Белая шаль. М. Современник. 1982. С. 31.

^{12, 13} *Толгуров З. Х.* Белая шаль / Толгуров З. Х. Белая шаль. М. Современник. 1982. С. 26, 111.

БЕГ ПО СИНЕЙ ТРАВЕ

Главы из романа

... Душа уходила из неё с каждым вдохом и выдохом, с каждым ударом истончающегося сердца, и даже улыбка немеющих губ, которой она хотела обмануть и успокоить ребёнка, была для неё чрезмерным усилием, высасывавшим последние капли жизни. Это было единственное, что она могла сделать для своего мальчика. Ей пора было покинуть мир – в каждом дуновении застоявшегося воздуха женщина осыпала, как заждавшийся даритель покоя в нетерпении приоткрывал чёрные крылья. Не было смысла мучить себя, и невозможно было далее калечить душу единственного, как оказалось, родного существа, терзая его своими страданиями. Счастье и радость, долгие годы жизни рядом с ним, его тревоги и удачи – всё, о чём она мечтала для себя, всё, что она мечтала дать сыну, – сошло на нет, оказавшись маленьким бликом исчезающего «сейчас», пропитанного болью и немощью. Уйти, дать унести себя темному силуэту, застывшему у изголовья, чтобы невысказанное расстояние разделило, наконец, светлую душу Крыма и свинцовые одежды ангела гибели, миазмы его пряного дыхания, врастающие в сердце ребёнка, недопустимо долго находящегося вплотную к смерти.

Кто знает, быть может, Крым будет помнить её – так пусть болезнь и изможденное лицо матери останутся коротким мигом его детства, тем мигом, который без следа растворится в его безмятежных снах и играх со сверстниками. Пусть в его воспоминаниях она будет такой, какой была еще пару месяцев назад – гибкой лозой тальника, сильной и подвижной, как дикий зверь в скалах, стройной и улыбчивой двадцатипятилетней молодой матерью, не знающей себе ровни ни в уме, ни во внешности.

Но будет ли помнить? Неимоверным усилием Халимат положила руку на голову сына и, сквозь бурую пелену, нахлынувшую в зрачки, всмотрелась в лицо Крыма. Нет, слишком мал, он слишком мал, беспомощный детёныш с едва открывшимися глазами, и образ матери не удержится в его сознании, растворится в синеве предстоящих ему лет. Крохотный теплый комочек жизни и радости, не вошедший в пору разума, и уже сегодня он забывает вчерашнее утро.

Горло Халимат сжалось, ватный стук сердца в ушах мешал сосредоточиться. Она обездолена, вбита в прах, нищета её очевидней, чем

нищета безъязыкого дерева или камня. За что Всевышний ниспослал ей такое наказание, такое горе – нет его большего, чем кровь и плоть, оторванная от родителей. И для ребёнка нет беды страшнее, чем забвение; тот, кто потеряет облик матери, забудет всё, а многое он в своей несчастной сирой жизни попросту не увидит, не заметит, пройдёт мимо того, что могло бы согреть его, вдохнуть надежду и смысл существования. Может, надо проговорить это прямо, чтобы помнил, чтобы не забывал?

Кошунственно. Отвратно и немислимо, чтобы мать сказала ребёнку такое, призналась в скорой смерти, впадая в самый страшный грех – да, это он и есть, прямая дорога в ад. Порочно уже то, что Крым видит её умирающей, но нет силы просто смежить веки и шагнуть за черту, не попрощаться с сыном, не посмотреть на него в последний раз на этой земле.

Халимат собралась и вновь улыбулась ребёнку, однако сердце, изъеденное болью, окончателно обессилело, и непослушные слёзы заливали впалые глазницы, переполняли их и бесстыдно текли по лицу, капали на подушку, открывая её ребёнку всё, о чем она хотела смолчать.

– Не плачь, Абий, не плачь. Абий, Абий! – Крым вытирал её мокрые щёки и, всхлипывая, повторял имя – то, которым он впервые назвал мать, ещё будучи младенцем.

Комната, мутное пятно окна, фигуры сестёр, звуки их речи, стены и густой воздух между ними, сама боль, беспокойно ворочавшаяся в её теле – всё это уже отдалялось от Халимат, постепенно превращаясь в неясное марево, колеблющееся где-то там, за границей восприятия, но голос сына вернул женщину. Она вздрогнула и проснулась, словно кто-то потряс её за плечо. Сквозь слёзы улыбаясь Крыму, женщина еще раз ощутила его тепло и вдохнула родной запах.

– Я не плачу. Зачем мне плакать... И ты не плачь. Не бойся, я не умру, мальчик мой, – внятно проговорила Халимат.

Вконец обессилив, она осторожно выдохнула, чувствуя, как безмолвное обволакивающее ожидание окружающих придавило тело, заставляя гаснуть тонкое и частое биение жизни и души, где-то там, в глубине груди. Крым, наивно поверивший её словам, прижался к ней и, убаюканный мимолетным счастьем, притих, согретый и успокоенный. Звуки и свет постепенно гасли, вливая в тугую, эластичную пелену, которая оплела мерцающий огонёк гаснущего сознания и с тихим гулом расширялась, отодвигала от женщины весь этот мир. Всё его горе и неизбывную тоску, тревоги и суету... И боль, пропитавшую каждую мышцу, каждую косточку, каждый клочок кожи.

Но что-то оттуда, из-за этой пульсирующей чёрно-пунцовой стены продолжало тянуться к ней, пронзало спасительную тьму растущего

вокруг забвения и, достигая засыпающего сердца, резало его тонкими, тупо ноющими пластами, сдавливало горло. Она осознавала присутствие своего сына, и это мешало ей окончательно раствориться в спасительной и прохладной пустоте, властно и мощно заполнявшей мироздание. Халимат вновь и вновь собиралась, ловя зрочками истончившиеся струйки стремительно удалявшегося света, и, повинувшись её воле, к ней возвращались шёпот её сестёр, воздух комнаты, смутные очертания предметов.

Они не будут любить её мальчика. Никто. И Айшат, чей взгляд – минуту, а может, годы назад – понятный, как сычужный сыр, сказал всё. Он не умрёт от голода и холода, и, скорее всего, будет есть досыта так же часто, как его двоюродные братья и сёстры, его оденут, его выучат, и, наверное, то, что Всевышний дал ему при рождении, поможет Крыму стать таким же мужчиной, какими были его предки – видящим дальше, чем все остальные.

Но никто не будет любить её дитя. Никто не обнимет его так, чтобы он кровью, текущей по тонким просвечивающим венам,пил заботу и нежность, никому нет дела до того, что дыхание её ребёнка чисто и звонко, как весенний щебет птиц. Даже сейчас, глядя на мерцающий лоб Забирающего жизни, уже склонившегося над ней, она, время от времени выплывая из мглы той стороны в сумрак комнаты, думала о том, что её исхудавшее лицо и дрожащий подбородок не должны ранить ребёнка. И кто же поймёт его летящую душу, этот росток, который она кормила с руки мечтами и чуткостью, взращивала, оберегая от ветра ущелий и недоуменных взглядов?

Она медленно отвела каменеющие глаза от лика ночного ангела к неясному светлому окоёму – мерно раскачиваясь, словно маятник, он парил в непроглядном мраке, то приближаясь, то отдаляясь от Халимат. Кромки его медленно сужались, истекая плотным сизым дымом, но где-то там, за ними, женщина смутно различала... Кажется, это был угол дома, искаженный колеблющимся маревом и странно вывернутый к окну её комнаты. И коровник с длинными яслями. Да. Пегие телята, и две кобылы с жеребятами, прибившиеся к стене.

Потом неожиданно, с болью взорвавшейся в голове артерии, в её память почему-то ворвалась Хабла. Хабла, сельская дурочка, умалишенная, побиравшаяся по аулам ущелья. Нищенка, неизвестно когда и как пришедшая сюда, не имевшая родственников, питавшаяся брошенными ей кусками хлеба и объедками, ночевавшая по дальним углам сараев и хлебов. Это был и её двор, она приходила к Халимат, всегда зная, что здесь она будет есть со стола и вдоволь, а спать – в доме она всё равно не оставалась – на ватном тюфяке и под тёплым одеялом.

Если хозяйки не было дома, Хабла молча усаживалась где-нибудь у стены и могла ждать её часами, кажется, даже не мигая. Привыкшая

к насмешкам и унижениям, она доверяла лишь Халимат, сидела, сумрачными глазами провожая проходивших по двору и настороженно съёживаясь, когда те оказывались слишком близко. Оставаться для людей пустым местом было хорошо для неё, потому что чаще всего их внимание радости ей не приносило. Иногда по каким-то только ей известным признакам она понимала, что Халимат нет дома, и тогда вообще не заходила во двор, и в такие дни, застыв, как изваяние, сторожила ворота и окна дома с улицы.

Никто, кроме Халимат, не знал, что нищенка приходит к ней не за едой и одеждой. В искорёженном, изуродованном разуме Хаблы продолжали жить и обыкновенная человеческая гордость, и осознание собственного достоинства. Адамы горцев не позволяли им обойти вниманием обездоленного человека, поэтому она, бродившая между селами, была всегда накормлена и одета. Но лишь в этом доме её усаживали, как равноправного члена семьи за стол, и лишь Халимат отдавала свою новую, зачастую ни разу не одевавшуюся одежду, а несколько раз, под иронически-неприязненный шепоток, расплзавшийся по переулкам, специально шила нищенке сырмятные чуйаки и платья.

И сейчас, пытаясь взглянуть в открывшийся ей кусочек двора ничего не видящими глазами, Халимат долго не могла понять: кто или что скорчилось в тени коровника – то ли пегий телёнок, сложившийся на отогревшейся земле, то ли Хабла, почему-то оставшаяся там, и решившая прикорнуть, умяв под голову свой заплечный мешок. Раскачиваясь на тягучих волнах беспамятства, видение постоянно искажалось и плыло, рябь и арабески дыма с её краёв не давали нормально всмотреться, но в какой-то момент картина остановилась, словно наколовшись на граненный кованый гвоздь, и Халимат увидела – прямо перед собой – облупленную стену коровника и щелястые ясли из побуревших досок. Прижавшись к ним, спала или просто лежала женщина. Хабла.

– Аллах свидетель, у коровника Хабла притаилась. Там... прячется. Позовите её сюда, – изможденное лицо больной ничего не выражало; на веки запавших глаз напозла смертная синь, для сидевших вокруг и уже ожидавших последнего вздоха, слова её прозвучали неожиданно четко, как будто и не Халимат их произнесла.

Никто не двинулся. Из безжизненной груди их сестры не могла вылететь столь однозначная и осознанно оформленная фраза, было ясно, что умирающая уже не могла желать чего-либо в практически покинутой ею вселенной людей. Родственники только понимающе и скорбно переглянулись: несчастная больная окончательно оторвалась от этого света, не контролировала своих слов и не отличала бред от реальности. Вскинулась и заплакала Жюзюм, затем спохватилась, будто поперхнувшись, замолкла и опустила, спрятав влажное лицо. Загустевший воздух

комнаты застыл, сидящие не шевелились, только Айшат, съезжившаяся и похожая на самодельную тряпичную куклу, мерно наклонялась из стороны в сторону, закрыв рот ладонями. Разум покинул бедную сестру, это было понятно, опередил её исстрадавшуюся душу. Может, оно и к лучшему, да убережёт Аллах умирающую от большего удара, не божеская ли это милость – избавить сестру от боли и горя расставания. Старшая не знала.

Всё в руках Всевышнего. И нет тех, кто избежал своей судьбы, а конец у всех одинаков. Айшат тряхнула головой, прекратила раскачиваться и прислушалась к своим мыслям, как к чьей-то чужой негромкой и назойливой речи, упорно шелестевшей в голове и перекрывавшей торопливый стук крови в ушах и шее. Как ни старалась она, этот голос медленно сгущался в её сердце, на самом его дне, оседал там холодной пахучей слизью, отравлявшей мысли и желания Айшат. Закрывая глаза и на мгновения погружаясь в себя, женщина отчётливо видела, каждым вдохом, нестерпимо жгучим от стыда, ощущала, как этот яд просачивался в стенки сердца, в вены и артерии, сухожилия, в мозг. Никогда ранее она не испытывала ничего подобного. Нечистого. Невозможного вообще, а особенно – у смертного одра младшей сестры, в тот самый день, когда она покидает их.

Но обмануть себя не получается. «Когда это пришло ко мне, – одними губами проговорила женщина, – в эти окаянные дни, или всегда жило в моей недоброй печени?» Не Айшат ли любила свою младшую, не она ли с щемящей болью в сердце наблюдала, насколько необычна и хрупка Халимат, насколько она чужда этому жестокому миру? Почему же теперь она с таким нетерпением торопится бросить уходящую, так торопится улететь, что аж чувствует на лопатках зуд внезапно режущихся крыльев? Почему неподъемно тяжел взгляд стекленеющих глаз Халимат, отчего так тягостно находится рядом с ней и для чего мысль старшей сестры мечется, уподобившись ошпаренной крысе, в поисках приемлемой причины уйти отсюда?

Айшат, скрипнув зубами, длинно, с натужным, еле слышным стоном, выдохнула и крепко – до шума в затылке – зажмурилась. Эти два-три дня медленного умирания сестры убили и её. Её веру в свою душу, сломали и растоптали всё, чем жила она с того момента, когда произнесла слово «я». Нечто, как оказалось, большее, нежели потеря Халимат, занимало её помыслы, и оно – нечто – было даже не будущее этого маленького детёныша, маленького кровопийцы, со всеми его, пропади пропадом, предстоящими годами взросления, жизнью и благополучием. Айшат краем глаза зацепила притихшего рядом с матерью Крыма и уставилась на носки своих туфель.

Золото. Не сирота-племянник, не болезнь и угасание сестры. Примитивно, грубо и просто. Золото. Не зря среди балкарцев с незапамятных

времен ходит поговорка – «Кровь портится золотом». Если она, в чьих жилах живут благородные предки, имена которых по сей день реют над горами, забыла обо всём при виде большого кувшина с выщербленным верхом, кувшина, битком забитого царскими монетами, то что же чувствуют в таких случаях другие люди?

Неожиданно Айшат шатнуло от громоподобного толчка сердца. Зря она сидит здесь, непонятно по какой причине надеясь на замки своего дома. С этих-то, сидящих в комнате, что взять – от них тепла не убудет, они теперь, по сравнению с ней, считай, бедняки, нет у них ни дневных забот, ни ночных тревог. Долго ли разбить её дубовый сундук, скovyрнуть его крышку? Кто его знает – пока она топчется в этой комнате, кто-то уже собрал, вчистую подмел её заветный тайник? Женщину пробило холодным потом, она заёрзала на лавке и, не в силах скрыть волнения от родственников, мелко засучила ногами, уже не обращая внимания на их вопросительные взгляды.

Вчера оно еще было на месте. На дне сундука в дальней комнате, большого, надёжного сундука. Но не существует ни одного замка, полностью недоступного для холодных пронырливых рук. Прошедшим вечером она не оставила там ни одной мало-мальски годной вещи, завалила монеты старьём и лохмотьями, утрамбовала, чтобы в нос шибало вонью заскорузлой грязи и так вернулась к больной. И вот – нет сил усидеть на месте, спокойно исполнить свой долг, быть, как всегда, уверенной в себе старшей сестрой. Всё время кажется, что целое село, включая дряхлых стариков, следит за ней, за её домом, выцеливает свалившееся на неё богатство, и сколько ни успокаивай себя, тревога не оставляет, скребёт и скребёт череп изнутри, бьётся в сомкнутую гортань, покусывает сухое, как скрутившаяся на потолке извёстка, небо. Айшат, уже не сдерживая себя, воззрилась на лежащую сестру – сколько можно упираться, да хоть по щиколотки уйди в землю, а конец один; засохнешь, окоченеешь, так почему бы не поторопиться. Она держится за этот мир лишь кончиками пальцев, дороги назад уже нет, а всё корячится, перекрывает дверь, не даёт вернуться домой. Очаг остыл, вода выкипела, а виновата не желающая умереть Халимат. А тут – опоздал на полшага и можно остаться нищей. По её же вине.

Нет. И терпение бывает излишним. Айшат больше не могла сидеть здесь, не могла себе этого позволить. Женщина встала. Кого из родственников ей бояться, перед кем смущаться? Она старшая, и никто, кроме неё, не распорядится этими инфантильными беднягами.

– Так. Что мы сгрудились вокруг неё, дышать не даём, – Айшат строго оглядела родственников, – так и здорового человека убить можно. Давайте, идите, расходитесь по домам, перекусите чем-нибудь, отдохнуть тоже надо.

Она немного помедлила, взглядываясь в лица сестёр, ссутулившись, став, как и Хафисат, удивительно похожей на большую поджарую птицу, двинулась к дверям. Все остальные, кроме Жюзюм, потянулись за ней: слово старшей – достойная причина прервать это нудное бдение. Они-то живые, здоровы душами и телами, требующими передышки; за то, что их головы коснутся подушек, ни Бог, ни люди их не осудят.

Комната опустела. Жюзюм, оставшаяся подле сестры, долго сидела без движения, с остановившимся взглядом, вслушиваясь в сдавленные вдохи Халимат, в странным образом прорывавшееся сквозь этот клоко-чущий хрип тихое дыхание Крыма. Словно оглушённая, она пыталась осмыслить произошедшее, чувствуя, как недобрый и стыдный жар, вспененная желчь медленно поднимаются снизу от живота к груди и горлу и, перемешанные с кровью из прокушенных губ, покрывают едким налётом язык, горчат на дёснах, растекаются и пылают на лице. Что это было? Она повернула голову к дверям, кем-то оставленным неприкрытыми, скользнула глазами по видневшемуся на другой стороне двора коровнику и прищурилась, будто бы так могла разглядеть прозрачные следы разошедшихся по домам братьев, сестер и невесток. Что это было? Неужели, впервые в жизни взглядевшись в помыслы родных, она увидела истину. Такую истину. Это было похоже на страшный сон – кто-то распахнул души её родных и дал в упор рассмотреть их желания и мысли. Жюзюм никогда не задумывалась о том, почему так или иначе поступают Айшат, Хафисат – это её сестры, и они чисты и хороши по праву своего рождения. Возможно ли, чтоб ясно видимое ею в последние три-четыре дня было правдой? Или, живя повседневными заботами, она сама забыла о своей душе, совести, и теперь её низкая, незаметно для неё погрязшая в отбросах натура ищет что-то подобное себе?

Женщина на мгновение затаила дыхание, сдавила горящие щёки сухими жаркими ладонями. Потом сбоку, на периферии зрения, всплыло бледное лицо Крыма, и она медленно, всем телом, развернулась к нему. Её словно прорвало – стеснялась ли она своих родных, или просто держала себя так, как подобало людям её рода, в высшей степени спокойно и отстраненно – сейчас, оказавшись одна, Жюзюм схватила племянника и, крепко прижав его к себе, заплакала навзрыд, не в силах и не желая сдерживаться. Она напугала мальчика, и слёзы, и рыдания не должны были коснуться его, но совладать с рвущимся из груди сердцем было невозможно. Почему, промолчав все последние дни под странные реплики своих сестёр, часто не веря своим ушам и терпеливо внушая себе, что её уставший мозг попросту извращает смысл их фраз, Жюзюм заголосила только сейчас, когда ушли родственники, она сама не понимала – не боялась же она их! Или решение Айшат было знаком? Это всё – Халимат умрёт, и надежды нет, умрёт прямо сейчас? И что, разве выкинуть сестру из души не то же, что выкинуть её из жизни?

Крым, стараясь выкарабкаться из объятий тётки, упирался руками в её плечи и уже плакал в голос. Его голос вновь вернул мать из забытья, она приоткрыла глаза, но остановила взгляд не на сыне, а на дрожащем, мокрым лице Жюзюм.

– Аллах свидетель, вы и самого крепкого человека под землю загоните своими воплями, – еле слышно пошутила Халимат, растянув губы в подобие улыбки и желая приободрить сестру. Потом она посмотрела на изогнувшегося в руках сестры и тянувшегося к ней Крыма. – Опять плачешь... сын мой. Как будто ты не мужчина.

Крым мгновенно замолчал, и, уступая его детской воле, Жюзюм опустила его на постель сестры. Она в каком-то оцепенении смотрела на то, как мальчик умащивается под боком у матери, потом слегка подалась вперед, поближе к больной. Боязливо обшарив взглядом пустую комнату, она расширившимися зрачками уткнулась в глаза Халимат.

– Тебе легче, оказывается. Теплее. Это мы несчастные, мы нищие, – вполголоса проговорила она, вплотную придвинувшись к сестре. Слезы её пересохли, губы беспорядочно изгибались и прыгали в беспрестанно менявшихся гримасах. Что больнее – проводить своего близкого, увидеть, как душа его парит над телом и потом устремляется в неведомую даль, или присутствовать при том, как на кровоточащие куски разрывается единое целое, при том, как целеустремленные родные с мясом отрывают от себя еще живую душу сестры, словно боясь утонуть вместе с ней в бездне, открывшейся за тающим силуэтом...

Она, мгла, выплеснувшаяся из бесконечного провала, омыла лоб Жюзюм, впиталась сквозь кожу и кость, отравила мозг женщины; её мысли, посиневшие и изъеденные мраком, сложились в безупречный узор, в ажурную морозную дорогу на замерзающем стекле, в конце которой было то, чего она никогда не хотела бы знать.

И сухие, утробные рыдания, больше похожие на прерывистый смех спящего человека, не были плачем по Халимат. Чувствуя суеверный страх, Жюзюм прощалась с живыми братьями и сёстрами, зная, что больше никогда она не почувствует их близости, и осознание собственного одиночества будет мучить её так же, как сейчас оно мучит Халимат. Нет ничего, нет родства, нет крови, нет любви – даже тревога и боязнь за своего ребёнка не предполагают ответа с его стороны. Мать нужна маленькому Крыму в силу его беспомощности, пройдут года, он забудет её, останется один на этой огромной земле, останется один – так же, как сегодня осталась Халимат, как осталась сама Жюзюм.

– Я же просила позвать сюда Хаблу, – еле слышный шёпот больной прервал её горестные размышления. Видимо, в этом желании было что-то настолько важное, что Халимат даже попробовала приподнять голову с подушки. Правда, это ей не удалось – не хватило сил.

Жюзюм ничего не ответила. Бледная, как простыня, она застыла без движения, впившись глазами в сестру и лихорадочно обдумывая свой ответ. Халимат сошла с ума, потеряла разум, нить осознания окружающего уже оборвалась – иначе с чего бы ей в такое мгновение вспоминать непонятно кого? Может, оно к лучшему – Жюзюм, сама того не зная, шла в своих выводах по стопам Айшат, – говорят, безумцы, неотягощенные греховными мыслями, попадают в рай напрямую, ангелы их не останавливают.

– Что ты всё время вспоминаешь эту Хаблу, говорит она с тобой, может, зовёт? – наконец, решила ответить она еле слышным шёпотом. Давно исчезнувшая, пропащая, никто толком не знал, жива или мертва Хабла-побирушка; если она умерла, а теперь вернулась и бродит вокруг дома Халимат, тогда часы сестры действительно сочтены, бродяжка не оставит её под этим солнцем, уведёт с собой. И кому, как не сумасшедшей нищенке забирать Халимат: подобное тянется к подобному, Хабла выбрала такую же безгрешную, как и она сама. Как прихотлива и темна эта жизнь, странен мир, непонятна судьба!

– Кто эта твоя Хабла, я её не знаю, не помню такого человека, – испуганно пробормотала Жюзюм, внезапно подумав, что бродяжка, не попадавшаяся ей на глаза уже три-четыре года, пришла и разыскивает не только Халимат, но может окликнуть и её саму.

– Да уж, так и не знаешь, – изнуренно, на выдохе, проговорила Халимат, следя за сестрой через полузакрытые веки. – Хаблу не знаешь... Со двора нашего не уходила... Месяцами жила у нас, а ты её не помнишь-не знаешь... – Больная почувствовала раздражение, даже что-то похожее на злость, прибитую, притушенную слабостью. Она понимала, видела, что уже долгое время её сёстры разговаривали с ней, как со слабоумной, не контролирующей себя и своё сознание. И понятно было – объяснять им, что это не так, смысла не было, Халимат несколько раз пыталась, но её слова и сбивчивая речь ещё больше убеждали сестёр в том, что больная лишилась рассудка. Понятно, когда каждый вдох и выдох даются с трудом и болью, трудно убедить в своей нормальности тех, кто желает считать тебя сумасшедшей... Какой из сестёр так необходимо было представить её недееспособной, кто из них пустил дурной слушок? Может, Айшат? После всего, что случилось сегодня, можно поверить и в это. Или Хафисат? Неужели хотят лишить силы её завещание, стараются превратить нерушимое слово умирающего в бред полоумного?

Халимат, оторвав взгляд от Крыма, снова попыталась разглядеть за коровником Хаблу. Но непослушное зрение подвело, мир вновь расплылся в неясные темные пласты и просветы между ними, и больной показалось, что она плачет, что это слёзы застилают глаза. Не желая

показать их сыну, она шевельнула рукой в попытке нащупать на одеяле и краешке простыни что-нибудь, чем можно вытереть лицо, но прежде чем нашёлся платок, пальцы её наткнулись на тонкое предплечье ребёнка и затихли на нём. Затем, словно живя своей жизнью, они налились душой, шевельнулись и, едва прикасаясь к коже, двинулись по руке Крыма вверх, к плечу. Дотронулись до коротко стриженных волос, задержались, перебирая их податливое тепло...

«Плачет он... Пока ребёнка до слёз не довела, не успокоилась», – сквозь накрывающую немощь сознание Халимат царапнула досада на себя, а затем она вдруг поняла, что ничего не слышит. Напуганный и обиженный Крым плакал, но ни единый звук не доходил до её слуха, и, осознав это, женщина, настороженно затихла. Тишина придавила её, распласталась на ней, потом словно лузга, сдуваемая ветром, потянулась наверх. Она почувствовала внезапную лёгкость во всём теле, почувствовала всеми обессилевшими членами и удивилась неожиданному теплу – словно солнечный луч, пробившись неизвестно откуда, согрел её холодеющую кожу. Долго ли лежала она так – Халимат не поняла, но вот уже тишина, воспарившая под потолок, словно пыль, словно мука, начала осыпаться умирающую. Каждая крупинка сухой пади отчётливо вонзалась в её плоть, и тонкие, неисчислимые уколы заставляли скулить все мышечные волокна, застонавшие, заскулившие от новой боли, и через мгновение, спасаясь от мучений, они вновь онемели, оглохли. Откуда, из какой выси осыпалась на неё эта грубо молотая мука? Слой за слоем она покрывала всю постель, давила и плющила, тихо журча, словно плёнка воды на камне, и, застывая, инеем проникала внутрь.

«Крупы рушат, или они действительно на мне помол провеивают?» – безумная мысль всплыла в голове Халимат, заставив её поднять глаза к потолку и даже медленно оглядеть комнату, разыскивая тех, кто ссыпал на неё муку. Темнота. Но через какое-то время она начала различать – там, очень далеко, в вышине, смутные фигуры людей, суетливо плавающих в тумане, словно рыбы. Её сёстры и братья... Кто-то развязав горловину бурдюка, кто-то просто руками-ногами, загребая и сталкивая к краю неведомо откуда взявшейся воронки, обдирая небо на её краях – все они торопливо и деловито высыпали на лежащую Халимат грубую пыль, струившуюся вниз мутным потоком. И её светлый, золотоволосый брат Мухаммат вместе с Жюзюм стояли рядом. Просто стояли, не мешая и не помогая остальным.

«Душа ещё со мной, я ещё жива, что же вы меня закапываете, что так торопитесь? Надо крикнуть», – подумала, было, женщина, поняла, что всё это не стоит ни одного слова, но в это мгновение встретилась взглядом с Айшат.

– Я сестра твоя, забыла, бедная? – еле слышно шепнула Халимат.

– Ты о чём это? – Айшат испуганно встрепенулась, и, разом побледнев, сощуриив глаза, плотно, до морщин, сжав губы, всё же придвинулась к постели, нависнув над больной огромным встрёпанным вороном.

«Они думают – жизнь улетает, уже улетела наполовину, язык онемел, разум кончился... Думают, что я обезумела», – ещё раз удивилась Халимат. Бедные, несчастные, теперь они жалеют для неё даже простого льстивого слова.

Айшат сидела, упёршись одним крылом в горло Халимат – в ямочку между ключицами – но потом перебралась на спинку кровати и, вцепившись в ноги сестры, потянула её куда-то вниз. Она проволокла женщину сквозь плотный холм уже насыпанного на постели помола и долго тащила по неровной поверхности. Через зыбкие, неопределённые минуты... Часы? – сестра-ворон добралась до какой-то тёмной и тесной, и горячей, как ствол ружья, норы и затолкала в неё Халимат. Старательно сминая и трамбуя тело сестры, Айшат выдавила его в длинный лаз, пустила вниз, к маленькому язычку пламени, трепетавшему вдаль – трепетавшему, задыхавшемуся, и снова разгоравшемуся – блуждающие глаза умирающей не могли видеть ясно.

Халимат долго скользила в узкой пещере с неясными, колеблющимися стенами, однако догнать сверкающий уголёк не смогла. Так и не поняв, потух огонёк или ещё тлеет, она вдруг упала в непонятную канаву с плотными откосами и, вновь, больно обдирая кожу, рухнула дальше, вниз. Всё постепенно исчезало во мгле, но женщина чувствовала, что пространство сужалось и сужалось, превращаясь в нечто совсем узкое, в обренок тонкой кишки овцы. Кости Халимат скорчило, раздавило, плечи и ребра свело вместе, впрессовало друг в друга или просто раскрошило. Она не знала, она ничего не видела, не ощущала даже боли, но мозг ещё не замолчал, и в его глубине трепетало понимание того, что её оставшейся жизни уже не хватит даже на взгляд назад, на короткое воспоминание, а безжалостные когти, тянущие по сузившемуся до нельзя – до толщины исчезающей нити жизни – обжигающему стволу уже не отпустят.

Короткими вспышками к ней возвращалось осязание, и умирающая чувствовала, как тело вынесло из раскалённого тоннеля, и ступни вдруг коснулись льда, и вновь её засосало в теперь уже промёрзший сводчатый ход, жёсткий и шершавый, равнодушно обдирающий лицо и руки. В мозгу, проснувшись на короткое мгновение, колыхнулось, что вот он, скорее всего, мост Сыйрат, я прохожу по нему, однако на самом излете мысли она поняла, что рука мёртво держит, вросла во что-то. Живое. Тёплое. И ещё до того, как стало ясно, что рядом с ней человек, Халимат вспомнила...

Её единственный ребёнок, её детёныш. Так это его она тянет за собой, так упорно сражаясь за уходящую жизнь? Душа женщины

судорожно рванулась, сквозь невероятные пласты небытия, уже похоронившего её сознание, прорвался детский плач. Да, это он, Крым, она несёт, влечёт своё дитя в ждущую темноту, воткнув скрюченные пальцы в его руку, пытается втянуть мальчика в эту канаву, рытвину, ров, пытается вместить туда, где место ей, лишь ей, и даже ей его не хватает...

Она не могла оторваться от руки Крыма, хотя и понимала, что это надо сделать немедленно, не мешкая ни секунды, и это двойственное ощущение приводило ослабевшую душу женщины в странное беспокойство, граничащее с раздражением. Не было сил распрямить скорченные, сведённые судорогой пальцы, вцепившиеся в рубашку ребёнка, и мальчик уходил вместе с ней, его тоже поглощала, заглатывала эта жадная мгла. Халимат закричала из последних сил, собрав все их жалкие остатки – закричала, или ей только показалось, но Крыма она отпустила, и в эту же секунду непроглядная пещера, в которую она проваливалась, и обволакивающие стены этого непонятного не то рва, не то норы вдруг раздвинулись, и женщина заметила и осознала свет. Свет окна. А следом за этим клубящийся фиолетовый туман, заполнявший комнату, растворился, рассеялся, и она увидела Крыма. Никого, кроме него. И в полной тишине был слышен лишь его плач.

Нет! Ни теперь, ни минуту назад, находясь в тисках чудовищного тоннеля, Халимат не хотела умирать, она просто поддалась боли, мимолётной слабости. Жить ей осталось – всего ничего, но бросить своего ребёнка... Оба они, разделённые невидимой гранью между мирами, не смогут помочь, не смогут согреть, исчезнут друг для друга. Навсегда. Она вновь, с ужасающей ясностью, осознала смерть, и это понимание, такое отчётливое, безнадежное, сжигало её душу. Женщина беззвучно заплакала. Но в глубине её сердца, словно бледный и слабый росток, вызревала мысль... Полумысль, полугрёза, и даже безжалостный рок, бесстрастная смерть, уже ссутулившиеся над ней, не уничтожили этого трепещущего комочка, так безумно подарившего ей ещё непонятную надежду.

Старые, оставшиеся в памяти ещё с глубокого детства фразы, медленно всплыли в её голове, и Халимат, прорываясь сквозь назойливую ткань пространства и колеблющиеся стены зыбкой реальности, молилась, молилась, превратившись и ощущая себя тихими словами, обращёнными в её «я» и в невероятную, безбрежную высь, слившуюся с ощущением собственной личности. «Судьба моя, жизнь моя, вера моя, мой Бог, пусть я стану червём, насекомым, обратите меня, но не гасите моих глаз. Я стану лисой, я стану собакой, хвостом этой собаки... Пусть я стану! Я хочу быть кем угодно, я хочу быть растоптана людьми, пусть я буду чем угодно под ногами бредущих людей – не гасите мои глаза, дайте мне идти, ползти, волочиться за

моим дитём. Дайте мне это!» – не шевеля губами, прошептала Халимат, повторяя каждое сказанное слово по несколько раз, и ей казалось, что кто-то может услышать её просьбу, кто-то, не пренебрегающий такими словами. «Сделай меня вороном, сделай меня вороной – не гаси моих глаз!» И перед её взором вновь появилась Хабла – колеблемая ветром, полупрозрачная Хабла. Сумасшедшая Хабла, потерявшая невесту когда, не появлявшаяся уже три года, исчезнувшая из памяти людей и из этого мира... Халимат вдруг, словно к ней вернулось и счастье, и здоровье горной козы, улыбнулась в надвигающуюся, но тончающую ночь. «Хабла, – вновь и вновь твердила имя умалишённой умирающая. – Она несчастна? Несчастлива ли она, не понимающая собственной убогости, сирости, не знающая, что беспамятна и бездумна? Нет... Оставшийся, отставший, оказавшийся сам по себе, тот оставшийся, что понял, как обрезаны его корни – он бедняк, он нищ. Судьба, вера, сделайте меня такой, как Хабла, как Хабла, бродящая от двора к двору, но пусть не прервётся моё дыхание. Сделайте меня попрошайкой и нищенкой, чтобы всё моё поместилось в котомку бродяги – да не прервётся моё дыхание! Да буду я презираемой, как Хабла, да буду гонимой, да буду нищей и голодной – пусть буду рядом с моим детёнышем».

Она повторяла и повторяла слова, вспыхивавшие в её темнеющем разуме, уже ничего не чувствуя и уходя куда-то ввысь из тесной комнаты, от шершавой, влажной и холодной постели, не видя сестры и даже Крыма, оставшихся там, далеко внизу. Она летела сквозь эфемерное и почти неосязаемое нечто к ослепительному свету, охватившему всё пространство перед ней, весь мир, оказавшийся таким белым, что её истончившиеся веки не могли задержать даже мельчайшей крупинцы его сияния, проникавшего сквозь плоть, сквозь кости, потерявшие вес и материальность. Мира, в котором не осталось ничего, кроме её молитвы, её наивных и всепронзающих слов, и не было ничего, что могло бы остановить их и лишить силы...

...Халимат очнулась внезапно. Что-то до боли знакомое привело её в чувство, какой-то острый запах. Глубоко вдохнув, она поняла, что пахнет солёным сыром и печёнкой, мышцы были налиты почти забытым ощущением силы, возможности двигаться. Реально было это чувство, или нет, действительно ли к ней вернулась способность ходить – она даже не поняла. В её заскорузлые, потемневшие от грязи ступни вдруг ткнулась каменистая дорога, и, даже не осознав, что произошло, Халимат уже шла по неровному грунту, поднимая лёгкие золотистые облачка пыли. Теплой, нагретой солнцем пыли, и даже присыпанные ею острые камни приносили ей удовольствие каждым ощущением от их неровных граней.

На ходу Халимат внимательно рассматривала свои ноги – широкие, словно лопаточки для варки бозы, покрытые потрескавшимся слоем грязи. Удивительно, как они были похожи на ноги Хаблы. Но это её никак не огорчило, наоборот, обрадовавшись чему-то трудно уловимому, она, заулыбалась и зашагала широко и свободно, как мужчина. Тяжёлая заплечная котомка вдруг стала невесомой, словно пучок орлиных перьев, и сейчас из неё в нос Халимат не доносилось аромата привычной пищи, даже не пахло старым зачерствевшим лакомом и пережаренной кукурузой – хотя она откуда-то знала, что всё это лежало в сумке. Был запах травы и яблок. Тянувшийся с гор мягкий ветерок щекотал кожу шеи, осторожно трогал пряди волос за ушами.

Потом – как оно было, каким образом – Халимат не поняла, она добрела до какой-то овчарни и, зайдя поглубже, прилегла в её дальнем углу, подложив под голову заплечный мешок. Здесь она внимательней рассмотрела себя. Оказалось, что она одета в старое платье с подранными локтями и потрёпанным подолом. Его, когда-то давно – Халимат уже и не помнила то время – она сшила своими руками для Хаблы. Но женщину это хоть и удивило, но не сильно беспокоило. Она вообще не могла сосредоточиться, всё казалось неважным, и картины прошедшего путались перед её глазами, мелькали мелко и беспорядочно. Она видела на ткани платья пятна засохшего айрана, молока – заметила мимоходом, краем глаза, и в голове даже мелькнула мысль о том, что люди могут осуждать её, и необходимо постираться. Но она только усмехнулась сама себе, достала из котомки горсть жареных зёрен и закинула щепотку в рот. Пережёвывая их, она сладко заулыбалась, вытянула ноги в старую перегнивающую солому и расслабленно затихла. Запах лебеды и лопухов лился с застрех овчарни, из раскрытых дверей, бил в нос, и, как-то по-новому прислушиваясь к нему, Халимат тихо задремала.

Хабла сидит, прижимаясь к обшарпанной стенке старой кладовки. Кладовка общая, нельзя сказать, что она стоит в чьём-то дворе – построенная ещё тогда, когда братья и сёстры не поделили родительское добро, она и сегодня служит всем сразу. Все согласны с совместным пользованием, обходятся без претензий и недовольства; хранят соленья, сыры, другие припасы. Халимат, которой досталось строение при дележе скотины и имущества, не стала настаивать на своем праве владения, но кому это надо было в те дни? Добро хоть и разделили, но остались-то все рядом друг с другом, далеко не ушли, а Мухаммат и Ибрагим вообще жили в одном дворе с Халимат, в материнском доме. Семьи Хафисат и Жюзюм жили через дорогу, усадьба Айшат расположилась на ближней

окраине села... Как бы там ни было, разговора об этом не заходило и братья с сёстрами вопрос с владением кладовой не решали, просто забыли о нём. Да и удобно это было, всегда есть повод зайти в общее хранилище – чего скрывать, семья Халимат всегда жила богаче. Что такого, если из кадки обеспеченной сестры кто-нибудь заберёт для себя сырную голову – не обеднеет же она? Детями не перегружена, кормить особо некого. Халимат только радовалась – не по голове же себя бить припрятанной от племянников пищей?

Если бы не крашенная дощатая дверь, кладовка была совсем незаметна, снаружи её почти видно – терялась среди обширного двора; приземистая, вросшая в землю, с глиняной, покрытой травой крышей, едва ли не сравнявшейся с улицей. На самом деле, когда кто-то из соседей приходил по делу, то он и не спускался во двор – сверху объяснял, что ему надо, да и шёл назад.

Сейчас на плоской крыше сидел Бойнак, провожая взглядом редких прохожих и тихо поскуливая, когда его глаза возвращались к лицу Хаблы. Люди уже считают его ничьим, думают, что он остался без хозяина, кто-то вообще не обращает на него внимания, кто-то жалеет. Почему они так – псу не понять, сам он себя сиротой не чувствует, его владелец Крым, а он-то – вот, чуть поодаль играет с другими детьми. Да и между Хаблой и Халимат Бойнак не видит особой разницы, даже не ясно, почему все называют Халимат Хаблой. Да, правда, совсем недавно и сам он сомневался, слегка сторонился женщины. Его хозяйка, его кормилица и госпожа Халимат окликала мягким, нежным голосом, она была совсем молода. Она, каждый день вдоволь кормившая его сытной похлёбкой. Когда выходила во двор, словно солнце всходило, пригревало всю округу: такая красивая, свободная и гордая женщина. Рядом с ней и пёс ощущал себя сильным и непобедимым бойцом, стражем. Никто не позволял себе лишнего, даже ходили иначе при том Бойнаке. Каждый стремился погладить его по спине-голове, приласкать, из многих рук получал он ломти хлеба, а кое-кто подсовывал ему куски мяса. Ну да, волкодав дураком никогда не был – принимая угощение, он всегда знал, почему его стараются лизнуть, дело своё – охрану – он всё равно исполнял безупречно.

А теперь? Никто к нему не ластится. Даум – та даже надумала со двора прогнать, наскокивала на него, стараясь ударить коромыслом, комьями земли кидалась. Чего там Бойнак – они теперь даже Халимат в собственный дом не пускают, а ведь пёс всю жизнь прожил, думая, что и двор, и дом, и овчарня, и кладовка принадлежат ей. Что случилось с его сильной, независимой хозяйкой, зачем она вышла из своего дома, одевшись, словно нищенка?

Может, это не Халимат? Хабла? Тогда почему эта Хабла так похожа на его госпожу? – пёс, скуля и нерешительно виляя хвостом, долго и

пристально всматривался в фигуру, прижавшуюся к грубой кладке. Долго смотрел. Но точно принять то или иное не смог: Хабла или Халимат? Она похожа на обеих... Или Бойнака начала одолевать старость? – волкодав спрыгнул с крыши и сел перед женщиной. Повизгивая, взглянул ей в глаза.

Встретив взгляд собаки, бездомная постаралась собраться с мыслями. «Что это? Это кто, что за зверь? – она не узнавала существо, сидящее рядом. – Откуда он появился, откуда пришёл, почему так смотрит на меня? Может, он меня знает, помнит? Прости, Всевышний, а я не могу понять, кто это. Сколько лет хожу в этих местах – сто лет, двести лет – не видела такого животного. – Хабла, оглядывая всю свою жизнь, стараясь прояснить её неуловимые картины, задумалась. – Этот двор, усадьба, этот хлев... Деревья... Кажется, люди говорили, что это всё моё? Кто же мог знать, что они все шутили, просто обманывали меня... Ай, народ, что же так жестоко, кому надо было так издеваться? – женщина, сосредоточившись, встряхнула головой и снова огляделась. – Или, действительно, это всё моё, мой дом. А чего же они гонят меня, почему затеяли делёж, всё растаскивают? А этого не узнаю, не могу. Бедняга. – Она вновь посмотрела на Бойнака. – Ты Айшат? Или Хафисат? Как бы не так, откуда у них время, чтобы всё бросить и сидеть со мной. Меня жалеючи! Неужели – Бойнак? Бедный, ты Бойнак? Ну, конечно же...»

Теперь волкодав не сомневался: этот голос он отличит от любого другого, голос его хозяйки Халимат. Всё изменилось – лицо, фигура, одежда, даже запах стал другим – но звуки остались, такими же, как и были, та же самая мелодия, интонация, как и раньше. Бойнак рванулся к женщине и, припадая на передние лапы и грудь, прыгая из стороны в сторону, предложил ей поиграть, как когда-то. Облизал её руки, ступни, затем снова сел на хвост и уставился в лицо своей госпожи. Глазами, брылями, ушами, повизгивая и скуля, объяснял ей свою радость. Но та вдруг снова изменилась и, вновь став похожей на Хаблу, устремила погрузневшие глаза куда-то вдаль. Она снова забыла – есть ли кто рядом, человек ли, животное ли... Ничего не знает. И двор с хозяйством... Её – не её, нет у бродяжки ни слова по этому поводу. В этом мире ей не нашлось доли, а нашлось – так не осталось. Ни сестёр, ни братьев, ни соседей, ни знакомых. Сидящий перед ней Бойнак – и того нет у неё. Осталось ей лишь одно зёрнышко, один слабенький стебелёк. Он – свет в её глазах, он – её добро и двор, дом и Родина, он – её небо...

Сидевшая у стены кладовой нищенка согнулась ещё больше и, замерев, прислушалась к своему внезапно застучавшему сердцу. Крым. Вот же он. Кто был этот ребёнок, откуда она знает его имя? Сколько ни

спрашивай у себя, а все непонятно... Её сын? Младший брат или просто родственник? Хабла не смогла вспомнить точно, какая разница – ведь виски стучат так резко, так больно! Кто бы он ни был – ей всё равно, но она должна быть с ним.

Затаив дыхание, женщина встала и осторожно, будто её жизнь и дыхание могли, словно воробей, выпорхнуть из груди, шагнула к детям, к Крыму. «Нет разницы», – в каком-то бреде сказала она себе. Не понимая собственных слов, не понимая, почему произносит их, она мелкими шагами приближалась к мальчику, шепча, что нет разницы, её это ребёнок или ребёнок Халимат. Было ясно только одно – вот он, детёныш, ради которого она живёт, ради которого дышит. Это он не дал и не давал сейчас оборваться нити её пульса, он – тот, кто даровал силу её ногам, позволил двигаться тому, что уже умерло.

Хабла достала из котомки кукурузное печенье и завернула в край платка. «Чтобы не остыло», – мелькнуло у неё в голове. Она же не зря хранила витый хлебец уже несколько дней. Припрятала его для Крыма, чтоб он поел его тёплым. Бездомная покрепче прижала завернутый в грязную тряпицу комок к груди. Внезапно её показалось, что Крым может отказаться от её гостинца, и страх охватил её, словно тяжкая беда могла случиться от того, что мальчик не поест хлеба из её рук, словно он откажется от добра и самой жизни. Короткие обрывки мыслей замельтешили в её мозгу, ни одна из них не приняла чёткой формы, они тянулись от головы вниз, сковывая всё тело, лишая свободы и решимости. А, может, это было неважным, кто его знает, зачем нужна свобода, есть же то, что известно всем: накормить голодного ребёнка досыта, дать ему поесть – всегда правильно, единственное всегда правильное желание.

– Крым, бедняжка, – тихо, чтобы не спугнуть мальчика, произнесла Хабла.

Мальчик, держа в руке осколок стекла, которым только что полосовал кусок глины, повернулся к женщине. Видел он её и раньше. Не раз. Но при каждой встрече непонятная печаль охватывала Крыма, иногда доводя до дрожи его сердце. Кто она, эта голодная, не знающая ни еды, ни питья, ни нормальной одежды женщина? Как все и говорят – безумная Хабла? Почему при виде её он каждый раз вспоминает уже забывающееся, уходящее вдаль лицо матери?

Он чувствовал, что при каждой встрече с нишей сердце его вздрагивало и взлетало куда-то вверх, но почему происходило такое – Крым не знал и каждый раз удивлялся. А ещё он видел и понимал, что изо дня в день она становилась всё нужней и ближе ему. Иногда, выходя по утрам во двор и не видя бездомной Хаблы, мальчик ощущал, как грусть и тоска охватывают его... Нет, он не прямо-таки тянулся к ней,

кто она, эта бродяжка, но если она какое-то время не попадалась ему на глаза, он, таясь от всех и от себя самого, начинал искать её, словно невзначай заглядывая за хлев, овчарню, во все укромные уголки большого двора.

– Ты меня узнаёшь, дитя? – Женщина, наконец, осмелилась – видно пришёл-таки срок – задать вопрос, уже долгое время подавливавший ей венту, там, за грудиной. Сегодня или уже никогда.

– Узнаю, – Крым помедлил с ответом, – ты Хабла.

– Я Хабла? – нищая даже отпрянула от него. На краю сознания мелькнула какая-то «Хабла». Вот та бродяга, ночевавшая по дворам, жившая невесть когда – он что, о ней говорит? Откуда этот ребёнок знает давно ушедшую душу?

– Почему ты назвал меня Хаблой?

– Ну так ты же Хабла, вот почему... – опустил голову Крым.

Женщина сосредоточилась, собралась, стала перебирать дни и годы жизни. Да, она что-то держит в голове, знает Хаблу. Была такая несчастная, сумасшедшая попрошайка. Но когда жила Хабла? В очень далёкие времена. В этом дворе не было ни одного ребёнка, когда исчезла безумная нищенка.

– Я тебе не Хабла, – промолвила она, обидевшись, стараясь, однако, быть помягче.

– Ты Хабла, – без тени сомнения ответил Крым. – Люди говорят так.

– Какие люди?

– Айшат и её сёстры сказали...

«Они ведь и мои сёстры, как они могут называть меня этим чужим именем? – едва удержалась от крика женщина. – Они же от меня видели только хорошее, кому я сделала плохо, ни разу же не обеспокоила их, не огорчила, что же они пытаются отнять даже имя?..» – но она вовремя спохватилась и прикрыла рот ладонью.

– А ты свою маму не забыл? – немного погодя, обратилась она к мальчику.

– У меня нет матери, – тихо и неуверенно проговорил Крым.

– В этом мире не бывает детей без матери и отца.

– А я... Меня нашли под забором.

– А это тебе кто сказал?

Мальчик не ответил. Так дразнила его Айшат, и только она, но почему-то объяснять всё это не хотелось. Он молчал, женщина тоже задумалась. Уж она-то хотела и могла сказать многое. И злого, и доброго. Но какой смысл, если она не решается открыть главного? Кому и как она сможет объяснить, что она не Хабла, разве получится у неё уверить ребёнка в том, что перед ним – его мать?

– Мальчик, кто мешает сказать им всем, что у тебя была мать, что она была хорошая, добрая. Кого ты боишься?

Крым слушал, не поднимая головы. Он припомнил, как, совсем недавно, когда он просто вымолвил слово «мама», Айшат побила его хворостинной, приговаривая, что никакой мамы у него нет. К чему же тогда дразнить злую собаку, для чего спорить, утверждая, что мама есть? Матери нет, отца нет, вышел он из пролома в каменной кладке – и его никто не трогает, никто не тиранит, не пристаёт... Крым это уже понял, а иной раз, за то, что он повторял эту заученную правду, Айшат даже угощала его русским медовым пряником. Как она учит? «Разве сладкий пряник не лучше глупой, никому не нужной похвальбы? Живот полон – что ещё нужно человеку?»

– Крым, ты что молчишь? – женщина осторожно положила руку на плечо ребёнку и, секунду помедлив, погладила голову. Крым встрепнулся, поднял голову, прислуживаясь к неожиданно приятному касанию незнакомого человека. С тех пор, как умерла мать, он ни разу не испытал подобного – тепла и нежности чужой руки. Конечно, не весь день-ночь ему говорят гадости, да и женщины-соседки нет-нет да и поглядят его макушку. Но Крым давно научился не обманываться пустыми словами. Однако ласка руки этой женщины, то, как она ерошит его лёгкие волосы своей скользящей ладонью – ни на что не похоже, только на чувства из прошлого. Словно его счастье и радость, превратившись в птицу, садятся на темя, и Крым, боясь вздохнуть полной грудью, боясь шевельнуться, стоит тихо-тихо, погружённый в блаженство. Впитывая тепло руки нищей женщины, как тепло лучей восходящего солнца. И его мать, её слова и голос, её добрые руки, пальцы, длинные, как клавиши большой гармони, стояла перед его глазами и, вдыхая воспоминание о ней, таяло сердце мальчика...

Крым твёрдо взглянул в глаза Хаблы: спутанные волосы женщины прядями выбились из-под платка, и это неприятно толкнуло его где-то там, внутри груди. Эти слипшиеся волосы чётко не совпадали со всем остальным. У неё усталое лицо, бледное, как высохший, поплёкший лист. Тёмные брови, глаза, полные печали, взгляд, прямой нос показались Крыму знакомыми, и он совсем затих, ожидая, желая и не веря тому, что могло вот-вот открыться. Где, когда он видел эти черты? Или он просто обманывается, ему просто кажется? А затем он чётко – словно его сбilo с ног, ударило по голове – «дынг!» – увидел свою мать. Не сдержав слёзы, он отвернулся в сторону. У женщины тоже сдавило горло, и они, ничего не говоря друг другу, долго стояли молча.

– Хотел бы ты, мальчик, чтобы я стала твоей матерью? – спросила Хабла, переведя дыхание.

Не в силах повернуться к родному, нежному голосу, Крым немного помедлил, но всё-таки посмотрел на женщину. Косы его матери были, как струи мёда на солнце, а у этой – голова присыпана пеплом. Мальчик вдруг понял, что сравнивает грязную бродяжку со своей золотой

и светящейся матерью, и, хотя лёгкое впечатление их сходства тепло разлилось по его телу, он отогнал глупую надежду на чудо. Что за странные мысли, откуда появились? Лицо его посмурнело, он крепко сжал губы.

– Нет, не хотел бы, – Крым смотрел мимо лица Хаблы.

Нищенка растерялась. Растерялась так сильно, что сжалось и затихло её сердце. А на что она надеялась? Но кто-то, схватив бьющийся шар её сердца, сжимал его холодной рукой, выдавливая кровь и пригибая тело вниз. Мышцы Хаблы обессилели, словно кто-то полоснул по ним ножом, шаря глазами, она искала, куда бы присесть. Но осталась на ногах.

– И почему же, мальчик? – она осознала, что разум, ясное мышление, на короткое время вернувшиеся к ней, вновь исчезают, окружающее, пространство и время, его картины вновь заволакивало серой пеленой. Страх захлестнул её, и мир ещё быстрее погружался в дымный провал её безумия... Она вновь очутилась в сумраке, в котором терялись дни и годы, люди и предметы, и через пару вдохов лишь её желание накормить этого мальчика, которого она приняла за своего сына – никогда не приходившего в этот мир сына – осталось в её душе. Да, она прямо сейчас разговаривала с ним! Она долго бродила, стирая ноги на каменистых дорогах, перебираясь от села к селу... Так, это так! Приняв ребёнка за своего детёныша Крыма – это же имя её ребёнка – она, забывая себя, следовала за ним по ущельям. Будет и дальше стремиться к нему – к сыну... Её сыну?

Мгновение искра понимания светилась в её голове, она успела осознать ещё раз страшную потерю и, сквозь тонкий серый ливень беспомощности, обнимавший её лицо, подумала, что слишком коротким было её счастье. Ветер пахнул и разом унёс и счастье, и сознание. Когда теперь вернуться они, вернуться ли вообще, или её мечта потонула, как ежевечерне тонет светило?

Женщина опять посмотрела на мальчика и в который раз удивилась, насколько он похож на Крыма. Всё же, счастье человека не обрывается так быстро. Если бы в сердце ребёнка не гнездилась бы память о ней – разве стоял бы он так долго здесь; и ведь никто из детей, кроме него, не смотрит на неё такими глазами, никто из них не затихает перед ней в таком остром ожидании. Это она ещё может заметить и осознать.

– Может, поешь тёплого хлеба, мальчик? На, возьми... – Нищая вытащила из скомканного платка кукурузный хлебец и протянула Крыму. – Сама испекла для тебя, кушай, пока тёплый.

Крым словно онемел. Стоял обомлевший, не зная, что и подумать, и широко раскрытыми глазами рассматривал женщину – от платка до

босых ног. Что у неё лежало в руке – непонятно, шматок глины или кизяк... Внезапно его бледное лицо затвердело, жестокая гримаса легла на его черты и он, так и не ответив нищей, криво усмехнулся.

Бездомную словно стеганули по протянутой руке. Ничего не говоря, она вновь накрыла угощение краем платка и отвернулась. Колени её, не вынося веса тела, дрожали, пересиливая себя, она сделала несколько шагов к кладовой и скорчилась в углу между стеной и забором. Отдав кукурузный хлебец Бойнаку, Хабла плотно скорчилась и надвинула платок на самые глаза: мир пришёл в своё обычное состояние: горькая, тусклая и грязная мешанина.

...Обрыв вдоль дороги, как срез домашнего масла – жёлтый и гладкий. Солнечные лучи добавляют в него рыжего цвета, скользят вдоль кромки, запинаясь в песчинках кварца торчащих из глины камней, сверкают маленькими, но острыми искрами. Совсем рядом с двором, с кладовой. В часы, свободные от мелких домашних дел, дети наперегонки несутся к откосу, играют... В алычики, в «мельницу».

А сегодня никого нет, и Крым сидит здесь один. Мягкая сухая глина, раскрошившаяся в пыль, приятно греет его голые колени, солнце сквозь домотканую рубаху припекает спину. Надо было начинать «молоть кукурузу», но мальчик мешкал, да, в общем-то, и не хотелось ему играть. Так, сидя на коленях, он пробыл у обрыва долго, сам не зная, что его беспокоит. Остановится на чём-то одном, определить, что вот оно, то, что его тревожит и печалит, он не мог. Просто, как часто бывало и раньше, он, оставшись один, впадал в грусть, с черт его лица уходило детство. Неопределённое состояние, о котором Крым и сам не мог сказать ничего понятного – не то поток мыслей, в которых не было ничего весёлого, не то просто его привычка молчать и тосковать по чему-то неясному. Кто его знает. Эта черта характера незамеченной не осталась – в селе знали, что он не особо резвится, находясь в толпе других детей, и то, что сын Халимат всегда держался поодаль от сестёр и братьев своей матери. Близких по крови, едящих с ним один хлеб, одно мясо, пьющих одно молоко, сторониться стыдно – Крым знает. Ну, так и что – разве он всем рассказывает о своём одиночестве? А скрытое – не повод для разговоров, никто же не пристыдил Айшат или Хафисат.

Уж точно – многое в этом мире остаётся тайной для Крыма, многого он не понимает, но то, что родственники его матери ему не близки – это ясно, и он об этом не жалеет. Он ещё пару раз пересыпал пыль из одной ладони в другую, чувствуя, как остатки светлых полумыслей-полугрёз выгорают в его сердце, досадливо поморщился и, желая переменить настроение, посмотрел вдаль, на гору, вздымавшуюся над жёлтым обрывом.

На другой стороне дороги, начинаясь с обочин, росла низкорослая трава и, поднимаясь вверх по отрогам, она до самой вершины окраши-

вала склоны в глубокий и прозрачный синий цвет. Гора, вроде такая же, как все, но на подруг своих не похожа: словно покрыта бархатом, с гладкими, даже лоснящимися боками. Если люди говорят правду, там, за ней расстилается, насколько хватает глаз, широкая, ровная долина. С полосами вызревающей пшеницы, ячменя. Еще рассказывают, что каждый год там жали зерно с полей Халимат, и она подолгу бывала там. Крым не забыл, как женщины возвращались вниз, в село, по зелёному склону. И он хорошо помнит, как, тоскуя по матери, он, плача, ожидал её на пороге дома, вглядываясь в сиреневатую дымку. И она приходила. А теперь, сколько бы он ни сидел у дверей, она не появляется. Но он никогда не обижался на эту гору. Всё ещё с нетерпением глядит на разбросанные, распластавшиеся по скатам каменные глыбы, на косо тянущиеся вверх-вниз козы тропы. На кривые деревца, растущие там и сям среди многочисленных, протоптанных домашней скотиной дорожек. Когда-то, не так давно, мальчик разглядел в чёточках светлых стволов женщин села, возвращающихся домой после сбора сена, и до сих пор его не смогли разубедить в этом. Соседка сказала, что это просто берёзки, но Крым не поверил – разве деревья могут так торопиться, устало закинув на плечи свой скарб и так стремясь вниз, к огонькам. Он спросил об этом соседку, но она молча выслушала его и ушла, ничего не ответив.

Понятно, почему ушла, ещё бы не уйти: Крым не даст себя обмануть. Тем более, в один из вечеров, когда люди спускались вниз – точно, люди, а не берёзы! – среди косцов, спешащих по домам, он увидел свою мать. Она шла впереди всех, не казалась, а шла, такая настоящая и живая, и солнечный свет сверкал на её серпе, словно на серебре. Крылья платка развевало горным ветерком, и мальчик чётко различал и свободную походку, и все движения её тонкой фигуры. Тогда он так и не слез с крыши кладовой, не шевельнулся, опасаясь, что сдвинувшись с места, просто моргнув, он потеряет её, что мать может повернуть обратно. Но никто не спустился с горы. Куда делись все те женщины? А когда стемнело, Крым увидел, что мать, почему-то забрала чуть повыше по склону и двинулась обратно...

Почему? Она боится вернуться в село из-за своих сестёр, или просто дорога осыпалась, стала слишком трудна для неё? А вдруг она заблудилась, не может узнать, забыла путь домой, дом? Заблудшие птицы не могут оставить свои гнёзда, кружат и кружат вокруг них и днём, и ночью, но уже не могут вернуться. Так и летают невдалеке от того места, где потеряли своих птенцов. Так ещё похоже на правду. Если бы Крым стал птицей, он точно не вернулся бы в этот двор. На крышу дома Айшат даже не посмотрел бы. Летал бы себе подальше от людей, или сел бы на плечо матери. Навсегда. Или на её серп – постоянно с ней и помогал

бы жать пшеницу. А пока она работала – слушал бы на верхушке снопа, как поёт и пригревает солнце.

Неужели женщина с соседского дома права, его мать превратилась в дерево, чтоб, глядя со склона, видеть всё, что происходит с ним? Это было в тот день, когда Крым, как обычно, ждал Халимат на плоской крыше кладовой. Идти домой к Айшат он боялся, да и не хотел идти. И эта соседка неожиданно – «шырт!» – появилась рядом, пришла, как тень.

– Мальчик, что ты здесь делаешь? Уже поздно. Пойдём, я тебя домой провожу, – как можно мягче постаралась произнести она.

– Я жду Абий, – не отрывая взгляда от горы, ответил Крым.

Женщина немного постояла, тоже глядя на склон.

– Где ты видишь свою маму, а, парень?

– Вон она, там стоит, – показал пальцем Крым, выцеливая что-то на темнеющей громаде горы. – Видишь?

Соседка, сколько ни всматривалась, не заметила на склоне ни одного человека, ничего живого, двигающегося вверх или вниз. Но не решилась сказать мальчику, что гора пуста, и долго стояла рядом с ним, прислушиваясь к быстро накатывавшим сумеркам. В какой-то неловкости пыталась понять, что же обманывает ребёнка, какой именно предмет он принимает за Халимат. Вот то дерево? Ну конечно, умереть мне на месте – решила, в конце концов, она. Забытые за повседневными заботами свет и тепло заполнили её грудь, что-то печальное и радостное одновременно. Женщина бросила короткий взгляд на Крыма и по-новому всмотрелась в ближнюю по склону берёзу. Внимательно и пристально.

А ведь, действительно, не понять – дерево гнёт ветви под вечерним дуновением вершин, или женщина торопиться к семье, к детям. Всё-таки, дерево. Прости, о Аллах! Дерево, или... Не уверена. А очень похоже. И ещё ребёнок прилепился к подолу. А потом в её память словно упало что-то, даже стукнуло – «дырк!». Айшат же постоянно твердит, что её племянник малохольный, дурачок. Женщина сквозь густеющую темноту воззрилась в глаза Крыма, ища в печальных глазах мальчика и его бледном лице подтверждение или опровержение сомнениям, посеянным злым языком Айшат. «Нет уж, нельзя греха на душу брать, – решила она. – Дитё-то поумней нас всех, вместе взятых, будет».

Соседка ещё раз всмотрелась в тропу на склоне. Теперь и она чётко различала человека – женщину, а, может, мужчину – кажется, спускавшегося по тропе вниз, а теперь остановившегося и поджидавшего отставшего ребёнка. Даже если и не так – сейчас она, поверив Крыму, видит именно это. Ощувив короткий болезненный укол в сердце, женщина с жалостью посмотрела на стоящего рядом мальчика – бедное дитя, не сумевшее уйти вовремя за своей матерью...

– Теперь видишь Абий? – снова обратился к ней Крым после долгой паузы.

– Да, вижу, она идёт, – шепнула женщина.

– И как? Теперь и вчера, и сегодня, и завтра будет идти ко мне?

– Да, мой мальчик, и сегодня, и завтра... – пряча глаза, ответила она.

Крым вспомнил, что мать всегда возвращалась к нему «сегодня» и огорчённо задумался. Так он уже прождал Абий – много раз минуло и «вчера», и «сегодня», и «завтра». «Вчера» и «сегодня» точно прошли, или уже кончаются. Если дело в этом, то надо просто чётко прояснить, в каком из «завтра» он встретит мать.

– Если я просплю ночь и проснусь – «завтра» уже наступит? – спросил Крым. Женщина, не сразу найдя ответ, помедлила. Лгать сейчас нельзя, но и невозможно отнять надежду у сироты.

– Знаешь, – осторожно выбирая слова, промолвила она, наклонившись к мальчику и не отрывая взгляда от его глаз, – мать всегда идёт к своему сыну, и днём, и ночью. Её дорога не кончается, не обрывается... – оборвав себя на полуслове, женщина замолкла. «А дойти ей не суждено», – хотела закончить она, но не стала.

– И я тоже буду идти к моей маме? Всё время? – настороженно заинтересовался Крым.

«Где же такое счастье?» – усмешка её была горькой и незаметной – чтоб не заметил ребёнок. «Путь матери – к детям, дорога детей – от матери». Но Крыму она сказала другое.

– Да, и ты пойдешь к ней, туда, в горы.

– Когда вырасту большим, как ты?

– Да, станешь большим парнем – и пойдёшь, – соседка взяла Крыма за хрупкую руку, охолодевшую на вечернем ветру. – Давай уходить, уже поздно.

...С тех пор минуло множество дней «сегодня» и «завтра». А его мать каждый раз так и возвращается, оказывается рядом, совсем рядом, но от крайних дворов поворачивает в горы. В чём же дело, зачем это ей? Почему, подходя всё ближе и ближе, она оборачивается назад и превращается в дерево? Никто не может объяснить это Крыму. А сам он не решается, не может уходить так далеко. Маленьким детям нельзя уходить далеко от дома...

Перевод с балкарского Тахира Толгурова

ГОРЦЫ

Книга 4¹

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

В углу плетеной хижины сиротливо жмется картина Пьера Прюдона «Распятие», для устойчивости закрепленная жгутами соломы. Лик Христа, приколоченного к кресту большими гвоздями, черен от пыли, смолистого табачного дыма и следов мух. Какими неведомыми путями попала картина французского живописца в эти кубанские степи, как оказалась в казачьем штабе? Висела она тут, по всей видимости, вместо иконы, а под ней чьи-то умелые руки соорудили крест из кукурузных зерен, и когда казаки, входя в шатер, крестились, непонятно было, кому они кланяются – рукодельному кресту или картине Прюдона.

Неподалеку от шатра высилась сторожевая вышка, на которую казаки водрузили изрядную бочку с мазутом и толстенным фитилем. Бочка служила сигналом. При первой опасности, едва на берегу Кубани появлялся неприятель, караульный запаливал промасленный фитиль, оповещая все посты и станицы.

Рядом с вышкой соорудили небольшой загон, где могли разместиться три лошади. Ближе к хижине вкопаны колья, на них сушились овечьи и свиные шкуры. Тут же чадила что есть силы летняя печь с обвалившимся боком, к ней прислонены два небольших котла и один побольше, грязные, с присохшими и заплесневелыми остатками стряпни. Вокруг разбросаны увядшие арбузные и дынные корки. Над печью соорудили некое подобие навеса, камыш на нем прожжен и прокопчен едким дымом настолько, что угадать начальный цвет его было бы трудно.

Все здесь сооружалось на скорую руку, видно, с расчетом на короткий срок, и в то же время нетрудно было понять, что стойбище находится в этом месте давно: почва перед входом в шатер утоптана, как и подле коновязи. В довершение ко всему на постоянное обитание людей указывали и уборная вдалеке, и потемневшая от времени копна сена, и куча печного пепла.

И внутри жилища то же самое – видно, что строили на скорую руку и на короткое время, а задержались надолго. Все здесь было ветхим от времени и неприятным, если можно говорить о приюте в походной

¹ Продолжение. Начало в №№ 1, 2017 г., 2, 3, 2019 г.

жизни. Дверь из жердей была кое-как замазана глиной. Колышки, натыканные там и сям в плетеных стенах, служили для развешивания вещей и оружия, и сразу становилось понятно, что никто здесь не находится постоянно, и все рассчитано на постоянно сменяющихся постояльцев. Помимо угла, занятого копией картины Приюдона, по трем остальным сторонам хижины вдоль стен из глиноплетня мостились лежанки с камышовыми циновками.

Посреди жилища, на манер пастушьих кошар, была выкопана неглубокая яма для очага, по обе стороны вкопаны крепкие колья с очажной цепью. У очага восседал дед Турок. Закавав штанину, он яростно расчесывал ногу. А рядом старый козел, вольготно разлегшись, угодливо лизал ногу хозяина, будто помогая ему. Казалось, животное переняло привычку Турка вечно чесаться. Как начнет дед расчесывать себя, козел тут же подбегает и начинает водить рогом именно в том месте, где находится рука хозяина. Эти двое – старик и козел – настолько свыклись, что представить их врозь было нельзя.

– Вижу, вы сдружились весьма, – усмехнулся Роцин.

– Видишь, ваше высблагородие, человеку нужно живое существо, чтобы было кого пощупать рукой, – философски ответил дед. Он с явным удовольствием запустил корявую пятерню в бороду козла и слегка подергал. – Видите, у моего козла борода особенная. У других она, как у мюридов, жесткая и торчит клином, а у моего – мягкая и ухватистая, трогать приятно. Ты когда-нибудь видел, ваше благородие, чтобы козел к человеку привязывался, как собака? Не видел. А вот эта животина редкая. Всюду за мной, как собака. Даже еду куда верхом – и он за мной. Помню, запер его как-то в закутке для сена, так я не успел за станицу выехать, как он перемахнул через ограду и меня догнал. Ну не чудо ли?

Роцин с удовольствием слушал старика. Он вообще любил разговаривать с людьми, умудренными жизненным опытом. Даже от этих вот простых, неграмотных людей можно узнать столько интересного, чего ни в одной книге не прочитаешь. Да и вообще, считал Роцин, Россия строится именно из обычных людей, и каждый человек – это целый мир.

– А почему тебе дали такое странное имя – Турок? – спросил Роцин.

– Это длинная история, – улыбнулся в усы старик, – расскажу, если не заскучаешь.

– Расскажи, прошу.

– Вот я, который перед тобой, бывал в походах еще во времена сына инарала Цициана, – он гордо постучал себя кулаком в грудь. – Слышал про такого?

– Слышал, как же.

– Вот в те годы я уже был в седле. Во многих перепалках побывал, воевал с персами, турками, горцами. Против грузинского царевича в поход ходил, против Казий-Мухаммеда, даже против самого Шамиля.

А в походе сынка инарала Паскевича на турок меня ранило. Турки меня взяли в плен и в свой стан утащили.

Отдали меня в слуги одному паше. Богатый был – не передать. Сколько у него скота крупного да овец было – он и сам не знал. Дом у него не дом, а дворец стеклянный, набитый золотом и камнями. При таком богатстве паша жадный был страшно, все ему было мало. Особо жаден был до женщин. Говорили, нет такого роду-племени, из которого не имел бы он жены или наложницы в гареме. Русские, черкешенки, польки, грузинки, дагестанки и прочий китай-митай – кого только не было у него.

Одна из женщин паши, гречанка, стала обращать на меня внимание – раз глянула, два глянула, а потом как-то подобралась близко и шепотом говорит: «Мы с тобой одной веры, давай держаться вместе». Паше тут же донесли, что я с его женами шушукаюсь, и повелел он наказать меня жестоко. Я-то и не знал, какое именно меня наказание ждет. Тут опять эта женщина смогла мне шепнуть, что велел паша меня оскопить. И что, я так просто дался бы? Сбежал. Но поймали меня и опять во двор паши вернули. Он говорит: «Вижу, русский, неймется тебе, так я на тебя найду управу». Заковали меня в кандалы и погнали на кирпичный завод саманы лепить. Ох и зверь был этот паша! Прискачет на завод, отломит от самана кусок да разотрет в ладонях, а потом скажет: «Плохо сделали, все растереть руками и заново замесить». Что делать, и растирали, и формовали каждый кирпич заново.

И не приведи бог, если увидит нас хозяин без дела! Бывало, перетаскиваем подсохшие кирпичи с места на место – просто так, чтобы не отдыхали почем зря. Зверь, а не человек! Так бы и сгинул я в рабстве, если бы не горец один. Он к паше прибыл по торговым делам, услышал про меня, видать, и выкупил. Сколько заплатил – по сей день не ведаю. Увез он меня из Турции, до станицы довез – и отпустил со словами: «Ступай с Богом, живи как хочешь. И больше не попадайся этим нелюдям». Вот как бывает... А имя – это прозвище скорее. Один сказал, другой сказал, так и прилепилось – Турок и Турок. Язык турецкий я, конечно, выучил, но никакой я не турок, русский я.

Роцин молчал. Рассказ старика не сильно его впечатлил, таких случаев бывало много. А вот история любви гречанки из гарема к русскому пленному – это было интересно. Старик, конечно, мог и присочинить, зато как ладно! И все же оставаться безразличным к злоключениям Турка было невежливо, и Роцин сочувственно сказал:

– Многое ты повидал, отец.

– Да уж, хлебнул свою долю лиха, – согласно закивал старик. – Только вернулся – тут уж свои казаки постарались, всюду, где что ни случись, меня в строй ставили. В сорок восьмом их милостью в заварухе с мадьярами тоже побывал... И то сказать, велика наша матушка Россия, и

руки ее повсюду дотягиваются. Бога ради, ну чего нам было у мадяров делать? Жили бы себе каждый на своем клочке земли, и все бы путем. Говорят, царь ихний с нашим Николашей по крови сродственники. Они чего-то там решают меж собой, а мы воюем.

– Вот это, – Рошин кивнул в сторону распятия, – ты добыл там, в мадярских краях?

– Там, ваше высблагородие, там. Нагрязнули мы в одно поместье, там в дому и увидел эту картину. Уж не знаю, чем она мне приглянулась. За муки, пожалуй, что на ней расписаны. Это как же, человека гвоздями к кресту прибить! Вырвал я картину из рамы да под седло спрятал. Так и привез. Теперь, куда ни пойду, она со мной. – Турок перекрестил свою объемистую бороду. – И всякий православный, окажись здесь, непременно перед ней крестится да молится. Благое дело!

Турок умолк, ожидая ответа. Но Рошин, кажется, задремал под монотонный голос старика. Подождав немного, Турок все же продолжил: – А ты, высблагородие, куда теперь путь держишь?

– Наш гарнизон перебрасывают в другой форт.

Если быть точнее, полку Рошина надлежало обосноваться в Геленджике.

– Кавказские полки ногам покоя не дают, – покачал головой старик. – Больше землю топчут, чем воюют.

– Ну, не скажи, – возразил Рошин.

– Вот мы, казаки, другое дело. Нам бы только в седло сесть, а там что Бог даст, в любом случае назад не повернем, пока свою долю не отхватим. А вы сейчас, к примеру, придете в свой форт. Закроетесь там и будете сидеть сиднем, головы не высовывая, пока вас вши да парша не заедят живьем. За заборами форта ни вы черкесам, ни черкесы вам ничего не сделают. Особливо теперь. Слухи ходят, будто Шамиль прислал к черкесам своего человека по имени Эмин, ох, и хитер бестия да осторожен, говорят! Век свой якобы в седле проводит да с бесовским оружием в руках!

– Шамилевского посланца мы бы как-нибудь пережили, тут другое страшно.

– И что?

– Война может начаться.

– Ну, начнется и начнется, и бог с ней, – невозмутимо ответил Турок. – Россия всегда в войнах, и никто нас еще не победил.

– Но теперь против нас могут выступить разом три державы – Франция, Англия и Турция.

Старик как-то сжался разом, но продолжал твердить свое:

– И такое бывало, но Россию никто сломить не может.

– Да мы их!.. – подскочил с лежанки в углу мальчуган лет десяти. – Пусть только сунутся!

Рощин погладил его по белобрысой головке. Это был внук Турка, который был здесь подмогой деду. Бойкий казачонок не желал униматься:

– Дед, если придут сюда эти вражины, мы такого жару зададим, что они дорогу домой не найдут!

Старик усмехнулся, с нежностью глядя на внучонка:

– Да уж, больно ты жару задашь, сукин сын!.. – Он горестно покачал головой. – Не надо бы нам этой напасти, не надо. Своего горя довольно. Тут Шамиль с одного боку, Эмин – с другого.

Ему ли было не знать, что сулит человеку война. Своими глазами видел, сколько жизней уносит эта самая Кавказская война, которую вначале империя окрестила «локальной», то есть малой. Какая же она малая, если длится не один десяток лет? А тут еще начнись большая бойня – что тогда будет?

– Вот я, к слову, перешагнул за седьмой десяток лет. И пять десятков из них, не меньше, провел в боях и драках. И когда же насытятся эти безумцы? – Кого корил старик – понять было невозможно. Скорее, он и сам этого не знал, просто отводил душу в словах. – Будет с нас, Гришутка, твой дед уж отвоевался за себя и за тебя! – Он ласково потрепал внука по белобрысому загривку. – Как думаешь, Гришутка, довольно с нас будет?

– Довольно, деда, – согласился внук. – Давай тогда в загадки поиграем!

– Ишь, стервец! Как прицепится – давай да давай! – так и сладу с ним нет, ваше благородие!

– Ну и хорошо, – улыбнулся Рощин. – Давай-ка и я с вами поиграю. Посмотрим, Гришутка, как ты угадаешь вот такую загадку: висится, болтается, всяк за него хватается...

Рощин еще не договорил, а Гришутка уже подпрыгивал на одной ноге:

– Полотенце, полотенце!

– Угадал! – изобразил удивление Рощин. – А ну-ка, вот это: кланяется, кланяется, придет домой – растянется.

Гришутка задумался на минутку, потом радостно закричал:

– Топор!

– Опять угадал!

– Эти легкие загадки он отгадает, – сказал дед. – Ему что потруднее надо. Сейчас я тебе задачу задам:

Был я на копанце,

Был я на топанце,

Был я на кружале,

Был я на пожаре.

Молод был – семью кормил,

Стар стал – пеленаться стал.

Умер – мои кости негодящие

Бросили в яму,
И собаки
Мои кости не гложут.

Ну что, сдаешься, Гришутка? – хитро прищурился дед.

Мальчик присел. Долго он думал, зажав светлую головку между коленями, но ответ все не шел. Вскочил на ноги, уперся глазами в стенку, видно было, что мальчонка думает изо всех сил. Потер лоб, потом стянул с себя рубаху, со злостью скинул башмаки и вышел из хижины.

– Куда это он? – удивился Рощин.

– Он свое дело знает, – махнул рукой Турок. – Пойдем-ка, глянem.

На дворе стояла лунная ночь, рядом несла свои воды Кубань, переливаясь в лунном свете. И где-то на середине реки мелькнула серебристым пятнышком голова Гришутки.

– Вот он! – показал пальцем Турок. – Сейчас переплывет туда и обратно. Случалось, трижды за ночь переплывал.

– Зачем?! – Удивлению Рощина не было предела.

– А мы с ним так в загадки играем. Не угадает – должен реку переплыть, а как вернется, тогда узнает отгадку. У меня уж почитай что загадок не осталось!

Пологий берег Кубани там и сям светился небольшими кострами. Вокруг них мирно сидели солдаты, ожидая переправы. В здешних местах спасу не было от комаров, и потому постоянно жгли костры, дымом отпугивая полчища кровососов. В тишине ночи стоял назойливый комариный хор, и солдаты, непривычные к такому нашествию, время от времени раздражались громкой бранью.

Вскоре Гришутка вышел из реки и подбежал к ним, с него стекали струйки воды.

– Не устал? – спросил Рощин. За внука ответил дед:

– Разве гусь устанет от воды? Бери мой башлык, обернись да штаны выжми.

– Не хочу!

– Отожмись, негоже перед гостем нагишом плясать.

– Деда, ты не темни, давай отгадку!

– А, ты об этом. Ответ простой, это кувшин. Все, довольно на сегодня.

– Нет, еще давай, ну же, деда!

– Так и быть, еще одну.

Сошлись три батрака и говорят.

Один: «Мне летом тяжело!»

Другой: «Мне зимой тяжело!»

Третий: «Мне всегда тяжело».

Ну, отгадаешь?

Тут уже Гришка думал недолго.

– Летом тяжело саням, зимой тяжело подводе, всегда тяжело лошадке!

– Молодец, отгадал. Отдыхай теперь

– Нет, еще одну!

– Ну что ты будешь делать! Слушай, так и быть:

Как шли казаки

Из Азова,

Навстречу казакам

Стары бабы.

Казаки-то им

Загадку загадали,

Загадали наши други,

Загадали!

«А что таково

В саду зелено,

Собой красиво,

С конца остро,

В землю вросло.

Отгадайте, наши други,

Отгадайте!

Стары бабы

Им загадки

Не отгадали,

Не отгадали, наши други,

Не отгадали!

Как шли солдаты

Из Азова,

Навстречу казакам

Красны девки.

Казаки им

Загадку загадали:

«А что таково

В саду зелено,

Собой красиво,

С конца остро,

В землю вросло.

Отгадайте, наши други,

Отгадайте!»

Красны девки

Им загадку

Отгадали...

И что такого, Гришутка, старые бабки не смогли отгадать, а девки отгадали?

Гришутка даже не попытался отгадать, он с разбега прыгнул с бережка и исчез под водой. Минуты две прошло, прежде чем его голова показалась неподалеку от самой стремнины. Рощин выдохнул с облегчением.

– За свеклой поплыл, – спокойно сказал дед Турок, и на лице его была нескрываемая гордость.

На рассвете полк Рощина приступил к переправе. Солдаты рубили камыши и делали циновки, на таких плотках легче было переплывать реку. Те же циновки шли в ход, чтобы подвязать брюхо скоту для равновесия и безопасности. С большим трудом, дабы не промочить, переправляли провиант и порох. Но тяжелее всего приходилось, когда перетаскивали пушки. Их также обвязывали камышом по днищу и бокам, привязывали канаты и тащили по дну реки, держа за концы с одного и другого берега. Лишь после многочасовых потуг солдаты догадались подключить к этой работе волов.

Рощин равнодушно наблюдал за этой картиной, сидя на сухом, невесть откуда принесенном рекой топляке. Он глядел в темные воды Кубани, мерно катящиеся по направлению к своему исходу в море, слушал смешавшиеся в единый гомон крики людей и мычание скота и невольно думал о своей жизни. Еще и шестнадцати не было, когда заступил на воинскую службу. А теперь стукнуло ему полсотни лет. Из них тридцать – в седле да по войнам. А что хорошего было в жизни? О ней думается все больше по тяжелым датам. Родное имение Грушевка, мирная жизнь, потом отец покончил с собой, успев прежде попрощаться с прислугой да попросить прощения. И вот жизнь его, Михаила, не просто пошла на спуск, пора уж, как говаривал Степан Игнатьевич, и ворота закрывать...

Мысли текли одна за другой, наталкиваясь одна на другую, совсем как вот эти волны Кубани. Идет одна волна степенно, с ленцой, другая догоняет ее и толкает вперед, а третья придет – и обе первые обгоняет, и вот уже смешались все волны в единый водоворот. Так и жизнь. Тут, у самого берега, бег реки кажется стремительней, чем вдали, на глубине. Ленивая волна, быстрая волна, крутая волна, а все вместе создают вот эту реку, так похожую на жизнь...

2

Летнее марево стоит над степью. По бескрайней прикубанской долине, по единственной степной дороге тянется бесконечный караван – полк Рощина. Батальоны движутся друг за другом на небольшом расстоянии,

чтобы не разрывать цепь. Опасаясь нападения горцев, каждый батальон катит впереди себя заряженную пушку, рядом несут зажженный фитиль. За тяжелой артиллерией топают солдаты. Многие из них босы – связанные бечевой сапоги висят у них через плечо, а гоншарыки заткнуты за пояса – так сохраннее.

Вслед за солдатами тянутся запряженные лошадьми и волами подводы, к ним привязана всякая живность – коровы, козы, свиньи, в подводах полно кур со связанными ногами, их кудахтанье не смолкает ни на минуту. Тут же, вместе с курами, едут в подводах старики и дети. В бесконечном караване там и сям высятся головы груженных и запряженных в подводы верблюдов. Вдоль дороги с высунутыми языками бредут измученные и тощие дворовые собаки.

Это переселенцы с Украины и центральных российских губерний. Им обещано освобождение от налогов на десять лет, вдобавок по 200–300 рублей ассигнациями каждому – на обустройство личного хозяйства на новом месте и на первые нужды.

Вслед за этой процессией движутся верховые казаки. Хотя идут они тоже пешком, держа лошадей под уздцы, готовые в минуту вскочить в седла. Казачий батальон разделен на сотни, и движутся они, как и батальон солдат, с небольшим отрывом друг от друга. Эти казаки – отчаянные ребята, как развернутся, так спуску никому не дадут. А также они остры на язык, и в пути дают волю своим шуточкам, чаще всего сальным, потешаясь над «хохлами» и «мужиками», как они пренебрежительно называют всех неказаков. Но и те в долгу не остаются, даром что измотаны дальним переходом. К тому же дух путников поднимает близость места, где им предстоит отстроить новую станицу и зажить сытой привольной жизнью. Это ли не повод для радости. Не знали еще пришельцы, сколько горюшка им придется здесь хлебнуть. Но одно они затвердили в уме: в эту землю палку воткни – вырастет дерево.

Самым шумным звеном в растянувшейся колонне были пластуны, к которым примешались и казаки. Они-то и шли в хвосте полка. Перед ними шли торговцы и обозы с продовольствием. Охраняя обозы, с боков шла шумная ватага солдат, называемых фланкерами. И над всем этим гомоном стоял богатырский бас мужика по прозвищу Пластун. Этот верзила провел всю жизнь на торговых рядах, которые звались у казаков батареями.

На шее у него висела перевязанная шнурками пара чувяков из кабаньей кожи мехом наружу. Штаны закатаны, ноги босы. На коленях, на ягодицах, на локтях красовались прочные заплаты из грубой кожи, а в остальных местах его изношенной одежды светилось сто прорех. На одном плече Пластуна висела котомка с нехитрой снедью, на другом – котелок, старое ружье дулом вверх, шомпол для чистки и досылки пули,

тут же болтался кисет с порохом, заточенный под шило козий рог, кресало и прочие богатства запасливого путника.

С особым почтением он держал на груди балалайку. Сейчас Пластун разошелся и наигрывал всем на потеху «Барыню», потому вокруг него было так тесно. Казаки, солдаты, пластуны отплясывали от души, вздымая пыль до небес. За столько дней изнурительного пути люди не выглядели утомленными, напротив, казались веселыми и резвыми, и веселились от всей души, состязаясь, кто кого перекричит и перетанцует.

Дорога вдоль лесной опушки делала крюк, и от головы колонны раздался и стал передаваться по рядам зычный возглас Рощина:

– Подтянись! Поторапливайся!

Форт показался вдаль, и солдаты при виде его оживились.

Летние сумерки уже ложились на степь, лес и море, когда первые ряды полка стали входить в ворота укрепления. Их встречал служитель культа при форте, иеромонах Ироним с хоругвью в руках, и неустанно осенял крестом проходящих внутрь солдат. С другой стороны ворот стоял еще один служитель, размахивая чадящим кадиллом. Посвежевший к вечеру ветерок трепал хоругвь, и концы ее задевали головы, спины, плечи проходящих, словно благословляя. Ироним время от времени затягивал своим зычным голосом:

«Спаси, Господи, люди Твоя

И благослови достояние Твое,

Победы на сопротивных даруя

И Твое сохраняя Крестом Твоим жительство».

С прибытием полка Рощина форт оживился, загудел, как пчелиный улей. Кто-то искал здесь знакомых, кто-то хотел сразу же обосноваться и обрасти новыми знакомыми, всякий рассказывал о себе – откуда и кто он, и расспрашивал других о том же. Лишь к утру редут утихомирился.

Прибытие полка в форт Геленджика выпало как раз накануне большого базара. Люди ждали этого дня, как некоего события и чуда. Чудес, правда, не происходило.

Утро рассветилось над крепостью, тихое и безмятежное. Никто бы не мог подумать, что эта мирная заря, это ласковое море, что стелилось сразу за воротами, могут сулить что-то плохое. Однако вышло иначе.

Рощин встал спозаранок, чтобы оглядеться. Накануне они прибыли на место, когда уже смеркалось, и он мало что увидел. Несмотря на ранний час, на улицах было оживленно. Из ворот Рощин заметил горцев, движущихся к форту кто верхом, кто на подводе, а кто и пешком. В базарный день это обычное зрелище. Обитатели форта также не бездействовали. Маркитанты и мелкие торговцы открывали свои лавочки, готовили торговые места. Раскладывали товар для продажи или обмена.

Базар не разрешали проводить на территории редута, он располагался на пустыре за укреплением. Так повелось со времен большой чумы,

и теперь сохранялся тот же порядок, хотя о заразе давно уже забыли. Скорее всего, такова была воля начальства – чтобы русские с горцами поменьше соприкасались.

Пустырь был обнесен высокой, закрепленной на изрядных столбах изгородью. Несколько калиток на равном расстоянии предназначались для прогона скота, возле каждого выхода стояли по два вооруженных солдата. Когда продавали и покупали скот, пользовались этими проходами. В других случаях собравшиеся на базар люди ходили вдоль изгороди, сквозь небольшие отверстия в которой обозревали товар в лавках маркитантов, которые лепились по внутренней стороне. Если что приглянулось, горцы должны были на пальцах объяснять торговцам, какой товар им нужен, или показывали свой товар, что привезли для натурального обмена. Таким образом, покупатель и продавец видели друг друга только в эти окошки, а на деле никак не сближались. Для удобства и пушшего взаимопонимания возле изгороди были свалены в кучу длинные жерди. Горцы выбирали себе жердь, протягивали ее через оконце и, касаясь нужного товара, говорили: «Давай сату». По порядку, заведенному генералом Хасселем, коснувшийся товара горец обязан был его купить, иначе вещь объявлялась «чумной», и заносить ее обратно в форт не дозволялось.

Если же вещь покупалась у горцев, для нее выдерживали карантинный срок, затем грели над кизячным дымом и лишь после этого проносили в форт. Когда покупали скот, его держали положенное время в отдельном загоне, после чего загоняли в яму с жидкой известью, отмывали, и только тогда скотина считалась незаразной.

Но сегодня базарный люд суетился вокруг одного загона, обнесенного плетнями, – возможно, потому, что здесь не было деления людей и скотины на «чумных» и «нечумных». А еще потому, что здесь торговали овцами непривычного для горцев вида – бескурдючными. Их сразу же окрестили «куцехвостыми» и «собачьими хвостами». Новую породу меринос, которая давала много шерсти, завез из Шотландии в Цемезскую бухту царский наместник Воронцов, надеясь размножить ее на Кавказе и поиметь с того немалую выгоду. В обступившей загон толпе было больше зевак, чем покупателей, но диковина все же привлекала всеобщее внимание. Рядом на арбе стоял долговязый торговец и орал во все горло:

– Одна овца дороже десяти,
По башлыку на десять мужиков,
По два платка на десять баб,
Две стрижки за год –
Вот это овца, подходите!
Берите, пока не поздно!
Осталось мало,

На всех может не хватить!

Бери, выбирай, хватай!..

Возле отары стоял парень в картузе, который, видно, знал больше про эту породу и не уставал отвечать на вопросы, сыпавшиеся со всех сторон. Говорил он складно, и не верить ему простые горцы не могли. Этих овец, говорил знаток породы, давно уже знают в Крыму, куда завезли их из Испании, Франции, а то и из самой Англии. Каждая овечка поболее нашего валуха будет, заливался парень, а бородой аж землю метет. С нашими местными баранами заморские овечки прекрасно уживаются, – добавлял он, – и приносят немалый приплод. Шерсть у этих красавиц белая как снег, мягкая как вата. Ткани на целую черкеску можно наткать из шерсти, что в одной горсти умещается. А за одну меру шерсти можно купить верблюда...

Народ слушал и дивился чуду. Но тут вдруг весь базар развернулся в другую сторону. На пустырь въехал Сафар на арбе, запряженной запорожскими волами. Позади и спереди арбы ехали по шесть человек охраны. Сам же Сафар возлежал на ковре, опираясь на пуховую подушку. Горцы удивлялись, как этот грузный мужчина решился покинуть свое жилище и выйти в народ. Хотя грузным его назвать было бы недостаточно. Не было ни в Кабарде, ни в Карачае, ни в донских степях лошади, что могла бы сдвинуть его с места. Специально для него были закуплены верблюды, и если приходилось ему выезжать, подручные общими усилиями, приподнимая и передвигая эту тушу, подсаживали его в седло.

Адыги говаривали про него: «Аллах послал нам этот позор в наказание за грехи». В молодости Сафар не был таким жирным. Был крупным, большекостным и неуклюжим, зато силу имел недюжинную. За это его почитали, да и теперь уважали в народе, считали справедливым, хотя и жестким. И сейчас они расступились, давая дорогу Сафару. Тот слез с повозки, поддерживаемый своими помощниками, и зашел в ограждение с овцами. Своей жирной ручищей он ухватил за гривок одной овцы, и рука его утонула в рослой шерсти.

– Добро бы русским присылать к нам поменьше вояк да побольше таких овечек, – изрек великан тонким, почти женским голосом. – Откуда, говоришь, привезли? Из Ишпании, или из Ингилиза?

– Из Шотландии, господин, – подобострастно ответил парень в картузе, кланяясь.

Сафар взял палку из рук стоявшего рядом чабана и, примерившись, запустил в гущу жавшейся к изгороди отары. С десятков овец отделились и отбежали в сторонку.

– Сколько ни есть, всех гоните, покупаю, – сказал Сафар.

– Бараны не попали, господин, – предупредил парень в картузе.

– Бараны? Этого добра у нас довольно, – ответил Сафар и рассмеялся своей остроте. Потом добавил: – Выбери-ка еще двух баранов, да лучше.

Умный и дальновидный Сафар с одного взгляда понял: затраченное сегодня на этих овечек он окупит за год. Особенно когда будет одалживать своих баранов соседям для улучшения породы в отарах.

– Ассигнациями или серебром? – спросил Сафар, доставая из нагрудного кармана красивый кошелек с вышитым гербом княжеского рода.

С другого конца базара раздались крики и брань, начался переполох, и люди подались в сторону шумихи. Сафар, сначала не придавший этому значения, увидел, что солдаты валят плетни, разделяющие обитателей форта и горцев, и тяжелой поступью направился туда. Наметанным глазом выделил из толпы стоявшего чуть в стороне худощавого мужчину со светлыми усами, заячьей губой. Это был Рошин. «Кто бы ни был, это достойный человек», – решил Сафар и подошел к незнакомцу.

– Хочу поблагодарить вас, хорошее дело затеяли, – сказал он. Тот кивнул, но ничего не ответил.

Базар бурлил, возбужденные люди сновали по освобожденной площади. Вместе с солдатами растаскивали плетни и горцы, все смешалось здесь – люди, голоса, языки. Слышались ликующие возгласы:

– Рушится ограда шайтанского инарала!

Так называли горцы генерала Хасселя, который находился на Кавказе не так давно, но уже успел порядком наследить. Никто не знал, как он сюда попал и для чего. Не знал этого и Рошин. Доводилось слышать, что отличается где-то в кубанской стороне один отчаянный генерал. А о том, что отец Хасселя был главным конюшенным у тестя императора Николая, короля Пруссии Фридриха Вильгельма III, Рошин не знал. Как и о том, что после получения графского титула у Хасселя появилась надобность обзавестись собственными имениями и русскими поселениями, для чего и пошел на службу в русской армии. Все это было Рошину неведомо, более того – безразлично. Конечно, он не мог не знать, что Хассель вхож в императорский двор и является одним из его придворных, и потому связываться с ним могло быть небезопасным. Тем не менее, полковник считал, что нельзя обращаться с горцами так, как позволяет себе Хассель, и что до добра это не доведет.

В стороне раздалась барабанная дробь, горны протрубили команду «Слушай!». Публика развернулась в сторону, откуда донеслись знакомые звуки. Горцы хорошо знали это место. Там был установлен помост, о назначении которого можно было не говорить. Солдаты с барабаном и горном вышли из форта и остановились близ помоста. Следом на площадь ввели человека в высоком сарыке с бунчуками и со связанными за спиной руками. Все узнали чеченца Бей-Булата.

Бей-Булат давно попал в черные списки русских. Из них следовало, что его нужно выловить и призвать к строгому ответу. И вот он попался, когда возвращался из хаджа морем. Один из паломников донес на него,

и в порту Геленджика его поймали, едва корабль причалил к берегу. Он и подумать не мог, что среди людей, совершивших хадж в священные места, могут быть предатели.

Военным трибуналом этот чеченец был приговорен к повешению. Приговор должен был скрепить своей подписью и печатью командующий причерноморскими частями генерал Хассель. Он не только расписался, а еще и приписал: «С превеликим удовольствием утверждаю приговор. Одним чеченским головорезом станет меньше».

Бей-Булат был уже в годах, но мало изменился: все еще статен, сухощав и крепок. Только седина в бороде, которую он давно перестал закрашивать, выдавала в нем человека пожилого. Аккуратно закругленная борода все же распадалась на отдельные клочья. Горцы смотрели и удивлялись: как это русским удалось поймать этого бывалого вояку, героя, неуловимого наездника, слава которого бежала впереди него?

Арестованного возвели на лобное место. Оглядев обступившую его толпу, он выделил взглядом Рощина и обратился к нему:

– Полковник, можете резать меня на куски, только велите развязать руки.

Рощин дал команду, и пленному развязали руки. Тот потер затекшие запястья, еще раз обвел глазами площадь и собравшихся на ней горцев и громко провозгласил:

– Иншаллах!

Он поправил упавший набок пенек, на который ставили приговоренных к повешению, установил его прямо под свисавшей петлей.

– И в смерти есть мужество! – выкрикнули из толпы.

Виселицей служила толстая ветвь раскидистого дерева. Немало горских голов повидало это дерево с тех пор, как обосновался в форте кровавый генерал Хассель. Казни он устраивал только в базарные дни – для зрелищности, чтобы побольше горцев видели и боялись. Повешенного держали в петле до следующего базарного дня, и лишь потом тело продавали родственникам. Такова была воля Хасселя.

Ствол дерева был врезан в помост, и сейчас Бей-Булат стоял, опершись на него спиной. Ни взглядом, ни лицом он не выдавал тревоги человека, стоящего на пороге смерти. В глазах его читалась все та же дерзость, он смотрел на людей свысока, время от времени окидывая Рощина оценивающим взглядом.

Перед Бей-Булатом стоял есаул средних лет. Он громко читал приговор, каждую фразу тут же переводя на чистый адыгский язык. В приговоре значилось, что Бей-Булат – преступник, от которого вот уже тридцать лет нет покоя русским линиям. Что он – один из ближних наибов Шамиля, что именно он, Бей-Булат, предал огню станицу Карачинскую, а во время Даргинской экспедиции Воронцова он умудрился отбить хвост у русской армии...

Обвиняли его во всех смертных грехах, в том числе и тех, которых не совершал. Только Бей-Булату, казалось, все было нипочем, пусть вешают на него еще столько же. Об одном он думал: что ж, если умирать от руки врага, лучше вот так, прилюдно, чем выстрелом из-за угла. Хоть в памяти народной останешься...

– Глядите, идет! Идет! – раздались голоса в толпе.

К ним приближался скорой поступью долговязый мужчина, длиннолицый и долгоносый, края его нарядной абы развевались на ветру. Длинные бунчуки, свисавшие с белоснежного сарыка, поддерживались двумя челядинцами, следом шла охрана, с одной стороны – люди с ружьями наперевес, с другой – с обнаженными шашками. Ни дать ни взять – султан.

– Сын Зана, это сын Зана, – прошел шорох по толпе. Горцы расступились, давая дорогу влиятельному турецкому паше. Дойдя до помоста, он остановился и, глянув мельком на Рощина, громко спросил:

– А где мой старинный друг Хасиль?

– Занедужил, – сухо ответил Рощин.

– А вы меня не знаете?

– Знать не знаю, но вижу, что вы ферик, вроде нашего дивизионного генерала.

– Благодарю вас, – Зан учтиво положил руку на грудь, приветствуя русского полковника. – Да поможет Аллах моему другу Хасилю, – добавил он, скорее из вежливости. – Прискорбно мне видеть, что у вас под арестом достойный Бей-Булат, который возвращался из хаджа по святым местам на земле ислама в Мекке и Медине. Когда я услышал об этом, с головы у меня, признаюсь, сарык свалился! Именем Блистательной Порты, именем султана, чей драгоценный знак я ношу на себе, требую немедленно освободить Бей-Булата!

– Не я его арестовал, паша, – сдержанно ответил Рощин. – И вины на нем немало, и крови людской тоже!

– Понимаю, полковник, есть интересы государства, и закон есть, но сейчас вы творите неправое.

– Поясните, прошу вас.

– Попадись вам Бей-Булат в руки на поле боя – разговора бы не было, воля ваша. Но вы поймали почтенного паломника, когда он возвращался из хаджа, покаявшись во всех своих грехах! Если бы мы, господин полковник, арестовывали всех паломников в Иерусалиме – на земле не осталось бы верующих!

– Его судил трибунал, и не в моей власти отменить решение.

– Но позвольте, полковник, военный трибунал – он для военных. А Бей-Булат не служит в армии. Значит, его не может судить трибунал. Когда же вы, русские, прекратите эту деспотию, принесенную сюда кровавым сыном Ермолова!

Рощин едва сдерживался, чтобы не вступить в перепалку. В толпе нарастало напряжение, и он это хорошо чувствовал. Почувствовал это и Сафар, всем своим громадным туловищем протиснувшийся сквозь толпу.

– Вы убрали ограду между нами и русскими, благодарствуйте, – обратился он к Рощину. – Мы-то знаем, для чего возвели эту изгородь – чтобы мы не заражали вас своими болезнями.

– Что ж, теперь, если что, болеть будем вместе, – одними глазами улыбнулся Рощин. Горцы тоже заулыбались.

– Этот человек невинен, – продолжал Сафар, – и вы это знаете. Отпустите его, полковник. Не берите грех на душу.

– Вы что, хотите пойти супротив трибунала?! – подал высокий голос есаул.

– А ты как думал, парень, – сверкнул на него глазами Сафар, – что мы, адыги, будем стоять и смотреть, как вы на нашей земле вешаете нашего брата, старого чеченца?

Шум поднялся среди людей, площадь гудела. Никого уже не волновали дела базарные, весь люд теснился вокруг лобного места. Сам Бей-Булат оставался невозмутим, даже пальцем раскачивал веревку с петлей, свисающую с дерева, и следил за тем, как она описывала круги перед его лицом. Обстановка на базарной площади накалялась, и уже ясно было: бунта не миновать. Солдаты стояли наизготовку, подтянувшись ближе к стенам форта. Рощин понял, что далее медлить нельзя.

– Отпустите его! – крикнул он.

– Как это? – Есаул пытался перекричать толпу.

– Отпустить, я приказываю! – В голосе Рощина теперь появилась железная решимость.

Бей-Булат, словно только и ждал этого, птицей слетел с помоста и исчез в толпе. Солдаты лишь успели подивиться такой резвости в его годы. И в эту минуту со стороны форта наметилось движение, большой переполох. Из ворот показался генерал Хассель в рубахе навыпуск, на ходу пытаясь вдеть левую руку в рукав мундира, в правой руке держа обнаженную шашку. Он подбежал, запыхавшись, и закричал во все горло:

– Кто отпустил?!

– Я, – ответил Рощин.

– Кто вам позволил?!

– С этого дня я – начальник форта, господин генерал.

– Вы отпустили преступника, головореза!

– Вчера вы еще могли его казнить, а сегодня у вас нет таких прав, – Рощин был невозмутим.

– Да я вас!.. – Хассель взмахнул шашкой. Рощин перехватил его запястье твердой рукой:

– Имейте в виду, генерал, эти люди, – он кивнул в сторону горцев, – владеют шашкой не хуже вашего!..

В тот же день Зан нанес визит вежливости Рошину. На этот раз он облачился в парадный мундир лейб-гвардии кирасирского полка. У Зана была давнишняя привычка – менять трижды на дню свой наряд, словно адыгские княгини. А с тех пор как он стал турецким пашой, привычка переодеваться стала нормой, которую он исполнял исправно и в срок, словно это был намаз.

Он пришел, шумный, благожелательный, всем видом показывая свое расположение полковнику и делая вид, будто они – давние друзья. Беседу он начал с дневного происшествия:

– Будьте осторожны, полковник, Хассель написал на вас рапорт наместнику.

– Я знал, что так и будет, – пожал плечами Рошин.

– Я только что от него. Мечет громы и молнии, да как, говорит, посмел он отменить приговор, моей рукой скрепленный! – с удовольствием нагнетал Зан. – Пойду, говорит, к Воронцову, а нет – до самого императора дойду. Будьте осторожны, полковник, – повторил Зан, – этот сын конюшего может любого генерала в бараний рог скрутить.

Рошин, конечно, не знал, при чем тут слово «конюший», хотя любой мог догадаться, что Хассель неспроста носит форму русского генерала.

– Мне один из набов Шамиля сказывал как-то, что имам удивлялся: «Вот воюю я с русскими два десятка с лишним лет, и все мне встречаются генералы – Розен, Бенкендорф, Клегенау, Рейнгарт... А где же русские Ивановы и Петровы?» А один раз на переговоры к Шамилю отправили генерала, чье имя и выговорить-то непросто – Камеке Фон-Дер Геэ-Генант Ванфельшильд фон Анреп, восточный немец. А дружище Хассель – он тоже из них, из «фазанов»...

«Фазанами» прозвали в армии тех, кто оформился на военную службу ради получения чинов и орденов, и Рошин это хорошо знал.

– Ошибаетесь, паша, – улыбнулся он, – Хассель – не «фазан», он опытный генерал, и смелости ему не занимать. – Рошину не хотелось сейчас чернить того, кого сменил на должности начальника форта. – Да, жесткий не в меру, зато вояка отменный.

– И что вы в нем увидели отменного? – удивился Зан. – Да вы хоть знаете, сколько всего он тут творит? Знаете?

– Сегодня встретился с ним впервые, – признался полковник, – но наслышан.

– Слухи – это одно. А я вам расскажу правдиво о его коварстве. К примеру, выбирает он аул, на который собирается напасть, тайными ночными тропами подбирается к нему, изучает и запоминает, где какой дом, где река, где лес, где улица. Возвращается в штаб и в специально отведенной комнате мастерит макет этого аула. Потом выжидает, без

всяких экспедиций-эксекуций. А как донесут лазутчики, что князь аульский в поход ушел, так и собирает у себя аульских старейшин, ведет их в комнату с макетом. Те, конечно, узнают свой аул и начинают удивляться. Тут Хассель встает и громко вопрошает: «Это аул Бабуково?» – «Да, Бабуково», – отвечает тот, кого он спрятал за макетом. Старики диву даются: «Истофриллах! Не видели своими глазами – не поверили бы!» А Хассель дальше продолжает игру: «Правда ли, что князь Индроко в поход отправился?» – «Правда», – подтверждает макет. «Куда путь держит? Не на казачью ли станицу Михайловскую?» – «Туда», – звучит ответ. Теперь наивные старейшины и вовсе поражены. «Видите, – говорит Хассель, – без моего ведома вам и шагу не ступить. Мои джины мне все докладывают, сами слышали. Если что, не обессудьте, пощады не будет». Старики уходят восвояси, начинают людям втолковывать: ничего, мол, не утаить от остроголового Хасиля, он шайтанский инарал, с нечистой силой знает. Давайте же головы свои беречь, люди добрые, а то беду накличем!» По ущельям ползет этот слух, а линейные начальники по своему разумеют: у Хасселя горцы не балуют, потому что генерал их в страхе держит. И дают ему ордена, поместья, слуг. Истофриллах, что творится, что творится!

Это еще что! Как-то пустил он слух: Хассель умер. Послал гонца в аул Берзеджа, так, мол, и так, генерал скончался, а перед смертью просил у князя и его подданных прощения за все зло, что им причинил, за то, что преследовал их всюду, куда бы они ни переселились, и сеял беду. И просил, мол, покойный, прийти к нему на похороны и простить его грехи.

Снарядились и поехали в форт. И что видят: лежит усопший на столе, все как положено, в руках свечка, у изголовья поп. Постояли Берзедж и его люди со скорбными лицами, сколько положено, и уехали к себе в аул. Сообщили всем радостную весть о смерти шайтанского инарала, и люди на радостях устроили трехдневное пиршество. А в разгар пира пожаловал сам генерал, напал на обезоруженных аульчан, человек триста угнал в плен, сжег все дома. Вот вам и храбрый генерал, господин полковник.

– Это у него такие игры с горцами, – усмехнулся Роцин.

– Да, игры kota с мышами. Так уж водится, что люди просвещенные гораздо коварнее непросвещенного народа, изворотливее и хитрее. Культура, просвещение портят людей. Их уже не остановит ни вера в бога, ни хабза. Так и мечутся по свету, себе на уме, верхом на просвещении да с культурой своей пристяжной... Уж мне-то поверьте, я многого навидался. Я ведь у атамана Платова в горн сигналил в семилетнем возрасте. С тех пор не удивляюсь ничему. Своими глазами видел, как наши офицеры пили вместе с пленными французскими офицерами. Помню, как Мюрат с Милорадовичем в Москву входили вместе, стремя в стремя...

– Так им надо было держать дистанцию между армиями, вот они и шли рядом.

– На войне, полковник, нет дистанций и правил. Это все глупости от просвещения. Вот, к примеру, Шамиль ведет свою войну два десятка лет. Поверьте мне, будь он просвещенным – давно бы сложил оружие. Что ни говорите, полковник, а лишнее знание разлагает человека. Лишает его разума. Взять хоть Хасселя – из куда как просвещенного народа, считает себя образованным, чистым во всех отношениях. А совесть, честь – где все это? Что взять с того, кто торгует человеческими головами? Пригласил он меня как-то к себе, так в его доме такая вонь стояла – не продохнуть. Он вышел за чем-то, я и загляни под кровать – что там так воняет. А там – стеклянные банки с головами, в жидкости какой-то адской. Он вернулся, и я у него спросил – что это? В Берлин, говорит, в антропологический музей отправляю, там с интересом изучают черепа и мозги горцев. Вы не слышали, что один раз он таким образом отправил в Берлин голову одного бородача, выдав за голову Шамиля? Нет? Была такая история, фото во всех европейских газетах напечатали даже. Но потом поднялся шум, как это, мол, с такого знаменитого человека, героя, предводителя народов снять голову и законсервировать в банке, да еще выставить на всеобщее осмеяние?! В общем, возмущение по Европе, посылают депеши российскому правительству, требуют прояснить вопрос. Пришлось вашему командованию ответить, что Шамиль жив, здоров и благополучно продолжает войну с русскими.

Так-то, полковник, все зло на свете от вашей хваленой цивилизации. Такие дикари, как мы, не станут входить в город рука об руку с врагом. И не додумаются торговать головами своих врагов. Уж мне поверьте, полковник, где начинается цивилизация, там заканчивается человечность. – Зан с удовлетворением поставил точку в рассуждениях и своей рукой стал разливать по стаканам привезенное в форт вино «Шато-ла-Роз». Отхлебнув с шумом, продолжил свои откровения: – Потому и противятся горцы вашему приходу, полковник. И не вашего оружия они боятся, а ваших законов, что несете с собой. А ведь вы принесете им не только свои обычаи, но и болезни Европы...

Роцин слушал гостя с нескрываемым интересом, молча соглашаясь со многим, а с чем-то готов был и поспорить.

– А теперь, полковник, я открою вам, почему Хассель ненавидит горцев. Это давняя история. Есть у него дочь, в которой он души не чает. Луиза – в ней душа его и жизнь. Однажды среди бела дня напали на форт горцы Берзеджа и умыкнули девушку. Генерал обезумел от горя, он метался от аула к аулу, громил и сжигал все подряд. Только найти ее так и не смогли. Так прошел год, и Хассель, потеряв надежду, слег. На этот раз он не притворялся. Сообщили Берзеджу, так и так, мол, генерал при смерти, и все зовет свою дочь: «Луиза, Луиза».

Тогда Берзедж распорядился вернуть девушку отцу. Привезли ее со всеми почестями, как знатную княгиню, разодетую в шелка и серебро. За этот год ни один волос не упал с ее головы, научили ее рукоделию, языку адыгскому. Вот привезли ее, отдали честь по чести отцу. Вскоре Хассель выздоровел. И после этого он стал еще более лютым, адыгские аулы он уничтожал один за другим, головы адыгов тогда и начал отсылать в берлинский музей.

И кто после этого дикарь – Берзедж или Хассель? Был, говорят, в старину мудрец среди адыгов по имени Лиуан. Рассказывают, что он пророчествовал: придут на нашу землю курносые люди со светлыми глазами, и настанет время, когда их женщины с нашими будут одалживать друг у друга сито. Бог с ним, с ситом, но убивает нас то, что последует за этим.

– И что последует? – спросил Рошин.

– А то, что вместе с ситом уйдет от нас и хабза, и язык. Хассель и ему подобные заберут у людей Берзеджа и землю, и душу...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Султан Абдул-Мажид сидел возле мельничной запруды, отдыхая душой и стараясь ни о чем не думать. Он с удовольствием вслушивался в мерный шум жерновов, в дробный стук начинающегося дождя о жестяной настил. Хотя он себя, пожалуй, обманывал: не думать ни о чем у него никогда не получалось.

С утра он выехал в лес с единственной целью – подстрелить лань. Но вместо лани прямо на него из чащи вылетел огромный кабан. Абдул-Мажид не успел даже ружье вскинуть, зверь стремглав умчался, ломая кусты, и исчез за густыми зарослями.

Во всем, что происходило в мире, султан видел тайные знаки, ниспосланные свыше. Вот и теперь он думает: к чему эта встреча? Вознамерился поохотиться на изящную лань, а встретился с кабаном. Разве это не прямая подсказка: войны с гяурами не избежать. Это было понятно и без всяких знаков. Он не просто знал, он чувствовал приближение смуты. Его отец жизнь посвятил войнам с гяурами, видно, и сыну теперь не избежать той же участи. Вопрос только в том, когда начнется война? И кто в этой войне назначен будет врагом, а кто – соратом по оружию?

Султана отвлекли он размышлений на темы войны и мира выкрики гайщиков и охотничьих собак. Он взял новейшее английское двуствольное ружье и встал за дерево, в надежде, что теперь-то ему повезет больше. Но и на этот раз на него выбежали два кабана, за ними с визгом неслись

маленький поросенок. Абдул-Мажид пропустил кабанов и выстрелил в кабаненка. Звереныш взвизгнул от страха и подпрыгнул на месте, а потом устремился в чашу вслед за родителями.

– Меня сегодня Аллах наказывает! – не удержался Абдул-Мажид.

– Кто с первого выстрела промахивается, тот со второго попадает, солнцеподобный господин, – с поклоном подошел к нему Эмин.

Он гостил во дворце, и султан устроил эту охоту в честь него. Сам Абдул-Мажид не был заядлым охотником. Однако жизнь во дворце ему наскучила, примелькались многочисленные жены в гареме, вот он и устраивал себе подобные вылазки.

На восемнадцатом году жизни Абдул-Мажид стал султаном. С тех пор, считал он, не было у него ни передышки, ни покоя. Поначалу он пытался подражать европейскому образу жизни. Но вскоре увидел, что из этого ничего не выйдет. Тогда он стал следовать примеру других султанов, слывших сибаритами. Проводил время в гареме, не чурался хорошего вина, а государственные дела возложил на главного визиря и министров.

Они с Эмином были почти ровесниками, обоим под сорок. Даже внешне они были в чем-то схожи: оба круглолицые, холеные, с одинаковыми окладистыми бородами, подкрашенными хной. А вот характерами они были очень разные. Если Эмин был энергичный и целеустремленный, то Абдул-Мажид относился к любому делу с ленцой, его пугали вопросы, которые требовали усилий. Глаза султана смотрели равнодушно, вяло, производя впечатление смертельно уставшего от бременной жизни старца, хотя до старости ему было далеко.

Но бывали у него и всплески, когда он вдруг чувствовал прилив энергии, желание совершать подвиги, и в такие дни его трудно было остановить. Сейчас, похоже, у султана был период наивысшего подъема.

– Как ты сказал: с первого выстрела промахнешься – со второго попадешь? Мой отец выстрелил в первый раз – и потерял Рум, второй раз выстрелил – уступил Валахию. Всевышнему только ведомо, когда я смогу отбить эти потери.

– Даст Аллах, отобьешь.

– На Аллаха одна надежда. Да еще на англичан и французов – мы никогда прежде не выступали воедино против России. Если и сейчас ничего не выйдет – не выйдет уже никогда.

– Волей Аллаха все сладится.

– Мой отец тоже так думал. Кто знает... Помнится, ребенком еще бывал я в Арзруме и Карсе, своими глазами видел, что там творилось. Тогда твои горцы были заодно с русскими. Как бы снова не выкинули чего подобного.

– Этому не бывать, солнцеподобный!

– Горцы – народ своевольный, никогда не знаешь, чего от них ожидать.

– Не могу спорить, мой господин, – учтиво поклонился Эмин.

– Вам, горцам, надлежит понять одно: не каждый день к вам на помощь придут турки вместе с двумя большими державами. Теперь или никогда. Если вы сейчас не подниметесь, не видать вам свободы во веки веков. То, что делают для вас французы и англичане, они не сделают больше никогда.

Эмин встречался с султаном не впервые. После удачной переправы через Кубань Эмин добрался к адыгам, и тогда турки начали пристально присматриваться к нему. Увидели, что слово его для горцев веско, что он может уговорить и поднять людей. Тогда его пригласили в Стамбул, с ним захотели познакомиться и в других странах. Правда, в тот раз турки не особо ему поверили. Особой поддержки не оказали, да и не обещали ничего. Так и уехал ни с чем.

А потом турки поняли, что с Эмином лучше не шутить, этот человек способен на многое. Отношение к нему при султанском дворе переменялось. С ним стали советоваться, вместе строить планы. А Эмин тоже был далеко не простак и хорошо понимал: на турок особо полагаться не стоит, у них самих положение не такое уж безоблачное, то здесь прорвет, то там.

Не раз Эмину приходилось слышать, как Шамиль нелестно отзывался о турках. Да и то сказать, они ничем не помогли горцам, кроме пустых слов и посулов. Не видели от него воюющие даже горсточки пороха, что поместился бы в газырь. Причина тому, думал про себя Эмин, кроется, скорее всего, в том, что Турция далеко от Кавказа, нет с ней общей границы, как с адыгами. Это немного обнадеживало Эмина.

Со стороны гайщиков послышался переполох, нарастающий шум, треск ломающихся веток. Из кустов прямо на них несся огромный вепрь с клыками наружу. Султан тут же укрылся за деревом, Эмин остался стоять на месте. Казалось, нет ему спасения. Но когда кабан был уже совсем близко, Эмин вскинул ружье и без всякой суеты пустил пулю в лоб зверю. Вепрь пробежал еще немного и завалился набок.

– Вот так выстрел! – восхищенно воскликнул султан. Подбежали его приближенные, один из них сорвал с головы феску и надел ее на голову Эмина.

– Ты более достоин носить сарык с двумя бунчуками, – поклонился он гостю. Другие последовали его примеру.

– Ты достоин чести носить звание паши турецкой державы, – сказал Абдул-Мажид, – звание фарик-паши!.. Кланяйтесь предводителю черкесского воинства, герою государства турецкого!

Каждый поклонился Эмину, держа руку на сердце.

Жилище Шамиля было обнесено высоким плетнем, укрепленным колючими ветками. И сам чеченский аул Ведено был защищен со всех сторон, как настоящая крепость. Вокруг рвы, стены из бруса, частоколы через каждые десять шагов с зазорами для бойниц. По всем четырем окраинам были каменные сторожевые башни.

Осень стояла необычно сухая, но тепла не было, ночами земля покрывалась коркой льда, и деревья встречали утро с изморозью на ветвях. Давно выпавший на дальних вершинах снег ощущался здесь пробирающей до костей прохладой. Дыхание ледников чувствовали на себе и люди, и скот. Прошла пора, когда от стужи спасала накинутая на плечи бурка, и Шамиль сидел у очага в расстегнутом тулупе. Рядом с ним на низеньком табурете сидел еврей Исаак, толмач Шамиля. Шамиль взял его в плен во время похода на Дербент. Теперь же он служил у Шамиля, получал плату за свою работу и, кажется, вполне был доволен своей жизнью. И Шамиль относился к нему благосклонно, жидовское имя сменил на мусульманское и называл не иначе как Исхак. Толмач прекрасно владел и аварским, и турецким языками. Имам часто говорил про него: «Ни одна еврейка не родила такого героя, как мой Исхак!» Говорилось это не в шутку. Это был тот самый жид, которого горцы взяли в плен. Один из горцев вез его связанного позади своего седла. Пленный исхитрился, выхватил у сидящего впереди похитителя шашку и пырнул его. Сбросил с коня, сам перебрался в седло – и был таков. Но горцы догнали и снова скрутили его. Шамиль узнал об этой истории, развеселился и велел отпустить находчивого и бесстрашного жида. Но потом выяснилось, что он владеет языками и может пригодиться имаму. Так он остался при Шамиле и, по всему, не жаловался на свою участь.

Исхак читал имаму газеты – «Кавказ», «Русский инвалид», «Тифлиссские ведомости». Чтобы сделать господину приятно, читал и переводил книги Пушкина, Лермонтова о Кавказе. «Кавказский пленник» Пушкина толмач перечитывал ему множество раз, и всякий раз имам одобрительно качал головой

А сегодня Исхак прочел поэму про беглеца Гаруна. Имам удивился еще больше:

– Откуда этот русский так хорошо знает Кавказ и людей наших?

– Так он, Лермонтов, много лет жил на Кавказе. Даже погиб в Пятигорске.

– Кто убил его, горцы?

– Нет, имам, свой же, русский.

– Хвала Аллаху, что не мы. – Шамиль молитвенно пригладил бороду рукой. – А кто убил?

– Некто Мартынов, на дуэли.

– А его самого убили потом?

– Нет, имам, только судили.

– Эх, попадись он мне, – сверкнул глазами Шамиль, – я бы его своим судом судил! Два человека во всей России сочувствовали нам, горцам, и тех убили! А еще говорят, у них закон есть.

Исаак не просто доносил смысл книги до своего слушателя. Несомненно обладая поэтической жилкой, он передавал прочитанное высоким слогом, при этом не отходя от авторского замысла. Раньше Шамилю были доступны лишь арабские книги, а с появлением Исаака ему открылся целый мир русской литературы. И редкий свободный вечер проходил без чтения русских книг, особенно тех, что были о Кавказе и горцах.

– Прочитай еще что-нибудь этого Лерманта, – попросил Шамиль.

– С радостью, имам, – подхватился Исаак, раскрывая толстую книжку в буром переплете. – Поэма «Измаил-бей», она тоже о горцах, о черкесах.

– Читай, – Шамиль расположился поудобнее и в предвкушении прикрыл глаза.

Он слушал захватывающую историю о благородных героях, и в это время в большом подполе длиной в двадцать шесть шагов и шириной в двенадцать томилась пленные женщины. Среди них были Анна и Варвара с детьми, гувернантка Дарансье. Они сидели на дощатых лавках, здесь же была Шуанат, жена Шамиля. Улучив минутку, она пробиралась к пленницам, чтобы хоть немного скрасить их заточение. Благородные дамы – Анна Чавчавадзе и Варвара Орбелиани – привязались к ней и с нетерпением ожидали ее очередного прихода.

Шуанат и вправду была особенной. Эта белокожая светловолосая женщина не была похожа на большинство горянок. Чуть располневшая, но все еще статная, она излучала добродушие, и не было в окружении Шамиля никого, кто не любил бы ее, включая его детей и других родственников. Хотя один человек все же ненавидел ее всем сердцем – старшая жена Шамиля Зайдат. Шуанат чувствовала это и старалась не попадаться ей на глаза. А если уж попадется – старалась угодить во всем.

Настоящее имя ее было Анна. Когда ее привезли к Шамилю, он двое суток подыскивал в арабских книгах подходящее ей имя. Наконец выбрал – Шуанат, что означало «степенная, скромная».

Анна и Варвара с детьми на руках сидели и слушали, когда она рассказывала свою историю.

– Вот вы удивляетесь, – говорила она, в милой улыбке обнажая ряд белоснежных зубов, – что я, христианка по рождению, приняла ислам. А что удивительного? Не бывает плохой религии, надо только верить. Да, у каждой религии свои законы, но общее одно: вера очищает человека, делает его лучше. Если человек боится бога, он не сотворит зла. Не будь веры, в мире царил бы хаос, смешались бы плохие и хорошие,

преступники и святые, бесстыдные и благонравные. Слава Аллаху, вера сдерживает людей...

– Ну хорошо, Анна, – перебила ее Варвара, – ты знаешь и христианскую, и мусульманскую религию. Которая лучше, или чище?

– Варвара Ильинична, религию не выбирают. Во что веришь – то и религия твоя. Главное – вера.

– И что может нравиться в исламе? – спросила Анна Чавчавадзе.

– Много чего. Да хоть чистота. Нельзя делать намаз, не будучи чистым телом. Пять раз в день человек должен совершать омовение. Разве это плохо?

– И ради этого стоило менять веру?

– Да нет, – улыбнулась Шуанат. – Меня в мусульманство обратила любовь.

– Любовь?! – разом воскликнули княгини. – И как это было?

– Расскажу. Я была уже женой Шамиля. Мне по шариату нельзя произносить его имя, но вам говорю. Тогда наши дни и ночи проходили в вечной войне. Когда возле аула Ахти горцы наступали на русских, мы наблюдали за боем с обрыва на другом берегу. Река разлилась так, что поток вырывал деревья с корнем и уносил. И тут донесся до нас слух: имам тяжело ранен. Я бросилась к его мюридам, умоляя отвести меня к нему. Но они и слышать не хотели. Тогда я бросилась в воду в чем была – а выросла я на берегах Орска, большая вода была мне не страшна, – и переплыла реку. Он лежал под деревом, бледный, рана в предплечье истекала кровью. Я хотела припасть губами к его ране, чтобы остановить кровь, но он отстранил меня: «Не трогай меня, Шуанат, меня не должна касаться иноверка». Целый месяц я была не в себе. Обливалась слезами дни и ночи. А потом и вовсе слегла. Полгода была между жизнью и смертью. Шамиль поправился и навещал меня каждый день, если был не в отъезде. Доктора вызвал из Тифлиса, немца по национальности. Может, Аллах надо мной сжалился, или он услышал молитвы Шамиля, а может, сила любви меня спасла, – я встала на ноги с твердым намерением принять его веру. Теперь вот, хвала Аллаху, соблюдаю все законы, Шамиль научил меня читать Коран, ни одного намаза не пропускаю. Видит Бог, никакого греха на мне нет. Вот так повернулась жизнь моя, бедные мои княгинюшки. Надо верить, и Всевышний пошлет спасение.

Ее серые глаза светились теплом и умиротворением. Она спокойно заплетала кончики своей русой косы, словно играя ею.

– В ком любовь живет, того бог не оставит. Терпите, сестры, все у вас наладится. Мне Шамиль сказал, что сам царь занимается...

Не успела она договорить, как дверь в подпол распахнулась, и на пороге появилась Зайдат. Подскочив, Шуанат уступила ей свое место и собиралась уйти, как та властно произнесла:

– Куда побежала?

Шуанат застыла на месте, прислонившись к стене.

Зайдат – маленькая, ладно сложенная женщина лет двадцати пяти – двадцати шести. Горбатый нос портил ее узкое лицо, но в остальном ее можно было бы назвать довольно милой, если бы не вечно бегающие, вездесущие карие глаза. Тонкие губы все время были растянуты в некой полуулыбке, полуусмешке. Мягкая походка, горделивая осанка выдавали в ней знатное происхождение. Она действительно была из хорошей семьи, ее отец – первый устаз Шамиля Джамалдин, и осознание своего превосходства придавало ей уверенность.

Зайдат была на два года младше Шуанат, но она была женой Шамиля уже одиннадцать лет, выйдя замуж совсем девочкой. И потому по праву считалась старшей женой. В ее руках было и немалое хозяйство, и ключи от всех кладовых.

Ее пронзительные глазки впились в Шуанат, которая стояла, потупив взгляд:

– Ну, чего смотришь?

Шуанат хорошо усвоила горскую поговорку: дурака обойду стороной, а умный сам меня обойдет. Она молча постояла с минуту и вышла.

– О чем шептались? – переключилась Зайдат на пленниц.

– Мы не шептались, мы разговаривали, – неприязненно глянула на нее Анна Ильинична.

– И о чем же?

– О вере.

Зайдат от удивления подняла брови:

– О вере? Да, вы счастливые, у вас иная вера.

– О чем ты, Зайдат? – удивилась теперь Анна.

– У вас не положено иметь больше одной жены... А у нас мужчина может до четырех жен взять. Знали бы вы, как наши несчастные женщины тоской исходят, гадая каждый день – с кем же он сегодня ночью ложе разделит. Как это вынести, как?!

Пленницы знали, что Шамиль чаще бывает у Шуанат, и все же Варвара из вежливости сказала:

– Но Шуанат говорила, что Шамиль не делает различий между женами.

– Еще как делает, чтоб ей, проклятой, загнуться и сдохнуть! – прошипела Зайдат. – Вот от нее-то, лживой, и не выходит имам. И что он в ней нашел, нескладухе! Кажется, умрет, если один день ее не увидит! А эта армянская шлюха знает это и вьет веревки из бедного имама.

– А у тебя сколько детей, Зайдат? – решила сменить тему Анна.

– Двое, сын и дочь.

– Значит, Шамиль должен тебя больше любить.

– Должен бы, да не любит. Да и детей у меня больше не будет.

– Отчего же?

– Болею я.

– Так лечиться надо!

– Да он не разрешает.

– Не может быть. Хочешь, мы попросим Шамиля, чтобы он пригласил к тебе докторов, хорошие русские доктора есть в Дербенте, Владикавказе, Тифлисе. Он нам не откажет.

– Упаси Аллах! Если меня рука русского доктора коснется, он вконец от меня отвернется. Я ему и так надоела.

– Ну, не хочешь русских – не надо, есть же и среди горцев целители. В карих глазах Зайдат появились слезы.

– Не понравится ему это. Я знаю.

Она вздохнула, вытерла слезы краем платка, и выражение лица ее вновь стало жестким. Глаза прищурились, насмешливые губы сжались в тонкую линию, и лицо ее с горбатым носом заострилось еще больше, выцветшие брови гордо поднялись, словно призывая забыть о минутной слабости.

– Долго вы будете имама сказками кормить? – сказала она совсем другим голосом. – Скажите мне, где вы зарыли золото в своем Цинандали. И можете быть свободны.

– Это ты сама придумала или твой имам? – насмешливо покосилась на нее Анна. – Не тешьте себя пустыми надеждами, нет у нас золота, можете хоть все поместье перекопать.

– Если золота нет, давайте деньгами миллион, только с печатью императора! Ровно один миллион!

Анна расхохоталась.

– Ну, допустим, Зайдат, дадим мы тебе миллион – а ты сосчитать-то сможешь?

– Я не сосчитаю, да, – невозмутимо ответила Зайдат. – А вот Хаджио вот уже неделю сидит запершись. Учится до миллиона считать.

Теперь взорвалась Варвара, хранившая до сих пор молчание:

– Где мы тебе миллион возьмем?!

– Ты из знатного рода, с самим царем, говорят, танцевала, и царице, говорят, край платья придерживала.

– Я никогда никому не придерживала платья, – оскорбленно подняла голову Варвара. – Я была фрейлиной, и с царицей могу встречаться и заходить к ней, когда захочу! И не сомневайся в этом, Зайдат! А вот просить не умею и не буду. И еще: не слишком вы многого хотите? Такого выкупа за нас вы не получите.

– Не я это придумала, имам сказал.

– Так передай своему имаму.

– Что ты, я не имею права говорить об этом. Решение мужа закон, и обсуждать его нам не положено. Мы – не вы! – Она резко направилась к двери и, выходя, бросила через плечо: – Имам отдаст вас своим наи-

бам, а когда они натешатся с вами – пустит дальше по рукам. Так что поторапливайтесь, пишите своим родичам, пусть собирают миллион.

Она исчезла за дверью так же быстро, как и появилась. Варвара уже не выдержала и зарыдала в голос:

– Господи, чем прогневал тебя род Орбелиани, за что ты нас так жестоко наказываешь?

Это и вправду было похоже на наказание Господне. Свекор Варвары Илико ранее уже попадал в плен к Шамилю и протомился в его застенках не один месяц.

– Держись, Варенька, господь милостив. Да и наши не сидят, наверное, сложа руки, – Анна погладила ее по руке, пытаясь утешить. Но та продолжала рыдать.

Вдруг распахнулась дверь, и вбежала Шуанат. Она была очень возбуждена:

– Милые княгинюшки, пойдемте в со мной, в другую комнату!

– Да что случилось, Анна?

– Прошу, Анна, не зови меня так, имаму это не понравится.

– Что случилось?

– Не знаю, имам велел проводить вас в маленькую комнату.

К большому помещению подпола прилегало другое, поменьше. Зашел Шамиль в сопровождении Исхака и стал осматривать стены и окна большой комнаты. Показав на окошко, затянутое бычьим пузырем, сказал:

– Это не годится, Исхак. Распорядись, чтобы стекло вставили. И дверь пусть войлоком обобьют.

– Будет сделано, имам.

Они прошли в маленькую комнатку без двери, и Шамиль обратился к женщинам, которых еще не разглядел в полумраке:

– Вы все мне как дети, не сомневайтесь. Но если вы думаете улизнуть от меня, как это удалось Орбелиани, то заблуждаетесь. Если пойдете на хитрость, как тот русский офицер, – жалости не ждите. Не пощажу и вас, и детей ваших. С вами будет то же, что с тем русским офицером.

Княгини уже слышали эту печальную историю. Находившемуся в плену у Шамиля русскому офицеру передали посылку из крепости Куринской – табак, чай, сахар, хлеб. Внутри хлеба охранники обнаружили план побега для офицера. Шамилю доложили немедленно, тот пришел в ярость и велел казнить пленного, притом показательно, чтобы другим неповадно было.

Пленных согнали у подножья холма вблизи Ведено. Кроме них, здесь было человек триста пятьдесят из венгров, поляков, беглых русских солдат. Этим тоже привели к холму. Все стояли в томительном ожидании, сбившись в кучки, когда в толпе раздались крики: «Ведут! Ведут!».

Вели того самого русского офицера. Кандалы на его ногах лязгали о камни. Руки были свободны, и он держал книгу и читал на ходу, даже

не поднимая головы. Лишь раз споткнулся о камень, оторвался от книги и оглянулся, чтобы увидеть, обо что же он запнулся ногой, а потом усмехнулся в светлые усы и снова погрузился в чтение, не обращая внимания на ведущих его мюридов.

Его поставили рядом со старым, давно не приносящим плодов деревом с корявым стволом. Саадул громовым басом объявил, в чем обвиняют этого преступника и за что его сегодня казнят. Офицер продолжал читать, прислонившись к дереву. Не поднял он головы и тогда, когда в него прицелились двое мюридов из охраны Шамиля. Грянули разом два выстрела, пленный медленно сполз по стволу, книга выпала из рук, ветер переворачивал листы, а палец офицера все еще оставался на странице, как закладка.

Исхак подошел ближе и нагнулся за книгой. На обложке прочитал: А. С. Пушкин. «Кавказский пленник».

Рассказ о казни русского офицера вмиг облетел весь Кавказ. Его мужеством восхищались не только сородичи, но и горцы: человек погиб стоя, не моргнув глазом, не оторвавшись от своей книги. Навсегда запомнил эту историю и сам Шамиль.

Поговорив с пленными женщинами, Шамиль вышел в большую комнату. Заметил котел, висящий на очажной цепи, подошел и перемешал варево висевшим рядом половником, потом вдруг рассердился, рывком сорвал котел с крюка и вышел.

Возле кухонной стены с небольшим круглым зеркалом стояла Зайдат и выщипывала брови, когда вбежал Шамиль. Она испуганно отпрянула от зеркала. Он был настолько зол, что его прищуренный глаз казался высохшим. Шамиль бросил котелок под ноги жене, жидкий суп с несколькими куриными лапками, парой цыплячьих желудков и горсткой пшена вылился на глиняный пол.

– У тебя совесть есть?! Это что такое? – От его окрика Зайдат сжалась в комок и казалась еще меньше, чем была, от страха она попятилась и вжалась в угол между печной трубой и стенкой. – Я их собираюсь обменять на своего сына. А ты их моришь голодом?! Хотя ты, дрянь, не родила Джамалдина, но он мой сын, мой первенец, понимаешь ты это?! У нас что, мяса нет? Масла нет? Молока нет? Корми их тем же, что ешь сама! Лучше корми!

– Да, мой имам, я поняла, поняла, – лепетала насмерть перепуганная женщина...

Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой

«ГОЛОС УСЛЫШЬ МОЙ, ДОРОГА...»

Магомет Хасуевич Мокаев родился в 1939 году в Верхнем Баксане, в пятилетнем возрасте был, как и все остальные балкарцы, выслан, но, будучи сиротой, не только выжил, но и сумел заявить о себе как о талантливом стихотворце. Его первые поэтические опыты связаны именно с годами депортации, и ещё до возвращения на Родину стихи Магомета Мокаева читали и Кайсын Кулиев, и Жанаканит Залиханов, чуть позже серьёзно поддерживавшие его в первых попытках пробиться к массовому читателю. В определённом смысле судьба была благосклонна к нему, и часто сводила с людьми яркими, нетривиальными. В этом ему действительно везло – достаточно сказать, что после поступления на филологическое отделение КБГУ

Магомет Хасуевич Мокаев

Магомету досталось место в одной комнате общежития с будущим крупнейшим балкарским языковедом-тюркологом Ибрагимом Хашимовичем Ахматовым и будущим бесспорным лидером национального литературоведения Зейтуном Хамидовичем Толгуровым, дружба с которыми продлилась не одно десятилетие.

Мокаев – автор, стоящий в ряду балкарских поэтов несколько особняком. Его творческая судьба складывалась весьма удачно – практически, в двадцатилетнем возрасте он опубликовал первую книгу своих стихов, в двадцать пять лет его принимают в Союз писателей СССР, и появление в рядах этой организации столь молодого человека для 60-х годов прошлого века было большой редкостью. Талант его никогда не подвергался сомнению, что позволило поэту писать, не оглядываясь на критику. Уже в первых своих публикациях он позиционировал себя абсолютно свободно, без оглядки на выработанные старшими товарищами по перу приёмы, нормы образной подачи материала, представления об эстетическом. Быть может, именно поэтому произведения Мокаева, созданные даже в самый ранний период творчества, отмечены сразу несколькими чертами, присущими только ему; такими особенностями, которые и по сей день являются уникальными для балкарской поэзии.

Его роль в становлении национальной силлабо-тоники общеизвестна. Творить на языке, ударение которого можно назвать подвижным лишь условно, творить, не выходя при этом за границы силлабо-тонической системы стихосложения, – это требует тончайшего чувства ритма и врождённой безошибочности формы поэтического выражения.

И он по сей день остаётся непревзойдённым в части тактовых схем стиха, в части изощрённости стопового рисунка и рифмовки. Достигнутый им в этой области уровень мастерства, сравним разве что с версификационным уровнем русских классиков, чьи стихи воспринимаются читателем так же ненавязчиво и органично, как естественная речь. Показательно, что одной из любимых форм поэта стал сонет – тот сплав формально-семантического свойства, в котором смысл может быть выявлен не только автологическими номинациями, но и прихотливым орнаментом рифмы, ритма, синтаксиса и упорядоченной строфики.

Он был виртуозом инструментовки стиха. Этого требовала природа его поэтического дара. В отличие от большинства балкарских поэтов, Магомет Мокаев стремился к улавливанию и фиксации мельчайших нюансов душевных движений, проявленных в коротких промежутках времени. Для художника, сформировавшегося в поэтической среде, доминантой которой был интерес к вечным либо очень долговременным явлениям и феноменам, в среде, сотканной из «вечности», «веков», «вершин», «скал», «неба», безупречная инструментовка стиха была обязательной составляющей его лирического переживания. Стремительный блик эмоции, мимолётный всплеск чувства, неоформленная, зыбкая и многозначная мысль – вот та сфера, в которой Мокаев преуспел больше всех и в которой его очень и очень трудно повторить.

Не случайно описания перманентных, длящихся природных явлений – таких, как дождь, например, или снег, – ставшие для балкарской поэзии излюбленной апелляцией к категории времени, вечности, у Мокаева остаются, по большей части, метамами его душевного состояния, неким средством, позволяющим точнее раскрыть специфику мгновенного ощущения, впечатления, находящегося на невидимой грани между сенсорным, чувственным знаком окружающего мира и мысленной медитацией, свободно и прихотливо обнимающей реальные и фантазийные объекты.

Неудивительно, что переводить стихи Магомета Мокаева на русский – дело крайне тяжёлое. Хотя его произведения увидели свет в переложениях на многие языки, сам он практически всегда оставался недовольным переводами, и можно быть уверенным, что это происходило не от особенной привередливости автора. Очень тяжело уловить единый стержень поэтической рефлексии, если сам поэт видел в стихотворении нечто иное, если он вполне осознанно стремился к многовекторному и

полисемантическому отражению. Множественность и разнообразие форм его мироощущения абсолютно адекватно отразились в неуловимости и обширности его ассоциаций, «текучей» концептуалогии, истинной поэтической безграничности фиксируемой и передаваемой читателю информации всех уровней – от осязательных и визуальных впечатлений до мультилинейных логических построений, каждое из которых одновременно выступает и как рациональный стержень произведения, и как лёгкая побочная адресация.

В этом году М. Мокаеву исполнилось бы 80 лет. Редакция журнала «Литературная Кабардино-Балкария» предлагает своим читателям новые переводы стихов балкарского художника. Они выполнены родственником и искренним почитателем творчества Магомета Хасуевича – русскоязычным поэтом Владимиром Мокаевым, и привлекли наше внимание специфическим качеством, в высшей степени присущим оригиналам произведений – вариативностью, ассоциативной насыщенностью и изменчивостью направлений лирического переживания, могущей кардинально измениться даже в пределах одной строфы.

Магомет МОКАЕВ

Ночь одиночества

Черные волосы стали седыми, как снег,
После дальней дороги – в путях странного сна.
Словно из боя вернулся... Окончился бег
Возле порога родного – за ним тишина.

Руки замерзли, огонь разжигая в печи;
Мгла расступилась, за окнами спрятался страх,
Волнами билась о душу печаль в той ночи:
Грусть о надеждах, любви, превратившейся в прах.

Так одинок... Загляни ко мне добрый сосед,
В ночь одиночества душу мою успокой.
Ветер стучится в окно, слышу тихий ответ:
– Он не один, ныне гость у него дорогой.

– Что ж, пусть заходит путник любой...
Мир одиночества тесен – загробная тишь.
– Как же придет он нарушить твой мирный покой,
Если уверен, что сном ты праведным спишь?

– Родственник, рядом живущий... Его позови –
Пусть долг исполнит и в дом мой печальный зайдет.
– Ныне ему веселиться до самой зари,
Свадьба!.. С друзьями застольные песни поет.

– Дальнему родичу весть передай как-нибудь,
И если может, пусть дом посетит мой сейчас:
– Не до тебя ему... Он собирается в путь,
Ныне поминки, он встал на полночный намаз.

– Голос услышь мой – дорога, дорога друзей,
Лучший товарищ идет, пускай поспешит.
– Пусто кругом, не доносится ржанье коней,
Хоть распахни настежь двери – ни звука в тиши.

– Тропка влюбленных... О, если б поведала ты
Милой моей, то она бы примчалась в срок,
Сердцем утешила, в душу вселила мечты,
Светом любви осенила мой скорбный порог.

– Все это так... Но желанная песню поет:
Ныне я девушка – завтра невеста... Потом?..
Время бесстрастно, оно терпеливо и ждет,
Клятву любви подтверди перед светлым окном.

– Непримиримых дорога – Дорога врагов,
Кровника в дом позови мой и нас рассуди:
Местью сгораем, на лютую казнь он готов,
С непримиримым, дорога, меня примири.

Братьев моих заверни на пути... Пусть придет
Тот, кто готов преступить моей скорби порог.
– Не утруждай меня, полно, кто же милости ждет
Ближнего родича?.. Не от того ли ты так одинок?..

Вспомни пословицу: «Брат смерти для брата не ждет,
Но и добра не желает особо...» Поверь...
Печка чадит, ветер в трубах уныло поет,
Ночь одиночества, хоть и не заперта дверь.

– Голос услышь мой, Дорога, Дорога сестер,
Ночь моя с вечностью схожа – поведай сестре...

– Она бы примчалась, да нету вестника гор...
Да и хворает, и стужа стоит на дворе.

– Битвы дорога, Дорога сражений, верни
С поля кровавой войны дорогого отца.
– Нету возврата... Никак не вернуть жизни дни.
Смерть не приемлет начал, не приемлет конца.

В камне молчания – тень от начал бытия,
Бедная мама... Она ведь в обители сна.
– Смерти дорога! Услышь, это сын ее – я,
Пусть о тревогах моих не узнает она.

Матери голос ласкает, что радужный сон:
Как же оставлю тебя, одного, сиротой?
Утро настанет – душа моя, с зеленью крон
Явится новая песня весенней зарей.

Падают звезды... Погасла на небе звезда,
Девичьим смехом упали осколки на грудь,
В замершем доме тоскует в потемках беда,
Каждый себе выбирает по вере свой путь.

Все неизменно, белеют вершины, луна
Льет молоко своей лунности прямо в окно.
В небе звезда ворожит – сон из детского сна.
Отблеск огня в очаге, как хмельное вино.

Древней тропею Медведицы плавно плывет,
Как откровение – цепь золотая Седмин¹,
Ночь колыбельную мамину песню поет.
Ночь одиночества... Страшно, тоскливо, один.

1977

¹ Седмины – пророчества Даниила (Библия).

Пророк пяти ущелий

*Хорошее слово ножом не разрубишь,
Угрозы ему не страшны,
В огне не погубишь, на рынке не купишь –
Оно не имеет цены.*

Кязим Мечиев

*Дорога моего стиха – крута, витиевата,
А, может, шапка не по мне, не выверен строй струн...
Будь снисходительным, Кязим, прости меня, как брата,
Прости меня, Кязим-хаджи, ведь я почти что юн.*

В мир посланник своего народа –
Древних гор пророк, святой мудрец,
Твое имя, как и имя рода,
Средь ущелий – всем венцам венец.

Гордость горцев, стяг пяти ущелий,
Честь, что выше золота князей,
О тебе уже при жизни пели
И бедняк, и сирота, и бей.

С посохом кизиловым в дорогах,
В странствиях не раз ты вспоминал
О скалистых и крутых отрогах
Горного Шики¹, поклоны клал...

Даже камню – Аль-Хаджар – Каабы –
Святости миров, мерилу дней,
Предпочел ты камни и ухабы
Несравненной Родины своей.

Словно тур, преследуем волками,
В ночь беды, ты, как и весь народ,
Дом оставил свой над облаками:
Пес завыл, нагрязнул черный год.

В час, когда кумган для омовения
Вместо влаги источал песок,

¹ *Шики* – село, где родился Кязим Мечиев.

Все равно, ты пел Стихи Творения¹
Высшего, склоняясь на восток.

Голод, словно тать, вошел без спросу,
Стену подкопав, похитил мир.
Горек хлеб чужбины, точит косу
Смерть-старуха, правит тризны пир.

Ни глотка воды, ни крохи хлеба,
Степь застлала взор – горька Судьба...
Вырыта могила, плачет небо:
О, Аллах! Прими рабов раба.

Чтоб с родной землей не разлучаться
Ты готов был сам окаменеть –
Братом камня стать, скалой остаться,
Камни тоже могут песни петь...

Мгла застлала солнце облаками,
Ты ушел, земли покинув кров.
– В океане челн под парусами
С грузом на века рожденных слов.

Мыслям несть твоим конца и края...
В всполохах огня ушла война,
С ней бураны, воя и рыдая,
Правдою оправдана вина

Твоего народа. Спи спокойно,
Крылья вещей песен высоки...
Жизнь твоя бессмертия достойна,
Помнят камни горного Шики...

Стены грозных башен нерушимы,
И стихи стремятся в высоту.
Кровник, жаждой мести одолимый,
Не дерзай осилить красоту.

Не кинжалы, а серпы народу
Ты оставил, как и бусы строк.

¹ Стихов Творения – Коран.

Тот, кто покушался на свободу,
Сам себя к презрению обрек.

В кузнице стихи – любви орала
Ты ковал – кузнец, мудрец, поэт.
Проржавели лезвия кинжалов
Тех, кто мрак возвысил, а не свет.

Смыслы глубины стихов Кязима –
Это говорит Мока улу¹ –
Истинно поймет лишь тот, кто зримо
Славит правду и не склонен к злу.

Тот, кто дом свой отчий сердцем любит,
У того стремленья – высоки.
Спи Кязим, народ твой не забудет
Кузнеца – Поэта из Шики.

1977

Стихи, сказанные в полночь

Лицемеры, вы клонитесь в сторону
Тех, кто чуточку, но посильней.
Ваши души, что черные вороны –
Верх берет лихоимец, злодей.
Разбавляете совесть похлебкою.
Зря стараетесь, не победить
Правды поступь, пусть даже и робкую,
Бог – судья вам... Не мне вас судить.

Пустословы! На что вы надеетесь?
Получить с пустословья овцу?
Легкомыслия ветром развеетесь,
Честь и совесть приставить к лицу
Не удастся, дорогой потеряны,
Путь бессовестных необратим.
Как пронять вас, когда вы уверены,
Что правы пустословьем своим?

¹ Мока улу – отпрыск Мокаевых.

Мать родную, отца позабывшие,
Вспоминаете мельком раз в год.
От всеалчности жиром заплывшие,
Отрешенные от всяких забот,
Как простить вам такое бесчестье?
Честь хранить – не подковы ломать¹.
Кто как сеет... От зла ль благовестия?..
Мне ль теперь вас – слепых унимать?

Чьи сердца от пожара суетного,
В чадной мгле чернее, чем ночь,
Кто до хлеба добрался заветного
И присвоить с излишком не прочь –
Не прощу вашей алчности пламенной,
Широка лицемерия дверь.
Путь же мой – и тернистый, и каменный.

Мне ль насытить вас сытых теперь,
Тех, кто в поле чужом стать, как чучело,
Ради лести корыстной готов?
Если бы совесть вас капельку мучила,
Обнажила б позора покров,
Вы б предстали воронами, с лицами
Бессердечных и жадных людей –

Омерзительно хищными птицами –
Вороньем среди тучных полей.

Свет луны заслонила бы тучею,
И отвратило бы солнце свой лик!

1978

Утешение

Ураганом войны унесен ты навечно,
Твоей кровью, отец, обагрилась заря,
Расстилаются звезды небесные млечно,
Ты ушел как солдат, и погиб ты не зря.

¹ Пословица.

Знаю, сердце наполнено горькой тревогой,
Не за мир необъятный – за кроху меня.
– Не горюй, мой отец, справедливой дорогой
Сын шагает на встречу нового дня.

Труд мой равен по силе труду камнетеса,
Пью из чаши золотой драгоценнейший яд
Этой жизни нележкой, врубаюсь в утесы,
Прорубая дорогу... В свой рай или ад?!

– Не устань от меня, в этом мире я вечно! –
Небо мне говорит. Плачет бедная мать,
Что ушла вслед отцу, той же тропкою млечной:
В черных высях звезда, как тревоги печать.

Не горюй, моя мать, не горюй за кровинку,
Я твой любящий сын, пью из чаши простой
Воду жизни, и легок мой труд, что былинка,
Нескончаемый путь вьется змейкой-тропой.

Но земля говорит: только я неизменна,
Не устань от меня, в жизнь влюбляйся и пой
Песни сладкой любви, хоть и все в мире бrenно,
Крепко стой на ногах, на земле крепко стой.

Все случилось... Порою, без толики счастья
Я скитался и крова родного не знал.
Но пропела мне песня: объемлю я властью
Целый мир! Пой всегда, как бы ты ни устал!

1978

Ты осталась в моих глазах

В моих глазах остался облик твой
Прекрасным, словно струи водопадов
Чегема, вижу всюду пред собой
Балкарии озера, их прохладу.

В моих глазах твой взгляд запечатлен,
Ему подвластно воскрешать усталых,

И кажется, что лед способен он
И снег перетопить на перевалах.

В моих глазах твоих восторгов дни,
Я вижу радуг вешних озарение,
Мостоми среди скал лежат они,
А на твоей груди уж луч весенний.

В моих глазах и горестный твой след –
Безвыходные дни: деревья градом
Побитые, и им покоя нет –
Безмолвно плачут желтым листопадом.

И эти слезы горьких твоих дней
Мои глаза печалью омывают,
Живу, страдаю болью я твоей,
Они души мне раны обжигают.

В моих глазах и радость, и печаль
Твоей судьбы – они неразделимы.
Пройдут тревоги, канут дымкой вдаль,
Лишь ты всегда останешься любимой.

1978

И для меня белеет одна вершина

Три добрых друга были у меня –
Три брата, как клинки из лучшей стали,
Казалось, что без них не быть и дня,
Они опорой жизни моей стали.

Три пика, три вершины я имел
Своей земли – ее величье камень.
Их склонов снег и серебрист, и бел,
Над ними облака плыли веками.

Три стройных древа были у меня,
Ветвей их чутких я любил касаться.
В душе своей по ним тоску храня,
Не мог и взглядом с ними я расстаться.

Три струйных речки были у меня,
Казалось, в лунный свет они одеты,
И ночью снились, душу бередя,
По их волнам плыли мои рассветы.

Имел трех братьев – добрых трех друзей,
Двоих я потерял – один остался,
Ворвалась в дом лавина черных дней,
Полжизни отняла, едва поднялся.

Теперь опорный камень мой – один,
Он не уступит солнцу добротою.
Способен растопить и холод льдин
Своею человеческой простотою.

И дерево теперь цветет одно,
Одна река, шумит в волнах стремнина.
Да пусть не обмелеет его дно!
Белеет в небесах одна вершина!

1978

Зов

Проходящий путник, заходи
В дом ко мне, осыпан белым снегом,
У огня погрейся, посиди,
Поделюсь и хлебом, и ночлегом.

Путник, что изведал сто дорог,
Мокнувший под ливнями-дождями,
Преступи камней моих порог,
В доме будь, как в светлом добром храме.

Под защитой Бога очага
Обсушись огнем и обогрейся,
Все пройдет – и ливни, и снега,
Гостем будь, на лучшее надейся.

Верба в моем стареньком дворе,
Днем весенним пышно расцветая,

Радостно поклонится тебе,
Пожелает хлеба – урожая.

Путник утомлен, томит жара,
Жаждою измучен ты в дороге,
Заходи, испей айран, сыра¹,
Остуди прохладой свои ноги.

Верба в моем солнечном дворе
Уж ветвями тени расстиляет:
Отдохни, по утренней заре
В путь проводит, счастья пожелает.

Путник пеший! Уж клонится тень,
Градом ты истерзан и ветрами,
Заходи в мой дом в прощальный день,
Когда смерть у изголовья встанет.

Верба скорбно встретит во дворе,
Приобнимет, горько зарыдает,
Словно бы конец и ее поре,
Многих лет жить в мире пожелает.

Так заплачет, словно нет назад
К радости дорог: бушует море,
Налетели ветры, стужа, град:
Лишь беду познав, поймешь и горе.

1978

¹ *Сыра* – балкарский напиток, пиво.

НАВАЖДЕНИЕ

Рассказ

Чистой бумаги на моём столе всего четыре листа, а единственный в приморском поселке магазин канцелярских товаров уже закрыт. Марина тоже в растерянности. Как же так, говорю, вроде, имелась в запасе целая пачка, лежала на нижней полке шкафа, а теперь её нет. Никогда я не был столь опрометчив – можно ли оставаться писателю без бумаги, тем более накануне сдачи рукописи. После утомительной двухмесячной работы моя голова ничего не соображает, и она не досмотрела. Главное, замучила со своей уборкой: заставила меня сжечь все ненужные бумаги. Сейчас можно было бы печатать на их обороте. Какой-никакой да выход.

Я не то чтобы кричу, но даю ей знать – возмущён до крайности. Непонятно на чём мне писать финал, ведь завтра я должен явиться с готовым текстом в издательство. Добираться туда часов шесть на поезде, выезжать нужно пораньше, чтобы попасть к ним в рабочее время. Ведь могут и договор расторгнуть, в который раз отодвигаю сроки.

Я вне себя, а Марина радостно сообщает, как будто мне от этого станет легче, что пачку эту я самолично открыл перед правкой: перепечатал некоторые главы и пролог, с десяток листов испортил – вот и вышла вся бумага... Да, да, соглашаюсь я, вспомнил, извини. Но тут выясняется, что она тоже взяла немного и сейчас вернет. Приносит. Их оказалось сорок девять. Э-э, говорю, да этого хватит на три финала, а мне бы один написать. Когда я столько выдавал за ночь?

Признаюсь, меня измучил этот проклятый роман. Он был начат сразу после окончания института. Описываемые в нём события не только неотступно преследовали меня, ожидая, когда выложу их на страницы, но и вмешивались в реальную жизнь. Думал, хорошо, в романе нет угнетающих драматических историй, не то они существенно осложнили бы мою жизнь. Все три года, которые отрабатывал по распределению, я понемногу его писал, но не особо преуспел. Мне нужно было где-нибудь уединиться и спокойно его завершить.

И все-таки я обидел Марину, по ней видно. Сказал, что буду работать до утра, захочу спать – лягу здесь же на диване, беспокоить её не буду. Она принесла кофе с молоком в большой кружке, как я люблю, тарелку печенья и, равнодушно обняв, удалилась. Хоть бы слово произнесла!

У меня важная работа, переживаю, с ума, можно сказать, схожу, а она так себя ведет. Ладно, пусть уходит. Не буду о ней думать.

Передо мной настольная лампа, печатная машинка, стопка бумаги, авторучка с красной тушью для правки, на небе звезды, за окном мерно рокочет море, солоноватый воздух – одним словом, прекрасная ночь для творчества... А вдохновение исчезло. Около часа собирался с мыслями – всё напрасно. Решил перед ней извиниться. Бесшумно проник в спальню, но она уже спала. Или делала вид, что спала. Я вышел.

Не думать о ней уже не мог. Сел за стол, снял колпачок с авторучки и в левом верхнем углу первого же листа нарисовал цветочек. Посидел с минуту и написал под ним: «любимая». Не название финальной главы, а просто слово, написал, не понимая зачем. Мне нравятся все буквы, из которых оно состоит... Нет, так не годится. Ухожу от дела. О чём только думаю? Но не о работе. Ничего, сейчас соберусь, я умею в особых случаях выдавать невозможное, хотя в обыденной жизни – лентяй, каких поискать. Но в минуты самобичевания Марина меня приободряла: все талантливые люди, говорила, невольные обладатели этого свойства, всю их волю засасывает необъятный внутренний мир. Что невольник – соглашался, что внутренний мир необъятный – кто бы сомневался, что талант – безоговорочно верил... Однако я отвлекаюсь, но это, утешаю себя, пустяки: ещё разгонюсь, вечер только начинается.

Затем стал аккуратно обрамлять изящными кружевами каждую букву в этом слове. Не подозревал за собой способности к рисованию, но завиточки получались искусными, во всяком случае, таких узоров нигде не встречал. Я даже заигрывал с буквами: а знает ли, скажем, уважаемая буква «м» в слове «любимая», где и как мы с нею познакомились? Ни за что не догадаетесь, потому что здесь, как говорил известный литературный герой, есть своё таинственное недоумение. Случайность! Да, иначе как бы вообще узнал о её существовании, если бы после института меня не распределили в далекий регион поднимать мелиорацию. Поднимать – громко сказано, но я там оказался.

В буквах, несравненная госпожа «М» (теперь-то уж, разумеется, с заглавной), живет частичка души любого слова, и кому как не ей быть посвященной в мои переживания в момент первой нашей встречи. Надо ещё знать состояние молодого человека, оказавшегося вдали от друзей и родных – я находился черт знает в каком краю необъятной родины, в небольшом запыленном городке, рядом с управлением оросительно-обводнительной системы, в котором работал. Жара не спадала уже целую вечность, а рабочий день заканчивался партийным собранием. Я ждал начальника подписать бумагу о завершении обязательной трехлетней отработки и полной моей свободе.

Я сидел на крыльце соседнего дома, который принадлежал нашему сторожу, и нетерпеливо смотрел в сторону административного здания.

Сам крепкий и приземистый хозяин крыльца был старше меня всего лет на десять, но казался старичком из-за густых рыжих усов – как по мне, такие могли носить только пожилые люди. Меня он называл земляком, чаще – земля, потому что служил неподалеку от моих родных мест. При доме его был сад, примечательный не только разнообразием плодово-ягодных насаждений, но и занимательными строениями для его детей. Все они имели названия: «Замок на дереве», «Грот горного короля», «Волшебное дупло», «Дворец принцессы», «Чертовы качели», «Настенная крепость», «Таинственный лаз».

Он накрыл для меня стол под деревом – корзинки фруктов и ягод, пирожки с творогом и капустой, сыр и вино, но я отказался от угощения: душа не принимала ровным счетом ничего. «Хорошо, – говорил он каждый раз, выходя из сада по какой-нибудь надобности, – понимаю, еще к началству, но после – смотри! – обратно ко мне». Не отпускает он меня, что я ему ни говорю: «Депрессия, видите ли, у его сиятельства, ты, земля, это брось», – и снова исчезает.

Но вдруг скрипнули высохшие петли калитки, и во двор зашла девушка. Она была в соломенной шляпке с синим бантом на боку и голубом платье-рубашке до колен. Над головой держала небольшой розовый зонтик с белыми слониками. О, солнце в тот день изводило всех – вот и одежда её, должная скрывать девичий стан от посторонних глаз, тоже не устояла: солнце нещадно пронизывало тонкую ткань, высветивая девственный контур молодого красивого тела. Но эта магия длилась всего мгновение, девушка быстро зашла под тень вишневого дерева. Обнаружив меня среди солнечных пятен, густо лежавших на крыльце, она в замешательстве остановилась. А я тем временем успел разглядеть её собранные в хвостик русые волосы и белое личико, на котором, как будто под стать моему желанию, нанесли игривую родинку чуть выше губ. Глаза смотрели с нескрываемым любопытством, по-детски, они словно говорили: какой странный, кто он, что тут делает? А я почувствовал: неважно кто и по какой причине здесь нахожусь – она всё равно приветствует это всем своим существом.

Я встал и попросил гостью не стесняться меня и подойти ближе. Но она смутилась, посмотрела на свои ноги в сандалиях и нервно пошевелила пальчиками. И я тоже замолчал, разглядывая их и глупо улыбаясь. Заслышав шаги, она подняла голову и засияла: мой приятель возвращался из сада, неся очередную корзину овощей. «Э-э, какие гости! Марина!» – воскликнул он. Позвал её к столу и с каким-то необъяснимым удовольствием представил нас друг другу.

Только тогда я обратил внимание на книгу, зажатую у нее под мышкой. Между прочим, заметил ей, что под обложкой вполне могут быть «Вешние воды», «Первая любовь», «Ася», или что-то в этом роде – угадал? Марина покраснела и опустила на скамью, точно у нее

подкосились ноги. Да, смущенно призналась она, именно эти повести. Ну и славно, заключил хозяин, тогда есть повод кое-чем украсить стол и вместе поужинать. А бумагу можно и завтра подписать. Кстати, после завершения рабочего дня директорство переходит к нему, и по этой простой причине просит ни в чем ему не перечить. Да, сегодня не его смена. Ну и что? Это, земля, ничего не меняет. Из сада к своей любимице бежали дети: мальчик и девочка семи и пяти лет – неумолимый медвежонок и любопытная белочка. За ними шла мать – приветливая женщина с лучистыми серыми глазами.

Вскоре приятно запахло из кухни. Хозяин, как и положено, повел стол. А кто нам мешает по одной, а?! Ну-ка, взяли – за знакомство! Мамочку на вино не зовем, нельзя ей: ожидаем третьего. Пусть себе готовит. Ну-ка! Вино собственного приготовления, откажетесь – обидите!.. Отставить, я сказал. Приказываю принять от всей души!.. Так-то лучше!.. Как кто? Да Марина нам как дочь. С мамочкой ее так и называем – дочка. Мы с её родителями у вас, на Кавказе, ну, ты знаешь, почти десять лет вместе прослужили. Да нет, они врачи. Им теперь некогда, оба на повышение пошли. Они здесь ненадолго, это и так было понятно. Стали бы господу здесь жить. А я вот никуда больше не двинусь. Я о такой реке мечтал всю жизнь... Почему раньше её не видел? Да потому и не видел, что она недавно только приехала с учебы. Художественное училище закончила, да. Она, поверь мне, земля, – голова, я это при ней говорю, и родители справедливо требовали в медицинский поступать. А их дочь – хоть ты тресни! – своё. Не видел ты её картин. Она мастер света! Ну, как же она свет рисует! Вот сидишь ты здесь, на тебя через листву падают солнечные зайчики. А она на картине так их изобразит, что душу твою высветит! Во как! Искусство, брат!.. О, что нам несут! Ну-ка, все эти фруктово-ягодные корзины прочь со стола – сынок, поможай!..

К нам плывет чугунная сковородка с курицей, жареной под гнётом, и – что там еще? – десяток румяных картофелин в аппетитно шкворчащем масле.

Дети, не спешите! Осторожно! Куда отщипывать – горячо же! Чуть остынет – разделаю. Это, доченька, вино, не трогай, оно для взрослых, вот вам компот. И ты, мамочка, тоже садись, хватит бегать. Ну, хорошо, хорошо – неси свои соусы. А вот же их дом, прямо над нами нависает – серая гора! Веришь, солнце нам загораживает. Чего Марине в бетонных стенах париться? Там дышать нечем. А у нас природа, погода... По второй, нечего расслаживаться, по второй... С возражениями потом и в письменном виде. А сейчас все дружно подняли. Ну, земля, с окончанием тебя трудовых подвигов в нашем районе! Три года одним махом пролетели. Честно скажу: жалко расставаться! Полюбил я тебя. Но плакать буду потом. Дай я тебя по-братски обниму... Поехали!.. Ух! И кто

скажет, что мы плохо живем?! Так-то! Говорите: кому, чего и сколько! Дети, нельзя вперед старших лезть, где вас воспитывали, честное слово, никто вашей доли не съест... Марина читает здесь вечерами, отдыхает, с детьми играет, присматривает за ними, когда нужно. Рисует опять же. Кому салат? Из помидоров... вот из огурцов, мы их не смешиваем... кому зелень... масло, сметана для заправки... А где рыба? Мамочка, мы еще рыбу ждем, слышь там?! Я прямо скажу: такого судака вы даже на картинках не видали! Ешьте, ешьте. Ей-богу, мы как будто гостей ждали, наготовили... Нет, ну ты посмотри на нее, земля: чем она не настоящая невеста, а?! Вот сейчас сидит, смотрит на нас с тобой, а сама что-то этакое себе воображает, что нам и не снилось. Невиданный в природе человек. Ну, говорю тебе! В нее все влюбляются. Не веришь? Вот посидишь с ней часок – она молчать всё это время будет, а завтра ты головушку свою будешь искать. И не факт, что найдешь. Ну, говорю тебе! Она глазами с нами разговаривает, замечаешь? Гляди – краснеет! Не, ну ты встречал современную молодежь, которая способна краснеть? Ничего такого я лично давно не видел. Это всё её рисование – с людьми мало общается... А, почувствовали градусы?! Так-то – это вино с выдержкой. Тогда по третьей! Бог любит, как говорится... по третьей, а разговоры потом будем разговаривать.

...Нет, надо уже приступить к финалу, хотя приятно вспоминать тот вечер, когда я и в самом деле потерял голову. Всё говорило о том, что мы созданы друг для друга. То же самое, по её признанию, почувствовала и Марина. Нам позволено было проводить время в саду, и мы засиживались во «Дворце принцессы» допоздна. В один из вечеров, когда дети были уложены спать, а хозяйева находились на чьих-то именинах, мы впервые с нею поцеловались. Я узнал вкус её податливых, до той минуты, как потом выяснилось, не целованных губ, почувствовал ее запахи – плеч, шеи, волос, – которые напоминали мне природный аромат маленьких детей. И вдруг куда-то подевались все мои знания о девушках – я мало сходства находил у них с Мариной.

Я оставался с нею ещё две недели, после того как решил сразу домой не возвращаться, а поехать к морю, снять тихий уголок у какой-нибудь одинокой старушки и дописывать роман, благо денег было в избытке. Услышав об этом, Марина с радостью сообщила, что у них есть домик в одном приморском поселке, ещё с той поры, когда в том регионе служили родители. Продавать не стали – зачем? – самим пригодится. Там каждое лето отдыхает брат с семьей. Кстати, они только что уехали. А отец с матерью уже второй год как не могут туда выбраться. Она попросит их разрешить мне пожить в том домике – уверена, не откажут. И как было бы хорошо, начали мы мечтать, если б нас отпустили вместе. А почему нет, рассуждала Марина, раз мы любим друг друга и между нами всё уже решено.

Приходили её родители, сидели под деревом за тем же столом, серьезно со мной говорили. Мать, затаив улыбку в уголках красивых губ, разглядывала меня с любопытством, точно я какой-то невиданный экзотический фрукт. Мне кажется, она старалась смотреть на меня глазами дочери, пытаюсь понять, что же Марину во мне привлекло? Отец соответствовал званию полковника, пусть и по медицинской части. Спрашивал меня по-военному сурово: уверен ли я в своих чувствах, состав семьи, знают ли родители о моём решении, как себе представляю жизнь с их дочерью в бытовом отношении, после, так сказать, романтического периода? У них есть старший сын, он уже офицер, служит в соседней области, но дочь самая любимая, и хочется, чтобы она была поблизости, я должен это понимать. Разумеется, и удерживать её подле себя вечно никто не собирается. В мою пользу то, что человек я, похоже, ответственный, полноценный специалист, и, говорят, имею даже какой-то там талант. Но нам, молодым, нужно проверить свои чувства, для этого потребуется время. А это означало: её со мною не отпустят.

Марина стояла за спинами родителей поодаль и смотрела на меня. Я читал в её горящем взгляде волнение: вдруг нам откажут бесповоротно, и она потеряет то, что нашла впервые в жизни, и это может не повториться. Она поочередно сжимала пальцы на обеих руках, сняв соломенную шляпку, мяла её, казалось, до хруста, покусывала конец банта, а меня в тот момент приятно обжигало её неприкрытое желание быть моею. Нет, думал я, никогда я не знал такого чувства ни с кем, не отдам её никому и сделаю всё, чтобы мы были вместе.

Приятно было узнать, что я, оказывается, им понравился, особенно мое увлечение сочинительством. Все-таки молодой человек имеет благородное увлечение, и он не просто какой-нибудь заезжий мелиоратор, от которого не знаешь, чего ожидать. Дня через два они пригласили меня к себе, угощали зайцем в сметане, доставшимся отцу из охотничьих трофеев младших офицеров, треской в кляре, кулебякой, салатом из жареных баклажанов, вяленых помидоров и сыра, тонкими кружевными блинами с икрой, выпивали со вкусом, но в меру. Хотели, чтобы я прочитал что-нибудь из своего, о чём заранее уведомили меня через дочь. Я взял с собой наиболее удачный фрагмент из романа, который читал всем. Как я и предполагал, прочитанные страницы глубоко их тронули, и мне было предсказано большое будущее. Отец попросил копию этого фрагмента – бывший редактор их армейской газеты теперь директор краевого издательства, так что, если в этом есть настоящий талант, я могу считать книгу изданной.

Но на что я никак не надеялся – так это заполучить домик у моря до конца лета, а если захочу, то и на осень, даже на зиму с весной. Буду

ухаживать за ним (хотя за домом присматривает сосед, за одно используя участок в свою пользу) и писать свои бессмертные произведения. Только одно условие: в конце романа, после даты написания, я должен буду указать, в чьем имени он создан – частичка моей славы им не помешает. Впрочем, это была шутка.

Общались со мной уже с оттенками родственной заботы, я понимал, что с ними беседовала дочь о серьезности своих чувств, и была, по всей видимости, убедительна. Отсюда и большая сумка от матери, в основном, с офицерскими сухими пайками, и выдача отцом схрона коньячно-винных запасов в их морском домике – сын не употребляет по причине полного отторжения его организмом алкоголя, ну а творческому человеку время от времени не мешает расслабиться. Также с меня было взято слово, что в ближайшее время сообщу им о добром согласии моих родителей и установлю с ними почтово-телефонную связь. А свадьбу можно наметить на середину осени.

Я позвонил родителям, сообщил о своем решении – оно окончательное и обсуждение его не изменит, а только принесет всем страдание и никому не нужную ссору. На том конце долго молчали, а потом сказали: ну, раз я такой взрослый и родительское мнение меня больше не интересует, то могу поступать так, как считаю нужным. Ещё было добавлено: они знали, что восьмилетнее отсутствие сына именно так и закончится, и что во всём виновато государство с его политикой, касающейся молодых специалистов. Новость эту я передал родителям Марины. Однако уезжал я с тяжелым сердцем – там со мною не будет её.

Бог мой, скоро полночь, а я ещё не приступал к работе. Этак я не успею написать финал к утру. А ведь его можно без ущерба сделать короче – так я, наверное, и поступлю. Мне осталась сцена о том, как герой привозит роман в издательство, где ему тут же предлагают редактора, как сказано, для работы над ошибками. Далее обычные в таких случаях трения из-за спорных мест и, в конце концов, сдача рукописи и празднование героем полной победы. Так что финал не проблема, он почти готов, осталось его только изложить. Поэтому я в очередной раз проявляю беспечность и с удовольствием вспоминаю место, куда я прибыл ровно через сутки.

Домик, как его называли владельцы, был вполне добротным домом из трех комнат и кухни внизу, и двумя – наверху. В мансарду вели две лестницы: одна из прихожей, другая поднималась прямо из сада. Солнечная сторона мансарды выходила на террасу, откуда открывался пленительный простор моря. С военным соседом в отставке я виделся только в день приезда, как раз уезжал поболеть за внука, поступавшего в военное училище. Он только и успел мне сказать, что на свободные места сажает в нашем саду зелень и овощи, так что я вполне претендую на половину урожая.

Сам же поселок был благоустроен во всех отношениях: с администрацией, школой, почтой, рынком, магазинами и прочими важными учреждениями. Чем он был особенно примечателен – так это невысокими ограждениями участков, выкрашенными в белый цвет (должно быть, требование властей) и обилием на улицах деревьев и цветов, в которых он буквально утопал.

Я незамедлительно засел за роман и за десять дней связал все разрозненные его части, написанные за три года. После чего он показался мне стройным, величественным и необычайно глубоким по смыслу. Эх, думал я, некому оценить мой труд, никто не скажет доброго слова, ни один из близких мне людей даже не догадывается, какое грандиозное сочинение я пишу. Именно в эту минуту я вспомнил о винных запасах. И в самом деле, отчего бы не отметить успешное начало работы: магистральная линия романа выстроена, а дальше успевай записывать.

Печь в одной из комнат была бутафорской: сделана из каркаса, обшита металлическим листом, но накрыта настоящей чугунной плитой. Как меня учили, я сунул руку в духовку, нащупал рычажок и потянул на себя. Внутри что-то шелкнуло, и печь на пару сантиметров отошла от стены. Затем я отвел её, как дверцу шкафа, в сторону и в проеме стены увидел внушительную обойму спиртных напитков разных сортов. За отсутствием штопора для винных пробок пришлось выпить коньяк и заесть остатком выданных мне в поездку продуктов. После этого, заметно приободрившись, с чувством исполненного долга впервые спустился к морю. За всё это время я, кроме хлеба, ничего не покупал – сидел на сухом армейском пайке. Значит, на обратном пути надо будет зайти в магазин за полноценной едой.

Возвращался я уставший, сказывалась непосильная многодневная работа, в таком режиме я не писал никогда. Оказывается, непрерывное умственное занятие тяжелее всех других, ещё месяц таких усилий и от меня ничего не останется. Впредь решил отдыхать два дня в неделю, как я привык в оросительной системе. Только теперь я узнал, как мучительна творческая работа, как она затягивает, как выпивает тебя до самого дна твоего сердца, так что в какой-то момент возникает паника – ты не веришь в благополучное возвращение к нормальной жизни.

Еще снизу, шагов за сто, через решетчатую изгородь я увидел, что на кушетке, которую я поставил около вазона с цветами, кто-то лежит. Подойдя ближе, я разглядел, что это девушка. Из моего положения трудно было понять, кто это. Она была в длинном сарафане, одна её рука лежала на подлокотнике, другая на согнутой в колене ноге, лицо и плечи обращены к заходящему солнцу. Рядом – взятый из гостиной стеклянный столик с оранжевым напитком.

Да, я всегда слышал завистливые упреки, что мне не по заслугам везёт. На самом деле, так и есть. Я бы уточнил: мне везет неожиданно,

в ситуациях, когда этого ни я, ни другие никак не предполагают. Впрочем, на то оно и везение. И теперь это был подарок: море, любимое занятие, которому я хочу посвятить свою жизнь, и со мною – она! Нет, в отличие от меня, Марине не так повезло: не было согласия родителей на ее отъезд, не было поцелуев на прощание и пожелания хорошо отдохнуть. Она взяла краски, кисти и мольберт, объявила, что если не начнет сию же минуту работать, то сойдет с ума. Затем чуть ли не крикнула, опускаясь на стул в прихожей: с ума она сойдет, если не увидит меня – и у неё выступили слезы.

Уж чего-чего, а такого от неё не ожидали. Конечно, родители поняли – люди они умные, интеллигентные, – что время дочери пришло и удерживать её нет никакого смысла, да и не удастся. Возможно, были бы и поцелуи, и благословение, и подобающие проводы на вокзале, но дочь – будь что будет! – на другой день уехала рисовать морские виды, оставив записку с признанием в безграничной к ним любви и преданности.

Кажется, ни я, ни она не верили в происходящее: несколько минут мы держали друг друга в объятиях – она на кушетке, я подле нее на коленях. И – ни одного слова, ни единого звука, ни малейшего движения, как будто мы боялись спугнуть счастье. Наконец, отстранившись, Марина ласково меня назвала «мой дурачок». Спросила: как я здесь жил? Пожурила: в доме ни крошки еды – нечто так можно? А еще возмутилась: я что, до сих пор сидел на офицерском папином пайке? Из всех слов я с удовольствием принял и сохранил в памяти только одно: «мой». Кто бы знал, как мне приятно было его услышать!

Пока варился обед, мы решили – решала, конечно же, Марина – обустроить комнату для нас. Одну спальню я уже отвел под кабинет – там стоял раскладной диван и стол, за которым я работал. В другой комнате находилась двуспальная кровать, но Марина почему-то сочла, что она нам не подходит. Я спросил: из-за размера или освещения? Принимается любое ее решение, поддержал я! Признаюсь, я совсем одичал без человеческого общения. А что такое женская ласка – забыл совсем. Надо, сказала она, в гостиную из мансарды принести еще одну кровать – ну, чтобы их там было две. Но кровать велено было поставить у противоположной от другой кровати стены. Отсюда, говорит она, я буду прекрасно тебя видеть и слышать. И, сочувственно улыбаясь, стала следить за моей реакцией. Я замер, должно быть, без всякого выражения на лице, потому что не знал, как понимать это решение. Уж этого я никак не ожидал. Был ли я огорчен? Да. Хотел ли я, чтобы мы спали на одной большой кровати? Конечно. Хотел ли я... ну... в общем... – без сомнения. Вот такой я. Но минуту спустя признал, что после такого поступка она заслуживает самого большого уважения.

Марина начала меня опекать: следить за моей внешностью, здоровьем, питанием. А сколько всего умела своими руками! Где и когда она

успела всему научиться? Отвечала: я просто внимательная и не упускаю ничего, что может пригодиться.

На том и закончилась еда всухомятку. Один раз в день я обязан был съедать тарелку горячего жидкого блюда. Мне предлагалось просто-таки карнавальное их разнообразие. За два месяца она ни разу не повторилась: щи, борщи, рассольники, протертые супы, а уж обычных супов – не счесть, из чего, оказывается, их только ни готовят! Я сбился со счета от разновидности одной только окрошки. В обед я не имел права обойтись без салата из зеленого лука, чеснока, петрушки, укропа, кинзы, печеного сладкого перца, сочных розовых помидоров без кожуры, кусочков козьего сыра и миндальных измельченных орешков. Всё это поливалось подсолнечным маслом, лимонным соком или, по моей слезной просьбе, сметаной – я очень любил подбирать хрустящим батоном сок, оставшийся после помидоров и других овощей. Мясо же теперь варилось либо тушилось, даже котлеты готовились на воде, однако насыщенный вкус блюд создавался при помощи волшебных – иначе не скажу – соусов. Мы садились друг против друга: она кормила меня из своей ложки, а я её – из своей. Этот забавный прием пищи придумала она, мы чувствовали, что это сближает нас и роднит, как ничто другое.

Мы с нетерпением ждали вечера, когда спустимся к морю с большой тарелкой жареной барабульки. Рыбу мы покупали свежей у нашего магазина, и почему-то она была единственным, что могли предложить местные рыбаки. Мы купались, пили вино, закусывали рыбками и самозабвенно смеялись – поди узнай, чему и по какой причине...

Довольно воспоминаний, говорю я себе в очередной раз, пора уже писать финал. Теперь-то я все отчетливо вижу, лишь бы не заснуть...

Я точно помню, что сел в поезд ранним утром, тогда, как назло, пошел дождик – обычный дождик, какие часто идут по всему побережью. Меня провожала Марина в бирюзовой кофте поверх зеленого ситцевого платья, волосы в беспорядке, на ногах коричневые матерчатые тапочки. Я ещё подумал, зачем она, всегда опрятная и ухоженная, так нарядилась.

Маленькая станция, поезд стоит всего пять минут, мне пора садиться, а она смотрит на меня так, как будто я никогда не вернусь. Ну что ты, говорю, в самом деле, прекрати – целую её в щечку, прошу идти домой сейчас же, эх, сожалею, мы не взяли зонтики. Она грустно улыбается – а у нас, отвечает, их и нет, потому и не взяли. Такое ощущение, что она говорит из последних сил.

Поднимайтесь уже, торопит проводница, – становлюсь на подножку, оглядываюсь, через мгновение я уже в купе. Смотрю из окна на Марину – она неподвижно стоит под единственным деревом, будто застыла: ни улыбки, ни взмаха руки. Что это с нею? Мне становится нестерпимо больно, отворачиваюсь и сажусь на свое место.

Дальше привычный лязг и шум уходящего состава, привокзальные картинки начинают чаще мелькать, смешиваются, вокруг типичный разговор удобно устроившихся в дорогу пассажиров. Сосед суетится: может, чайку или что-нибудь посушежнее, у меня закуска хорошая имеется, вы как – не против? Я молчу, я – против! Отодвигаюсь от столика – уступаю место соседям, а потом и вовсе выхожу из купе. Слышны реплики о политике, ценах, социальных проблемах – везде люди ищут лучшей доли.

Сердце болит за Марину: как она себя будет чувствовать без меня в пустом доме? А сколько дней я буду отсутствовать? Как я мог оставить ее одну, зачем не взял с собой? Почему мне даже в голову это не пришло? Вдруг тема разговоров меняется: в отпуск пойдете, когда сдадите материал. Используйте автора, пока он здесь. Ничего другого слышать не желаю. Исполнить и доложить... Где улетающие картинки, приглушенные голоса пассажиров и уже пьяные мои соседи? Надо же было так уйти в себя, что я не заметил, как прибыл к месту назначения, добрался до издательства и сижу теперь перед столом редактора, которому поручена работа над моей книгой.

Она красивая молодая женщина, короткая черная юбка, белая с кружевами на груди и рукавах блуза, сейчас говорит с директором обо мне и вот уже, стуча каблучками, возвращается. Ну что, говорит она, пронзительно заглядывая мне в глаза, слышали? И кто вас только дернул приехать сегодня? Ведь могли, как нормальный человек, появиться завтра после обеда – черта с два бы меня нашли!

Я представляю, как она распускает волосы перед сном, и присматриваюсь, до чего же у нее красивые глаза за очками! Хочу ей об этом сказать, но почему-то говорю, что мне всё равно с кем работать, лично я, простите, ни в чем не виноват. Думаю, в этот момент она хотела звучно выругаться, но воздержалась. Такая вот она – Эвелина! Ну как еще, прости господи, её могли звать в моей истории?!

Через минуту она говорит примирительным тоном: ладно, время обедать – идемте. Она читала все присланные мною главы – заставляли. Если бы не моя сегодняшняя подлянка, то могла бы сказать несколько приятных слов о книге. А теперь – фигушки! – не дождетесь. Впрочем, давай на «ты». Тебе сколько лет? Наверное, годков двадцать три, да? О, целых двадцать пять?! А мне, малыш, все тридцать четыре! И это ещё не вся страшная правда обо мне, понял?! Так что прошу уважать и слушаться беспрекословно, потому как времени на притирки друг к другу нет.

В кафе берем котлеты с воздушным картофельным пюре, свекольные салаты, по половине стакана густой сметаны и кофе с пирожными – ешь, ешь, работы много, силы нам понадобятся. Теперь внимание: по

возвращении в издательство заходим к шефу, она ему говорит, что нам удобнее будет работать у неё дома, потому что в кабинете постоянно отвлекают посетители. А я в это время должен просто молчать и махать гривой в знак солидарности, понял? Шеф одобрит – она догадывается, что за мною чья-то крепкая рука, а это по нему ой как заметно. Поработаем от души, сделаем из каши конфету. Неужели за два дня мы не одолеем каких-нибудь триста страниц? Да нечего делать! Пишу я, надо сказать, чересчур кудряво, много лишних слов, но всё это, малыш, легко устранимо. Сделаем текст мускулистее – и всё встанет на свои места. Кстати, я получу большой аванс, скоро в моих карманах будет целое состояние. Как думаю поступить? Совет: первым делом на вокзал – до Ливерпуля, а там – в порт. Дальше – куда захочу! Мы смеемся, а на душе у меня тревожно.

Выходим на конечной остановке рядом с домом Эвелины. Дом – это сильно сказано, она занимает только половину. Ничего, она довольна: ей досталась комната, прихожая, кухня с кладовкой и просторный балкон. Одну минутку, она не совсем готова к приему высокого гостя. Ей надо зайти в магазин. Это ненадолго. Я же могу подождать здесь. Как это подождать? Где такое видано? Вхожу туда первым. Во внутреннем кармане моего пиджака солидная пачка денег, выданная еще в оросительной системе. Мы взяли всё, что возможно было купить в магазинах того времени: какого-то мяса, какой-то колбасы, каких-то консервов, круг какого-то сыра, два десятка яиц, чай, кофе, фрукты, шоколад и гущенное молоко. Меня понесло: ещё торт, пара бутылок марочного вина, рижский бальзам, ром «Бакарди» и несколько кубинских сигар – поди пойми, для чего, ведь я даже не курил. Но Эвелина была в восторге, а я впервые стал свидетелем случая, когда кто-то возлюбил ближнего, как самого себя.

Почему меня не насторожили ни мой героический поход в магазин, ни её оригинальный домик с видом на рощу, ни кремовые шортики с расстегнутой на груди полосатой рубашкой, ни дразнящее прикосновение её мокрых после душа волос – всё это должно было мне напомнить мои же фантазии. Потом думать времени не было. Мы сразу же поставили вариться шурпу, а к рабочему столу понесли нарезанные колбасу и сыр, шоколад, фрукты и, разумеется, стаканы – мой с ромом, её с вином. Кстати, ром мой Эвелина разбавила вишневым сиропом с соком лимона и добавила лёд – сэр Флинт, всё-таки осторожнее с семьюдесятью-то пятью градусами! Всё это у нас стояло вперемежку с ножницами, фло-мастерами, клеем, штрих-корректором, бумагой – работать мы собрались основательно.

Ну, говорит она, и что ты молчишь, скажи что-нибудь. Хотя, дай я скажу. За успех твоего романа и пусть все лопнут от зависти! Нет, так

нельзя – отставить, как говорит наш директор. Пусть читатели всего мира возрадуются появлению твоей книги и станут хотя бы чуточку счастливее, вздрогнули! А теперь за работу.

Сначала мы читали всё предложение вслух – осмысливали. Затем снова, но уже медленнее, слово за словом: убирали лишнее, меняли эпитеты, переписывали отдельные фрагменты. Я сидел со словарями, вырезал куски бумаги нужного размера, наносил клей и как автор решал, какой из вариантов оставляем. Разногласия были, но мы вежливо уступали друг другу через раз. Делали перерыв, сосредоточенно думали и считали: сколько страниц отработано, сколько ещё предстоит и сколько времени займет. При этом ели шурпу, набирались сил и загадочно смотрели друг на друга, думая, конечно же, о предстоящей ночи в одной постели. Не погонит же она меня на улицу затемно? Она таинственно заглядывала в мои глаза, вероятно, пытаюсь найти что-то для себя важное. А меня уже не так интересовала моя книга, как Эвелина. Когда стемнело, она сказала: всё, шабаш, одолели ровно половину.

Эвелина выходит на балкон, я следую за ней. Она поднимает руки, потягивается, словно кошка, и слегка наклоняется в мою сторону, как будто не замечает моего присутствия. Ой, говорит она, оборачиваясь, и тут же кладет голову на мое плечо. Будет дождь – над рощей почернело. Да, соглашаюсь я, похоже на то. Обнимаю ее и остро чувствую, как давно я не был с женщиной. Она удобнее устраивает голову на моей груди. Какой прекрасный вечер, произносит кто-то из нас. Говорим о дальних странах, где сейчас хорошо. Оказывается, мы оба помешаны на Кубе, её природе, курортах, чарующих островах в океане – мы оба хотим там побывать. Вдали сверкает молния, освещая просторный луг перед рощей. Видишь, по верхушкам деревьев носится ветер, а на мой балкон не залетает. Давай спустимся, не хочешь? Она выскальзывает из моих объятий, открывает замок боковой двери зарешеченного балкона и спускается по крутой лестнице на землю. Смотрю вниз – на лужайке стол и скамья, их полукругом обрамляют три ухоженные клумбы. Вот здесь, кричит она оттуда, я работаю летними вечерами. И ни у кого из соседей сюда выхода нет. Такая лужайка только подо мной, а у них овражки, видишь? Смотри, под столом розетка для настольной лампы. Это всё папа сделал. Ну, спускайся же.

Я до краев наполняю бокалы, беру сигары, иду к ней. И в самом деле, здесь чудный воздух. Это перед дождем, хотя у нас всегда свежо – окраина. Выпиваем разом до дна и, давась от смеха, пытаемся закурить. Но у нас ничего не выходит. Подожди, по-моему, надо откусить кончик этой зауженной ножки. Не убирай спички, необходимо хорошенько раскурить – я в кино видела. Ты думаешь? Ну, вот же я пробую. Не получается! Считаю это не про нас, куда нам, лапотникам, сигары курить, ну

их к чертям! Сигары летят в траву без сожаления, а наши губы находят друг друга. Запах вина и пряное послевкусие табачных листьев придают нашим поцелуям какой-то порочный аромат...

Как же так: под видом работы над книгой я сижу у чужой женщины, целуюсь с ней, а вдалеке Марина тоскует в пустом доме. Как мог я её предать? Как мог ранить её чистое сердце? Это так на меня не похоже! Есть ли мне прощение после такого поступка? Я встаю и решительно устремляюсь наверх. С трудом отыскиваю под кроватью свой запыленный портфель, достаю из бокового его отделения письмо. Оно от отца Марины. Читаю.

«Мой дорогой друг! Без сомнения, она поехала к тебе. Хочу сказать, дочь нам послушна во всем, она честный и ответственный человек, хорошо воспитана. Это чтобы ты не подумал чего. Она закрытый человек, спокойный, добрый, но у неё необыкновенная решительность и твердый характер. Бывает, что её трудно отворотить от задуманного, как и гору сдвинуть. Мы в таких случаях ей не перечим, потому что она не раз доказывала, что предчувствует успех, пользу какого-либо дела, видит сердцем хороших людей. Я надеюсь, ты как благовоспитанный человек не воспользуешься её женским, правильнее бы сказать, легкомысленным порывом поехать к тебе, и вы терпеливо дождетесь времени, когда станете законными спутниками жизни. Ведь вы с нею ещё так молоды и мало знаете друг друга, может случиться всякое. Она поддалась чувству, я впервые такое за ней наблюдаю. Об одном хочу предупредить: невозможно разбить сердце такой девушке и остаться безнаказанным. Когда предадут такую святую душу, то страдают все люди вокруг, ну, не знаю, рушится мир, всё идет прахом, природа подобного не терпит. Если можно обмануть таких людей, как она, то зачем нужен такой мир. Я волнуюсь и из-за этой слабости всё, наверное, усложняю и преувеличиваю. Прошу меня извинить. Переписывать не стану. Но ты, надеюсь, меня понимаешь. Это письмо тебе из рук в руки передаст наш сосед. Марине, конечно, его показывать не следует. Напиши, как устроился, как пишется, да и вообще – как вы там? С уважением».

Странно, я никакого письма ни от какого соседа не получал. Не имею понятия, как оно оказалось в моем портфеле, каким образом о нем узнал? И как это мне в голову пришло бежать за портфелем?.. В этот момент лужайка сворачивается ковриком и катится под рошу, обрывается голос Эвелины, пытаящаяся, по-видимому, спросить, куда это я побежал. Ветер, пролетевший между балконной дверью и распахнутым настежь кухонным окном, срывает легкие настенные часы и календарь, рамки чьих-то портретов, сбрасывает на пол статуэтки двух ангелов с поверхности телевизора, размётывает по комнате мою рукопись. Но я её не собираю, а, быстро одевшись, выбегаю на улицу под холодный косой

дождь. Меня, насквозь мокрого, из жалости подбирает водитель одной из проезжающих автомашин и высаживает у дверей издательства. Там нахожу бухгалтерию и объявляю, что мне положен аванс за книгу – проходите, говорят мне, присаживайтесь, как фамилия?

По дороге на вокзал пытаюсь понять, почему пачки денег я положил не в портфель, а рассовал по карманам брюк и пиджака? Странно. В маршрутном автобусе все только на меня и пялились. Еще более странно, я не помнил ни названия станции, ни поселка. Из окошка кассы мне уже кричали: так куда все-таки едем, думайте скорее, за вами очередь. Беру билет по направлению к морю – до вокзала, который находится в шести часах пути отсюда. В поезде обращаюсь к проводнице: может, она знает, как называется станция? В нашем поселке, говорю, по пути к пляжу есть магазин, возле которого рыбаки продают барабульку, а ещё там много деревьев и цветов. Не припомнит ли такого места, ведь они много ездят? Я только рассмешил проводницу, особенно барабулькой. А ещё она сказала, что у неё нет возможности разгуливать по приморским поселкам, да и разлёживаться на пляжах некогда, ей нужно работать и кормить семью.

Ничего, думаю, я узнаю наш вокзал по его архитектуре. Но я не знал, что все они – во всяком случае, на побережье – построены по типовому проекту. К тому же обратно я ехал в ночное время и шансов разглядеть что-нибудь знакомое у меня почти не было. Я порывался сойти на каждой станции, но меня удерживала проводница: да ты приглядись внимательнее, сам же говорил, что твоя в шести часах езды, а мы и трех часов не прошли. И меня отправляли спать. Я и в самом деле устал от напряжения, к тому же был основательно пьян. Я быстро заснул, но сколько часов проспал – не имею никакого представления. Проснулся я от легких содроганий поезда, замедляющего ход, и сразу же прильнул к окну. Так вот же моя станция – я это знаю по одинокому дереву за перроном, под которым стояла Марина. Беру портфель, бегу на выход. Проводница, качая головой, не то чтобы сомневается, а точно знает, что не время мне. Я же и слушать ничего не желаю – здесь мне выходить и всё тут.

Только оказавшись у дерева, понимаю, что ошибся. Оно ниже и без пышности в листе, оно какое-то больное. Я никогда не ладил со временем – пока разбирался с деревом, поезд отошел. Что было делать, я направился к зданию вокзала, зашел в буфет и заказал себе рому. Рому, сказали, не держим. А вот кальвадос, вижу, есть – его мы, бывало, пили с ребятами в студенческом стройотряде. В моем романе он широко описан. Я взял бутылку, кусок голландского сыра, мои любимые пирожки с капустой, шницель и крепкий чай. Когда расплачивался, из моего кармана посыпались деньги, а я даже не подумал их поднять. Кальвадос не по-

правил моего душевного состояния, но именно из-за него, считаю, я и не помню, как сел на следующий поезд. И надо было ожидать: я пропустил свою станцию, более того, оказался в соседней области. Как же так? Почему проводница меня не разбудила? Никуда я не опоздал, отвечает, ведь мне выходить через четыре остановки – смотрите! – вы оплатили, говорит, до такой-то станции, названия которой, признаюсь, я никогда и не слышал. Ничего не знаю, возмущаюсь я, посадите меня сейчас же, на первой же остановке! С какой такой радости мне еще четыре станции углубляться в чужую область?

Я заблудился во времени и этой бесконечной ночи! Я не могу найти любимую, я потерял веру в себя! Меня осадили враждебные войска всех времен и народов, и нет мне спасения! Посмотрите, как я зарос. Обратите внимание, на что похожа моя одежда – она износилась, словно я ношу её сотни лет. Вы даже не представляете себе, во что превратились подошвы моих ботинок, хотя все годы блужданий я сидел в поездах – они настолько истончились, что кожей ног я чувствую каждую неровность поверхности, по которой ступаю... Всё это я говорю проводнице очередного поезда, который везет меня обратно. Но куда обратно?! За бутылку ледяного шампанского я насыпал на её столик кучу денег. Бог с ними, с деньгами, говорю, когда она пытается мне их вернуть – прекратите сейчас же! – лучше скажите, где мне сойти, чтобы найти мою любимую. Даже этот леденящий напиток не гасит пожара в моей душе. Проводница дает мне совет: сойти на ближайшей станции, снять номер в гостинице, принять душ и хорошенько выспаться. А там, она уверена, я вспомню свою станцию и найду любимую. Я твердо обещаю ей это сделать.

Светает. Утро хмурое, холодное. На деревьях, кустарниках, проводах – изморозь. И это посреди лета. Я ступаю на землю уже дряхлым стариком. Странно: я таким себя ощущаю или я такой есть на самом деле? Донести бы своё тело до ночлега и горячей пищи, лечь в чистую постель и спокойно осмыслить, что со мною произошло. Если я выживу и мне когда-нибудь случится написать хотя бы еще одну книгу, я буду знать, как сделать её безупречно правдивой. Эта мысль приносит хоть какое-то утешение. У входа в здание вокзала спрашиваю, где поблизости есть гостиница. Пожалуйста: мне нужно пойти по перрону, так просто ближе, – видите одинокое дерево? – за ним проулок, он выведет вас на площадь, по правую сторону – гостиница. Благодарю. Я с трудом передвигаю ноги, да, да, когда приступлю к этой книге, я уже буду знать, какую боль может вызвать любое предательство, даже самый ничтожно маленький обман. Я буду знать, как можно потерять разум и ощущение времени, как можно разрушить мир, и в первую очередь свой собственный. Как это было в том странном письме? Зачем нужен такой мир, если можно обмануть такую, как... Природа этого просто

не потерпит... Не потерпит... Природа, письмо... Не припомню даже, откуда оно пришло?

И слёзы выступают на моих глазах. Я ничего и никого не мог разглядеть, пока вплотную не подошел к дереву. Останавливаюсь. Смотрю – не верю своим глазам. Как же так, Марина, неужели ты с тех пор стоишь здесь, или только что вышла меня встречать? Хотя откуда тебе знать, когда я приеду, ведь я не давал телеграммы? Представляешь, я всё забыл: и адрес, и все названия, и даже... Что я говорю? Погоди, одежда на тебе изнасилась, как и моя. Это что же: мы оба прожили в разлуке неисчислимое количество лет? Как ты жила все эти годы, о чем думала? Лицо твое обезображено дождями и солнцем. Губы твои потрескались, трещинки на них, да и на всем лице, заполнились пылью и семенами трав, разносимых ветрами. Знаешь, в них выросла шелковистая травка, а в волосах твоих птицы свили гнезда. Не плачь, прошу тебя, эти две струйки обжигают меня больше адского огня. Я возьму тебя на руки и отнесу домой, я вылечу все твои раны и мы заживем счастливо. Доверься мне, обними за шею, скоро мы будем в мягкой постели и отдохнем за все годы разлуки. И очень тебя прошу, не смотри так – мне кажется, ты пронзаешь меня взглядом, а во мне много чего происходит такого, над чем я не властен. Вот мы и пришли. Сейчас я омою тебя и уложу на кровать, а сам лягу здесь, на коврик, и буду до утра держать твою руку, чтобы ты знала – я рядом.

Утром я и в самом деле проснулся на коврике. Правая моя рука лежала на кровати, шум моря был как никогда навязчив, а Марина собирала развеванные ночным ветром листы моей рукописи. Я встал и, ёжась от холода, вышел на балкон. Там нарочно задержался, потому что не знал, как и о чем с нею говорить. Боялся взглянуть на неё. Мне нужно было осмыслить всё, что со мною произошло. Пусть уйдет и займется своими делами. Завтраком, например. Но она не уходила, она держала стопку листов и смотрела на меня в недоумении. Я подошел к ней и взял из её рук бумаги. Все пятьдесят три страницы, бывшие вчера в моем распоряжении, с обеих сторон были исписаны убористым почерком одним лишь словом: «любимая, любимая, любимая, любимая...»

Татьяна ФИРСТОВА

Татьяна Валерьевна Фирстова – автор многочисленных публикаций в российской периодике, в том числе и в самых престижных изданиях, таких, как «Литературная газета». Участник коллективных сборников «Глагол», «Litterra», её перу принадлежат книги стихов «Уверенность» и «Точка росы». Уроженка Барнаула, ныне проживает в Москве. Член Московского союза литераторов.

Знаешь, почти неприлично
Говорить о личном
На моём языке птичьем:
Сорочьем или синичьем.
Взгляд глазом-бусиной
Внимательно-грустно.
И тенькать молоточком, тоньше волоса:
Нет тише моего голоса,
Нет громче моего голоса.
Но ты не слышишь,
Да и я себя не слушаю.
Душа моя стала послушною,
Не летает к тебе, не просится
Очками переносица
Оседлана. А за ними – дожди, дожди.
Забывай обо мне,
Не жди.

Ни слова более,
Ушла не навсегда
Она почти,
Но не совсем, по счастью,
И солнце ловится
Другой какой-то снастью,
Не той, которой
Павшая звезда.
Она со мной,
За сто бессонниц раз
Одаривает потом
И печалью,
Разлукой
И упавшими плечами,

И тишиной
Укрытых снами глаз.
Она с тобой,
И не моя – увы...
Пропитанная запахом травы.
Мы не совпали, чтоб делить и мерить,
Чтоб рядом спать, не помня про рассвет,
Не знать вопрос, а будущий ответ
Забыть и вспомнить,
...и опять поверить.

Мария Селеста

Вот ночь, горизонт соскобля,
Берёт, словно кисть – непогоду,
А крысы бегут с корабля
И прыгают в тёмную воду.
Послушен движенью руля,
Оснасткою парусной дышит
Корабль, словно бисером, вышит
Стежками тумана. Но тише!
Команда бежит с корабля.
Вот шлюпка и вёсла в руках,
И, мелкие жизни спасая,
В тяжёлые воды бросает
Команду неведомый страх.
Нежна корабля колыбель,
Усталости ветер не знает,
Меж волнами стелет постель
И в небе перину взбивает.
В наивных кают скорлупе
Спят странники – хрупкие дети,
Не зная про волны и ветер,
Про то, что случится на свете,
Всецело отдавшись судьбе.
А ей так смешно и чудно:
Вольна их отправить на дно,
Вольна целовать и лукавить
Холодной от злости водой,
Печалью, тоской и бедой,
Чтоб после живыми оставить...
И вот уже, доски соля

И крепко борта обнимая,
Восходит стихия слепая...
Последним, себя проклиная,
Бежит капитан с корабля.

Я так жду от тебя
И как долго?
Наверное, слова,
Наверное, вечность.
Это высшая точность,
Пути постоянная млечность.
Понимаешь,
Я знаю,
Что я параллельна настолько...
Что нигде,
Никогда
Нет того заповедного столика,
За которым сидят
И протяжными взглядами мучают.
Так бывает,
Судьба –
Это просто настойка на случае.

Покуда годы камешками в кулаке
Всё считаю, не покажу никому
Кораблики в ручейке, лодочки на реке,
Хрупкие, как стекло – в голову не возьму,
Что бы мне и к чему?
Покуда сердце птицею в кулаке
Держу пока – не скажу никому.
Брешь в голове, снег на виске,
Дым вдалеке, след на песке –
Что бы мне и к чему?
Надёванное сношу
И нового не спрошу.

Карданова (Шаова) Асият Каральбиевна, родилась 23.07.1978 в г. Тырнауыз. Образование – ФРГФ КБГУ, отделение английского языка, кандидат филологических наук.

Место работы и должность – старший преподаватель кафедры английского языка СГИ КБГУ.

Замужем, двое детей.

Последний приют

– А можно заказать ограниченный пакет услуг?

– Одну минуту.

В ожидании ответа Яра прислонилась к облупившейся кирпичной стене. Было всё равно холодно, но теперь хотя бы одна часть тела была защищена от вездесущих развязных лап сквозняка подземки.

– Обе почки? – металлический голос из окошка регистратуры внезапно вывел ее из оцепенения.

– Что?

– Обе почки здоровы?

– Эээ... да. То есть не совсем. Всё указано в карте.

Отвечать, каждый раз с трудом разлепляя онемевшие обветренные губы, было тяжело, и женщина отвернулась, отрешенно скользя глазами по спасительной стенке.

«Алекс + Саша = вместе навеке», – сообщил Яре грязно-оранжевый кирпич из-под осыпавшегося куска штукатурки.

– На чьем именно, интересно?

– Простите?

Она не заметила, что сказала это вслух. Привычка исправлять ошибки осталась с тех пор, как мама её учила находить их в бесконечном потоке статей, новостей, фильмов и роликов. Ещё до информационной блокады. «Образование, – любила она повторять, – давно никому не нужно». – «Тогда зачем оно мне?» – спрашивала Яра. «Чтобы лучше соображать, – с сомнением в голосе отвечала мама. – Наверное».

– Вы что-то сказали?

Резкий звук бесполого голоса вывел ее из состояния оцепенения.

– Сколько я смогу получить?

– Судя по состоянию ваших внутренних органов, можем предложить не более 30 минут полного пакета.

– А если взять эконоом?

– Два часа. Сюда включены горячий обед, чистая постель, просмотр телевизионной программы на выбор.

– Программы какого века?

– Двадцать первого.

Яру передернуло.

– Скажите, – просипела она, – а полный пакет правда соответствует описанию?

– Абсолютно! – проскрежетал голос за окошком.

Яра подняла глаза к роскошному неоновому объявлению над ним.

«Фирма ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ. Принимаем функционирующие органы. Только у нас целый час полноценной жизни за здоровый организм до 30 лет! Не упустите свой шанс комфортной утилизации!!! Лицензия №...»

В глазах резко потемнело. Отшатнувшись, она чуть не упала на стоявшего за ней безглазого мужчину лет сорока.

– Не сомневайся, – попытался подмигнуть он всеми лицевыми мышцами. – Если бы я только мог. Но не берут. Растратился помаленьку.

В горле у собеседника забулькало что-то, похожее на смех. Жуткий оскал беззубого рта показался Яре бездной, в которую падало её полуобморочное сознание.

Она прикрыла глаза.

Про полный пакет давно ходили легенды. «Горячая ванна, обед в ресторане на ваш выбор, прогулка в солнечном парке».

Яра помнила ощущение горячей воды на теле. Как-то раз, кажется на пятый день рождения, мама устроила ей подарок и облила настоящей теплой водой с мылом, приговаривая: «Ничего, проживем, у меня еще несколько пайков в запасе. Обменяю на питье. Проживем. Зато узнаешь, что значит помыться, а не просто вытереть грязь салфеткой. Ничего. Всё ещё будет». Голос её дрожал, и, хотя Яра тогда не совсем понимала, что значит это самое «всё», она, сочувствуя матери, желала этого всем своим детским сердцем...

Про обед в ресторане каждый фантазировал сам, исходя из собственного опыта и чужих рассказов. В представлении Яры это было похоже на пластиковый пакет с восхитительным запахом, который она видела однажды в руках у дочери полицейского на соседней ветке. Поговаривали, что семьям полицейских выдавали несколько таких в год на семью «прямо с поверхности».

Но вот солнечный парк... воздух поверхности и деревья... понятно, что никто из счастливых безумцев, воспользовавшихся полным пакетом, не вернулся рассказать о том, каково это... «Ты обязательно выберешься насовсем, – говорила ей мама. – Обязательно, ты у меня

способная. Заработаешь много бонусов и поднимешься. И у тебя будет совсем другая жизнь. Не вздумай идти к этим мошенникам. Час – это так мало. Только подумай, что эти мерзавцы будут жить почти бесконечно, а тебя не станет». И Яра верила и даже не думала, не пойми зачем начищая стены подземки и всю жизнь фантазируя об ощущении открытого неба над головой, тёплых лучей солнца на коже и тени деревьев,

«Не вздумай, не вздумай, не вздумай...»

– 15 минут? – переспросила Яра.

– Да.

– Согласна.

«Не вздумай, не вздумай, не вздумай!!!»

– Приложите палец к этому слоту. Номер 35 66 78 12. Возраст 28 лет. Идентификация подтверждена. Медицинские данные подтверждены. Согласие на использование тканей и органов получено. Поздравляем! Счастливой полноценной жизни!

Окошко закрылось, со скрежетом открылась дверь, пропуская Яру к загудевшему эскалатору.

Она ступила на него и поехала наверх, на поверхность. К солнцу.

Просто так

Петр Андреевич не ел мясного уже несколько дней. Снабжение неликвидными хот-догами из ларька за углом прекратилось неожиданно и резко, и, что было самым обидным, по инициативе самого Петра Андреевича.

Всё было прекрасно еще пару недель назад, когда выпечкой торговала Лариса, спокойная породная женщина лет шестидесяти, навевавшая ностальгические мысли о фотографиях советских продавщиц из вожделенной книги «О вкусной и здоровой пище».

Тогда, по неоговоренной, но свято соблюдаемой обеими сторонами традиции, ровно в 22.00 Петр Андреевич подходил к квадратному окошку с желтой надписью «Закрыто» на белой картонке, приставленной к заляпанному маслянистыми пятнами стеклу, и деликатно покашливал три раза.

В ответ на условный сигнал окошко приоткрывалось со скрипом ставень избушки Бабы-Яги и оттуда доносилось мелодичное:

– Добрый вечер, Петр Андреевич!

– Гутен абенд, дражайшая Лариса Ильинишна! – зачем-то пристукивая одной пяткой о другую, чеканил бравый посетитель. – Как ваше драгоценное? Выглядите просто чудесно! Эх, был бы я помоложе...

– Спасибо, не жалуемся, – отвечала продавщица, отирая тыльной стороной ладони пот с усталого добродушного лица. – Как сами-то, не мерзнете?

– Кхе, нас, гусаров, холод не берет! Мы ишо ого-го! – подмигивал Петр Андреевич, но, заметив предательское дребезжание голоса, снова деликатно покашливал и, поправляя вполне ещё сносного вида синюю ветровку с броской надписью «Abbidas» на груди, деловито осведомлялся: – Ну, что там у нас сегодня?

– Вот... – теплая рука с шершавой ладонью протягивала небольшой черный пакет, – осталось со вчера.

– Данке шон!

– И ещё...

– А? – с готовностью отзывался отошедший на традиционные пару шагов старик. – Забыли чего?

– Тут есть немного недоеденных, собачкам, – непонятно почему розовея от смущения, мямлила Лариса, – может вы...

– Собачкам? – на секунду задумывался Петр Андреевич. – Отчего ж собачкам? Чем пропадать-то... давайте, унесу, чай не слабосильный!

После передачи очередного пакета и обмена любезностями Петр Андреевич полубравой походкой заходил в подъезд, опускал плечи и медленно поднимался на второй этаж к обитой дерматином двери под номером 11.

– Ну что, вот я и пришел, – кряхтел он, глядя на понуро висевшие в коридоре оленьи рога. – Вот, значит, с добычей.

Продолжая по давней привычке вести диалог с каким-то только ему ведомым собеседником, он обычно проходил в комнату, доставал с нижней полки пыльного чешского серванта 15-й томик собрания сочинений Владимира Ильича, заботливо спрятанный на втором ряду среди таких же ладных собратьев аккурат за потрепанным «Декамероном», и пересчитывал свои сбережения. Все 50 с гаком тысяч, отложенные на похороны.

– 41, 42, 43... – шевелил он губами под мерное тиканье стоящих на серванте часов, – 50, 51, 52! – самодовольно провозглашал Петр Андреевич, когда ему удавалось добавить к своему счету 1–2 тысячи с пенсии.

– Что, съела? – радостно похлопывая себя по бедру, говорил он стоявшей у часов маленькой желтой фарфоровой белочке с орехами в лапках. – То-то же. Мы тоже запастись могём.

После чая со слегка зачерствевшими остатками хот-догов Петр Андреевич ложился не спать до утра, о чем-то ворочаясь на диване и представляя себе суету последующего дня с утренним походом в поликлинику, всё более тягостными гигиеническими процедурами, магазинными

дрызгами у кассы «Пятерочки», оплатой счетов, придуманных для «этих самых олигархов» и просмотром передач на старом цветном «Рубине».

Всё было как всегда.

До того самого злополучного вечера, когда в ответ на три негромких «кхм» заветное окошко даже не подумало приоткрыться.

– Кхе-кхе, – чуть громче повторил Петр Андреевич, уже начиная беспокоиться. – Лариса Ильинична!

Ответа не последовало, и мужчина робко придвинулся поближе к замызанному стеклу, намереваясь постучать, как вдруг окно с треском распахнулось само, движимое тонкой рукой с неестественно длинными коричневыми ногтями, на кончиках которых красовались желтые стразы и причудливые узоры.

– Ты, что ли, Петька будешь?

Петр Андреевич настолько опешил, загипнотизированный созерцанием невиданных ногтей, что не сразу понял, кому был адресован голос.

– Оглох, что ль? Вот пакет, Лара говорила, что заявишься, велела передать, держи.

Петр побледнел. Выдохнул. Глубоко вдохнул. Покраснел. Зачем-то ощупал выпуклую надпись с китайским логотипом на ветровке.

«Петька!»

– Во-первых, настоятельно попрошу мне не тыкать, – медленно начал он. Боль, неожиданность, стыд и гнев вызывали давно забытое ощущение прилива крови к лицу и покалывания в пальцах. – Во-вторых, я вам не Петька, а Петр Андреевич. В-третьих, – продолжил он, с радостным удивлением отмечая отсутствие тремора в голосе, – вы...

– Ишь ты, гордый какой! – прервал его монолог визгливый окрик. – Не тыкай ему. Обьедки таскать мы не гордые, а тыкать нам нельзя. Рвань чертова! А не пойти ли ТЕБЕ...

– Дура! – неожиданно для самого себя выкрикнул Петр Андреевич прямо в холеное злое лицо новой продавщицы, высунувшееся в запале прямо в окошко. – Дура малолетняя! Не нужны мне твои подачки!!!

Он выпрямился, отвернулся и быстро зашагал к подъезду.

Крики за его спиной резко стихли после слова «малолетняя», поскольку сорокалетней сменщице приболевшей Ларисы Ильиничны пришлось отвлечься на разглядывание своего отражения в мутное стекло.

Забежав на второй этаж, Петр Андреевич дрожащими от напряжения руками открыл замок, забежал на кухню, вытащил из буфета початую бутылку «Столичной» и залпом отпил несколько глотков.

– Петька... ты что ли... заявишься, – бормотал он... – Дрянь, тварь, сучка малолетняя, – продолжил он уже в комнате, обращаясь к белочке,

протягивающей ему фарфоровый орех, – меня, ветерана труда... Все вы, бабы, суки, твари продажные, все вы...

Подбежав к серванту, он схватил белочку трясущимися пальцами, подбежал к окну и примерился швырнуть статуэтку в открытую форточку. С улицы донесся звонкий женский смех. Рука замерла в воздухе. Петр Андреевич сник, безвольно упал на стоящий у окна продавленный диван и беззвучно затрясся от плача без слез.

Вот уже несколько дней он не ходил мимо злополучного ларька, мужественно откладывая дежурные пару тысяч и сидя на гречке с молоком и яичнице.

А сегодня в очереди в «Пятерочке» какая-то миловидная девушка лет двадцати пяти как-то очень вежливо и тепло, без высокомерно-уничижительного слова «дедушка» сказала ему на кассе: «Проходите вперед, пожалуйста, у меня только вода». И улыбнулась.

Окрыленный, он позабыл об обиде последних двух недель и о новом маршруте к дому, мимо ларечка с выпечкой.

Очнулся он уже почти около подъезда, когда ненавистный визгливый голос кинул ему вслед:

– Дорогу его величеству Петру Андреевичу! Их величество направляются в ихнюю резиденцию, трапезничать объедками!

Мужчина на мгновение застыл. Затем он спокойно зашел в подъезд, поднялся в квартиру, подошел к серванту. Отодвинув в сторону стекло со следами пальцев, он непривычно резким движением отшвырнул видавшего виды Бокаччо на диван, вытащил томик Ленина, вынул из него аккуратную пачку тысячерублевки и, зажав их в руке, твердо посмотрел водруженной на свое прежнее место белке прямо в глаза.

– Я ей покажу, – зловеще пообещал он в ошалевшую от недоумения мордочку и, не говоря больше ни слова, выбежал из квартиры, победоносно хлопнув дверью.

Прошмыгнув мимо ларька, он быстрым шагом дошел до остановки, откуда поехал в один из торговых центров их небольшого городка. Здесь, с трепетом представляя себя Золушкой древнейшей профессии из какого-то полузабытого голливудского фильма, Петр Андреевич спустил тридцать тысяч на относительно приличный костюм, пару рубашек, услуги парикмахера и чувство глубокого удовлетворения при общении с услужливыми консультантами и наблюдении своего отражения в зеркале. Этот импозантный пожилой мужчина ему определенно нравился.

– Облизали с ног до головы, – удовлетворенно сообщил он невидимому собеседнику на выходе из торгового центра. – Сейчас поглядим.

Вызвав такси, он устроился на заднем сидении и, небрежно бросив водителю: «К гастроному на Ленина», – незаметно вынул из кармана брюк и пересчитал свои сбережения.

В гастрономе взял тележку и стал беспечно скользить с ней по рядам: копченые сыры, колбасы, красная икра, овощи, фрукты, включая ненавистный по вкусу ананас и неизвестный доселе авокадо.

Проезжая мимо стеллажей со спиртными напитками, Петр Андреевич потянулся было к привычной «Столичной», но потом, передумав, загрузил в тележку коробочку виски. «Джамесон» – без особого труда прочитал он на упаковке и хмыкнул:

– Джеймс, значит. Вот с тобой и выпьем.

Подойдя к кассе в каком-то шальном внутреннем джазовом ритме, он беспечно оставил на ней еще десятку, и, с оставшимися двенадцатью в кармане костюмных брюк, выполз на улицу, с трудом волоча тяжеленный пакет.

– Сейчас увидим, – с радостной местью в обезумевшем взгляде бормотал он, почти преодолев расстояние до заветной будки с выпечкой, – сейчас поглядим, кто из нас рвань!

Звук чьего-то безутешного воя заставил его бросить пакет за ларьком и остановиться. С опаской обойдя его и заглядывая в окошко, Петр Андреевич увидел заклятую продавщицу, размазывающую косметику по лицу и ревущую, как домашняя кошка, запертая в квартире во время всеобщих мартовский гуляний.

– Что случилось? – осторожно трогая заклятого врага за рукав, спросил гений мести.

– Ук-краааалии! – завывла продавщица, вцепившись в руку Петру Андреевичу диковинными ногтями. – Всю сегодняшнюю выручку сперли, сволочи, чтоб вам сдоооохнуть, – завывла она в окно, глядя перед собой невидящими глазами. – Отвернулась на секунду, чтобы слоенки с печки достать, а тут ни их, ни денееееег, убежали... а мне... что мне д-делать, с чего от-ик-давать, с чего?

– Сколько?

– Две-две-надцать тысяч, – между всхлипами сообщил бывший заклятый враг, – а у меня еще кредит на телефо-о-ооон, и детям в школуууу...

– Как звать? – строго поинтересовался Петр Андреевич.

– Л-л-Лараааа.

«Тоже Лара, значит», – хмыкнул Петр про себя.

– Дура ты, Лара, – ласково сказал он, просовывая ей деньги через пункт выдачи.

Продавщица замерла. Испуганно уставившись на деньги темными от потекшей туши очками глаз, она все-таки схватила их, пересчитала, прижала к себе и зачем-то понюхала.

– Но... ээээ... это... как? Зачем? Как это вы? Мне? А я отдать только через полгода, не раньше...

– Просто так, – устало ответил Петр Андреевич фразой из некогда любимого мультика. – И да, там у задней двери пакет с продуктами, детям отнеси...

– Спасибо, спасибо вам, я всё через полгода, не позже, спасибо... – глаза ее в процессе узнавания гонимой ею рвани стали похожи на два бумажных блюдца их тех, в которых она выдавала выпечку покупателям, – Петр Иванович...

70-летний пенсионер в приличного вида костюме уже устало шел к дому. Блестяще спланированный им стратегический демарш свернул куда-то не туда, злость улетучилась и осталась только какая-то усталая, опустошенная удовлетворенность.

– Простите меня, – донеслось в спину. Петр неопределенно махнул рукой и зашел в подъезд.

В квартире он привычно поприветствовал то ли задорно торчащие на противоположной стене оленьи рога, то ли своего невидимого собеседника и, подойдя вплотную к серванту, сказал:

– Дурак я старый. Опять мы с тобой банкроты. И не надо мне свои орехи протягивать... Вот, теперь и помереть вроде как не на что...

Отойдя к стулу у дивана, он начал неторопливо раздеваться. Снял пиджак и, недоуменно глядя на брюки, впервые за долгие годы затрясся в счастливом детском смехе:

– Хотя, – хихикал он, – брюки и спинжак с карманами у нас с тобой, не дай бог чего, имеются на этот случай...

Фарфоровая белочка на серванте улыбалась, протягивая хозяину неразменный орех.

КАК НАЗВАТЬ?

Весть о тебе ввергает меня в печальные раздумья. Бесконечные воспоминания тревожат меня, возвращают в прошлое. Какая-то неведомая сила, охватив все мое естество, кидает меня из стороны в сторону. Она то сотрясают тело, то окунает в кипяток, то в ледяной поток.

Ищу ответ на внезапно возникший в мыслях вопрос. Как назвать наши отношения, которые длятся столько времени? Как назвать то незабываемое тепло, ту искреннюю нежность? Что делать, когда жизнь, вопреки всему, толкает друг к другу двух людей, не имеющих права быть вместе? Какой выход, когда сердце, привыкшее к праведной жизни, не хочет слышать душу?

По бескрайнему океану плывет одинокая лодка. Сидящий в ней человек задумчиво смотрит вдаль. Он изредка счастливо улыбается. Освещающая душу мечта мешает увидеть надвигающуюся опасность. В мгновение ока начинается буран. Ветер со страшной силой заставляет биться о волны лодку, кидая ее, словно резиновый мяч, из стороны в сторону. Куда ни кинешь взгляд, всюду – вода. Человеку остается одно: встретиться с тем, что на роду написано. И все же, крепко ухватив края лодки, он не желает сдаваться шторму. Он противится стихии, лелея свою мечту. Через некоторое время буран стихает. Правильнее было бы вернуться назад, но у него и в мыслях такого нет. Влекомый мечтой, человек смотрит вперед. Он знает, что буран, несомненно, возобновится, знает также, что еще раз окажется между жизнью и смертью. Разум с душой ведут борьбу. Душу не отпускает мечта, которая ввергла ее в смятенье, разум един с сердцем. Хвост птицы счастья заблестел в середине океана. Человек стремится к нему. Стремится, несмотря на то, что это счастье – мгновенно.

Как назвать силу, которая не дает ему жить свободно на Земле, как многие люди, не подвергая себя опасности? Силу, которая кинула его в океан?! Почему он предпочитает длинной, спокойной жизни мимолетное счастье? Эти думы не дают мне покоя. Вспоминаю все свои жизненные пути. Сколько б ни было радостей и надежд, я ни на что не готова променять наши отношения.

Ни густой туман, ни сильный ливень, ни ласкающее душу закатное солнце, ни ясный месяц, озаряющий радостью сердце, ни горе, вгоняющее людей в уныние, ничто не в силах заставить меня отказаться от отношений, с которыми я живу по сей день.

Как это назвать?

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК В МОЕЙ ЖИЗНИ

Осенний вечер. Под шум моросящего дождя, не спеша, иду домой. По привычке, выработанной годами, беседую со своим невидимым попутчиком. Поведав ему о том, как прошел сегодняшний день, прилоняюсь к его плечу и спрашиваю:

– А ты сегодня как?

Он печально улыбается, прикасается губами к моей щеке и отвечает:

– Кареглазка моя, давай лучше забредем в воспоминания.

Я была не прочь окунуться в приятные воспоминания, но, заметив печаль в его глазах, недоуменно спрашиваю:

– Что с тобой? Почему у тебя уставший вид?

– Да ничего, – слегка улыбается, – пошли в воспоминания.

– Ну, пошли, – беру его трепетно за руку.

Предзакатное яркое солнце ласково смотрит на нас. Закончив свою дневную работу, оно ослабляет лучи. Дует приятный легкий ветерок. От свежего воздуха немного кружится голова. Держась за руки, бродим по лугу, богато усыпанному цветами. Сегодняшний вечер настолько приятен, что даже тем, кто не родился поэтом, хочется слагать стихи. От любви попутчика, я становлюсь сильнее, готова свернуть горы. Мне кажется, что на свете нет счастливее меня. Мы даже без слов понимаем друг друга. Останавливаемся то и дело, лаская взглядом друг друга.

– Скажи, – заглядывая в глаза, спрашивает он, – с чего начинается счастье?

– С тебя, – отвечаю я, – конечно, с тебя, несомненно, с тебя!

– Я не шучу.

– И я не шучу! Начало моего счастья – это ты, знай об этом – ты!

Мы оба смеемся. Держась за руки, бесконечно счастливые, идем мимо луговых цветов. Я выбираюсь из воспоминаний с вопросом:

– Почему грустишь? Меня очень волнует твой печальный взгляд!

Оставив мой вопрос без ответа, он удаляется.

Я у своего дома. В надежде услышать ответ, на миг задерживаюсь во дворе. Захожу в дом. Есть не хочется. Отодвигаю ужин и иду стелить себе постель. Лежу, страдая бессонницей. Он подходит к кровати, гладит меня по голове:

– Спокойной ночи...

– И тебе, – отвечаю тихо, стараясь не показывать слез.

Измученная кошмарными снами, встречаю рассвет. Утром не слышу его привычного приветствия. Подавив в себе беспокойство, иду на работу, но опять он, как обычно, не встречает меня.

Что случилось? Где ты? Попутчик, который бесшумно был рядом в течение пятнадцати лет, куда же ты исчез? У кого об этом спросить?

Я в тревоге. Пытаюсь отвлечься, не получается. С трудом дотягиваю до обеда. Обедаю со всеми. Тихо, нехотя, отхлебывая чай, слышу краем уха: «Вы не слышали? В шахте – ужасная авария. Муж Светы в крайне тяжелом состоянии...».

Стакан выпадает из рук и разбивается вдребезги. «Светин муж, Светин муж...» – звучит в ушах. Это – ты, несомненно, ты! Я не слышу больше ничего. Кругом что-то продолжают говорить, кто-то собирает осколки... Кто-то принес воды... Вроде говорят о том, что надо вызвать врача...

– Не надо, – шепчу я дрожащими губами, – мне врач не нужен, я не больна.

Кто-то ласково прикасается к плечу. Это, конечно же, ты. Пытаешься меня утешить, но сам бледен, во взгляде – бесконечная печаль.

– Говорят, ты в тяжелом состоянии...

Не помня себя от горя, выбегаю на улицу. Глотнув свежего воздуха, чувствую небольшое облегчение. Кто-то бежит следом. Я бегу, он не отстает...

Куда я бегу? И куда надеюсь убежать? Внезапно останавливаюсь... Вытираю пот с лица. Прислоняюсь к стоящему рядом дереву и безудержно плачу. Кто-то подходит сзади и гладит меня по плечу. Это опять ты. Оборачиваюсь и кладу голову тебе на грудь. Дожидаешься, пока немного успокоюсь и спрашиваешь:

– Ты по-прежнему любишь меня?

Я киваю молча, а сердце кричит: «Люблю, люблю, люблю! Ты дороже всего на свете!!!»

...Тот, кого не сумело время вытеснить из памяти, тот, кого не видела пятнадцать лет, но кто ни на миг не покидал меня все эти пятнадцать лет, мое счастье, лежит весь забинтованный.

Я подхожу к нему и ласково здороваюсь. В его глазах отражаются голубые озера, луговые цветы, серое небо, яркое солнце.

Мне кажется, он, еле шевеля губами, спрашивает: «С чего начинается счастье?»

«Мое счастье начинается с тебя», – отвечаю ему глазами, роня горячие слезы на мягкую ладонь, что прикоснулась к моей руке...

Перевод с кабардинского Розы Агоевой

Джюльбер

Нет от мыслей горестных спасенья,
Не найти мне подходящих слов,
Трудно осознать в одно мгновенье
Крах надежных жизненных основ.

Всюду грохот оружейных залпов,
Настигает смерть из-за угла,
Как к тому привыкнуть, что внезапно
Ночью в дом влетает ветер Зла?

Как же нас, адыгов, в мире мало...
Кто с пути сбивает молодежь?
Вот уже привычным делом стало –
Ежедневно чьей-то смерти ждѣшь.

Выстрел совершить, конечно, просто...
На курок ружья нажать легко,
Только тень он на народ твой бросит –
В дружную семью внесѣт раскол.

И в кого попасть в тот миг, возможно,
Пуле абсолютно все равно,
Но убийце, осознав оплошность,
Ничего исправить не дано.

...Знала о тебе не понаслышке:
Рос, вырослел ты на глазах у нас,
Смертью, неожиданною слишком,
Жизнь твоя оборвалась сейчас.

Был всегда ты гордостью сограждан,
Люди за советом шли к тебе.
И считала молодѣжь наградой
То, что ты причастен к их судьбе.

«Ах, Джюльбер, Джюльбер», – твержу я имя...
В голове теснится мыслей рой:
Вот оставил мир ты ложный, мнимый,
И лежишь сейчас в земле сырой.

Ну а нас, не выразить словами,
Стала беспощадно жизнь хлестать.
Коль тебе подобных убивают,
Что же дальше от судьбы нам ждать?

Все идет к тому, что шаг за шагом
Род наш будет стерт с лица земли.
Все, что праотцы нам завещали –
Ценности культуры – канут в мглу!

Канул в мглу нежданно и сегодня
Наш защитник, лучший из сынов.
Может быть, среди нас сейчас свободно
Ходит твой убийца-пустослов.

Вот и солнце спряталось за тучи,
Словно разделяя нашу боль,
Полумесяц в мраке полуночи
Тщетно хочет вжиться в свою роль.

Враг твой не осмелился открыто
Выйти в поединок – равный бой.
«Боже! – я кричу надрывным криком, –
Пусть наказан будет он тобой!!!»

Нет от мыслей горестных спасенья,
Не найти мне подходящих слов,
Трудно осознать в одно мгновенье
Крах надежных жизненных основ!

Перевод Розы Агоевой

Остановитесь

Остановитесь, люди, умоляю!
Огонь войны не разгорался чтобы,
Вы слуха не склоняйте к негодяю,
В сердцах своих не взращивайте злобы.

О люди, я молю остановитесь!
Не сейте на земле любимой горе,

Кто руки обагрил в крови – не витязь,
Убийца он, и дни его в позоре.

Остановитесь, я молю вас, люди!
Держите руки дальше от оружия,
Не предавайте жизнь в кровавом блюде,
Зверей в своём обличье обнаружа.

Остановитесь – силою заклатья
Пусть до краёв нальётся это слово!
Вражду гоните прочь, миритесь, братья,
За мирный труд беритесь вместе снова.

Остановитесь! Нет – братоубийству!
Не месть в чести, пришла пора прощенья.
Дорогу преградите шовинисту,
Что завывает, зубы в злобе щеря.

Остановитесь, люди, к вам взываю!
Детей своих, прошу, не сиротите,
Не приближайтесь к огненному краю –
И матерей несчастных пощадите!

Перевод Георгия Яропольского

Думы о матери

С мыслями о жизни мать дитя качает.
В комнате мерцает приглушенный свет.
Колыбельной песни слышится начало...
Как сумеет кровинку оградить от бед?

Хоть её ласкает нежною голубкой,
У неё при этом затуманен взгляд...
За судьбу ребёнка горестно и гулко
В беспокойстве вечном сердце бьёт набат:

Подлость и жестокость расставляют сети,
Братья, став врагами, проливают кровь...
Нормой жизни стало ожиданье смерти,
На курок нажал и... приговор готов...

Для чего же нужно на земле оружие,
Оборвать способное жизни в краткий миг
И что всё святое в одночасье рушит,
То, что в ад крошечный превращает мир?!

Воедино слившись, не стихает ропот
И в святой тревоге за своих детей:
«Нет!» – летит по свету громогласный рокот –
Это – вопль протеста женщин-матерей!

– Мы, лишь мы в ответе за родную гавань,
За покой душевный всех, живущих в ней!
Землю не позволим спрятать в белый саван,
Скажем «нет» оружию, крикнем «нет» войне!!!

...Нежно прикоснулась к сыну мать губами,
Снова поглядела на него, любя...
– Да храним же будет край наш небесами,
К миру мы стремились, милое дитя,

В сердце страх сегодня, и по воле рока
Льётся кровь бездумно, хаос впереди...
Боже милосердный, дай же нам пророка –
Только он способен к Свету нас вести!

1992 г.

Мама

Часто слышу «золотая мама»,
Но с тобой сравнится ли металл?!
Ты сравнима лишь с сердечным храмом,
В жизни ты начало всех начал!

Слышу отзвук колыбельной песни,
Хоть и стала мамой я давно...
Не служить добру могу ль я, если
Было так в семье заведено?

Выдержишь с Землею ты сравненье –
Много раз рожала ей под стать.

Может стать опорой вне сомнений
Миру, даже только слово – мать!

...Глажу на лице твоём морщины,
Преклоняюсь, мама, пред тобой!
Пусть покинут жизнь твою кручины
И хранима будешь ты судьбой!

1980 г.

Кто виноват?

Когда попал ты в рабство страсти,
И хочешь всё вернуть назад,
Но вдруг услышишь вместо «здравствуй»
«Прощай», кто в этом виноват?

Когда в распахнутое сердце
Летит напраслиной снаряд,
И правит миром лицедейство,
Скажите, кто в том виноват?

Когда живое рвут на части,
Войной идёт на брата брат,
Когда от бед разбито счастье,
Скажите, кто в том виноват?

Мы все виновны понемногу
Во всех страданиях своих:
К первоисточнику дорогу
Забыли в суете на миг.

Теперь спастись мечтаем бегством,
Но убежать ли от себя?
...В раздумьях топчемся на месте,
Во всём судьбу виним скорбя...

Перевод Розы Агоевой

Александра ГИРЕНКО

Она

Жила-была... Да полноте вам – жила.
Была ли она – смешная, с бантом в косе?
Никак не вспомнить маленького села...
На юге, западе, в средней ли полосе.
Она была намного умней меня,
Она мечтать умела ночь напролет,

Она не знала: все на земле кляня,
Я буду иступленно искать ее.
И не найду – как счастье свое, как смех,
Как самое простое – уметь дышать.
Она жила в селе, на виду у всех,
Она была распахнута, как душа.
А я от всех скрываю свое лицо,
Я не умею плакать, когда болит.
Она рассвет поила из рук росой,
А я тону в болоте своих обид.
Она, та девочка, лучшая часть меня –
Не заплетет в косички витую медь,
Не соберет полынь на исходе дня,
Не станет ночью рядом с луной сидеть.
Она... Я снова бредить о ней взялась.
Смешно, ведь правда? Глупо... Нехорошо.
Но слишком больно, чувствуя эту связь,
При жизни разрывать со своей душой.

Я не умру

Лампа. Словарь. Пирамида из книг.
Стопка тетрадей. Рабочая полночь.
Время летит, как стремительный миг,
Я забываю... А ты и не помнишь.

Дни утекают сквозь пальцы... Поверь,
Думать о деле – полезное дело.
Нет, не надейся, стареющий зверь,
Я не умру. Прوماхнулся, Акела!

Шорохи, шепоты, шерстка и лапки...

Шорохи, шепоты, шерстка и лапки...
Полночь крадется бесшумно и мягко.

Лунной ладьей подплывает к порогу,
Властно на весла сажает тревогу,

Кутает плечи в безумные речи,
Нежной ладонью калечит и лечит,

Тысячей скрипок врывается в душу,
Чтобы рыдания жадно подслушать,

Чтобы смести паутину с тетради,
Шелковым шепотом сердце погладить,

Бабочек стайку пустить на страницы
И над восторгом моим веселиться,

Пересыпать мои строчки лавандой,
Тихо гасить мой ночник прикроватный,

Снами ванильными смежить ресницы
И неизвестно, когда возвратиться.

Юнга

Не грусти, я придумаю что-то,
Сочиню, как мне жить без тебя,
Я забудусь в делах и заботах,
Становясь у руля корабля,

Что плывет в неизвестные страны,
Невзирая на холод и зной...
Знаешь, здорово быть капитаном,
Только капельку жаль – не с тобой

Я заполню все белые пятна,
Написав, что чудовищ там нет,
И составлю подробную карту
Всех земель, где встречала рассвет,

Всех морей и опаснейших джунглей...
Только знаешь, скажу не тая:
Я бы с радостью стала и юнгой
На борту твоего корабля.

Ты

Папе

Ты пришел ко мне странно,
Ты пришел ко мне прежним,
Ты принёс своё сердце
В мой предутренний сон.
Ты пришел из тумана,
Ты был добрым и нежным,
Ты был кем-то из детства
Или давних времён.

Ты рассказывал сказки,
Рисовал мне зверушек,
Брал к себе на колени
И читал мне стихи,
Ты был мудр и ласков,
Слышал шепот ракушек,
Отгонял привидений
И прощал мне грехи.

А потом было утро –
Без тебя, как и прежде.
Я зарылась в подушку,
Вспоминая свой сон.
Ты был сильным и мудрым,
Ты был добрым и нежным,
Ты шептал мне на ушко
Сказки давних времён.

Я нарисую крики птиц

Я нарисую крики птиц,
Услышу легкий взмах ресниц,
Почую запах чьей-то тени.
Я раскопаю древний клад,
Как было много лет назад,
Я молча встану на колени.
Я буду слушать тишину,
Я буду верить одному –
Тому, чему никто не верит,
Я буду петь для тех, кто глух,
Я расколдую всех старух
И превращу их в дивных пери.
Ко мне вернется блудный дар,
Моя надежда, мой кошмар,
С которым в жизнь глядишь, как в воду.
Я заведу себе тетрадь,
Я снова вспомню, как писать,
Я вновь верну себе свободу.

Кот и немножко грустно

А дождь щекочет глаз и сопливит нос,
И лезет мокрым пальцем за воротник...
Я помню, ты касался моих волос –
А может, я и это взяла из книг?

А там, в траве мой друг под дождем промок –
Носил бы свитер, был бы до нитки сыр,
А так как кот и свитер достать не смог,
То до шерстинки – белой, как козий сыр.

И он реален – мокрый, голодный, злой,
Ведь я сама кормила его с руки.
А ты – обман, ладонь обожжешь золой,
И будут вновь шаги, будто снег, легки.

Придет зима – навскидку не отличу,
Где снег, а где сидит мой бродячий друг...
Да ты не злись, я просто теперь молчу,
Чтоб что-нибудь внутри не разбилось вдруг.

А хочешь, я уйду?

А хочешь, я уйду? Куда? Совсем не важно...
Подальше от тебя и сложностей игры.
Все будет хорошо. И может быть, не страшно,
Что ты отверг мои беспечные дары.

Спокойнее – ведь так? – без рыжего безумья,
Что вторглось, не спросив, в тишайший храм души,
Смятенья и стихов, таинственно-бездумных –
Теперь, когда уйду – свободнее дыши.

И вновь придет покой – забытое блаженство,
И тишь библиотек наполнит светлый храм.
Твой рыжий демон был далек от совершенства,
Не жаль, что он ушел к рассветам и кострам.

Зима

Сияет серебро оправой зимней ночи,
Агатовым кольцом на пальце декабря.
Крылатая метель бессонницу пророчит,
Сорвав очередной листок календаря.

Владычица... Зима... Неспящих чувств колдунья,
В который раз ты мне приносишь лед тоски
И толику – увы! – недолгого безумья,
Заковывая кровь в горячие тиски.

Сегодняшняя ночь – лишь гладкий черный камень
В агатовом кольце монарха-декабря.
Мне вновь не даст заснуть встревоженная память,
Танцую на снегу при свете фонаря.

Евгений ЛИСТОПАДОВ

ДЮЙМОВОЧКА

Вася стоял в центре небольшой поляны, окруженной со всех сторон высокими шумными березами.

Прошла весна, уж лето наступает. Лесная поляна укрылась разноцветьем цветов и зеленью сочных трав. Ароматы витают в воздухе. Пташки, зайчики и лисички, бабочки, кузнечики, стрекозы и другие животные и насекомые прыгают, летают, бегают, громко поют, тихо попискивают и стрекочут.

Очень приятно! Светло и радостно. Так и хочется обнять бы кого да поцеловать громко, крепко и смачно!

Цветы полевые они яркие, но не крупные. А этот выделяется семяцветием и размером широких лепестков.

Тихо вокруг. Природа в ожидании утреннего дыхания ветерка замерла. А этот шевелится. Шмель, наверное, нектар добывает либо медоносная пчелка трудится. Опустился Вася на корточки, присматриваясь. Вот чудеса! Такого в жизни не бывает. Это только в сказках по случаю происходит. Маленькая, меньше указательного детского пальчика. Дюймовочка. В белоснежной шубейке. На головке шапка розового цвета, а сапожки – алого. Стоит в центре цветка, держась правой рукой за пестик, а левой в пуховой варежке призывно помахивает.

«Еще ниже нагнись, я тебе что-то важное и приятное скажу-сообщу. Ты возьми меня с собой. Не пожалеешь. Да ты не думай, что я такой была и останусь. Нет. Меня в одном НИИ, в секретной лаборатории обратили и сунули в пробирку. Они форточку забыли затворить, кто-то вентиляцию включил, меня сквозняком и выдуло. Да уж не беда. Это теперь ты – счастье моё! Я – твоё! Ну как? Возьмешь меня? Бери-бери, не пожалеешь». Тонким и ласковым голоском просит его Дюймовочка.

Вася, он лесничий. У него срубленный домик на краю поляны, он его наследовал от батюшки с матушкой, вместе с участком государственного леса с его дикими обитателями, с которыми у него добрые взаимоотношения, как, впрочем, с жителями окрестных селений тоже.

Вася аккуратно и бережно достал платочек. Так на высоком стебельке и принес Дюймовочку домой.

Допоздна они пели да плясали. Вася аккомпанировал на дудочке за столом, а Дюймовочка на столе пела и плясала. Она даже подросла на несколько сантиметров. Угомонились к полночи. Вася на деревянной

кровати крепко заснул, а Дюймовочка на одном из лепестков цветка липы прилегла, накрывшись другим лепестком и подложив под голову мягкий пуховый комочек.

Вася проснулся поутру от яркого солнечного света, звучной радости и неудержимой любви. Стол покрыт цветной скатертью, а на столе пироги, пирожки его любимые, с капустой и картошкой. Блинов горка, салаты из овощей, заправленных сметаной. Варенье из разных фруктов в хрустальных розеточках. Каравай пышный с румяной корочкой и другие разные блюда. А самовар пыхтит и призывно манит золотистыми бликами на боках. И девица-краса, золотистая коса, щеки румяные, губы алые, глаза голубые, брови темные полумесяцем, ресницы с загибом, призывно помахивают – садись к столу, добрый молодец, не гостем, а хозяином будешь.

Стали они – Вася и Таня – жить да поживать в любви и согласии.

У них родились два сыночка да лапочка дочка.

Ванька уже полковник. Ближний и дальний космос осваивает.

Сережа – профессор, в области биологии и генетики. Маруся мечтает всех обиженных, униженных, оскорбленных и страждущих приютить, обогреть, одеть, обуть, накормить, обласкать. Кто споткнулся, упал – поднять, утешить. В общем, она создатель и вдохновитель всемирной организации спасения на земле, воде и на небесах.

А Вася с Таней ещё молоды, красивы, полные сил и здоровья. И любят друг друга по-прежнему – ну очень сильно!

ПИКОВАЯ ДАМА

В Советском Союзе между фабрично-заводскими предприятиями была широкая взаимовыгодная кооперация. Например – швейная фабрика в Нальчике выполняет заказ по пошиву обмундирования для армии, авиации и флота. Бижутерию же – пуговицы, петлицы, кокарды, звездочки для лейтенантов, звезды побольше полковникам, генералам и адмиралам, – их штампуют и покрывают серебром и золотом в Душанбе, Полтаве, Ереване...

Случается, что не хватает этой самой бижутерии для выполнения заказа. Потерялась в карманах, завалилась. И тогда руководство предприятия отправляет в командировку снабженцев с наказом раздобыть недостающие для выполнения плана звезды, пуговицы и кокарды.

Такого рода ситуация возникает и на промышленных предприятиях, когда не хватает каких-либо комплектующих изделий, радиодеталей чаще всего. Снабженцы разбегаются по стране, а когда они не справляются, посылают в командировку деловых и энергичных инженерно-технических

работников. Вот так мы и столкнулись на проходной завода «Темп» с Виктором. Он прибыл из Нальчика добывать для завода СКЭП резисторы, а для «Телемеханики» транзисторы. В Ленинграде.

Только в голову с большим воображением или с изломом извилин могла заскочить придурковатая идея переименовать город-герой Ленинград. Нет, не в Петроград даже, в Санкт-Петербург! Понятно, царь Петр его так обозвал в благодарность за то, что немцы в Москве, в Кукуевской слободе, и прочие шведы научили его пить, курить, парики, штаны, камзолы носить и плотницкому делу обучали. И к плотскому приобщили. Он ихних фройляйн ощупывал и не только...

Шведы, они до сих пор помнят полтавское поражение. А у немцев память оказалась короче. Через пару столетий какая-то часть кукуевцев вернулась в Германию и вероломно напала на приютившую их некогда страну и, окружив злобной сворой Ленинград, уморила голодом больше миллиона мирных жителей, среди них немало детей и стариков.

Впрочем, однако, коренные жители города-героя Ленинграда как называли, так и называют свой великий и уважаемый всеми россиянами город почтительно ласково и коротко – Питер!

А мы с товарищем, в ожидании, когда нам выдадут необходимые радиодетали, посещаем музей и памятные места в окрестностях. В шалаше были, в котором Ленин с Мартовым скрывались от петроградских сыщиков. Помянули большевика и меньшевика. В лицее были, в котором Пушкин плохо учился.

Затем Виктор подтолкнул меня, а потом я его на пьедестал памятника Петру I, покрытый ледяной коркой. И мы подержались за хвост змеи. Есть такая примета в легендарном городе на Неве. Ночью, желательно на трезвую голову, дотянуться и подержаться за хвост змеи, что ползает между копытами могучего жеребца. И тогда смельчаку светит удача в жизни. Правда, мы эту традицию слегка нарушили. Поужинав в известном ресторане «Демьянова уха». Там в те годы подавали уху из стерляди и другие рыбные деликатесы, ставшие сегодня ну очень дорогими и большинству народа недоступными, да водочку «Петровскую» предлагали в запотевшем, старинного образца хрустальном штофе.

Само собой, в Эрмитаже пробежались по залам. В Казанском и Исаакиевском к чему-то даже смогли прикоснуться. На Мойке, в квартире, где после дуэли умер Александр Сергеевич, сохранилась окровавленная одежда, дуэльнeые пистолеты и много других вещей, которыми пользовался великий поэт.

На Невском проспекте на тумбе для объявлений, афиша сообщает: сегодня премьера оперы П. Чайковского «Пиковая дама». Дирижер Юрий Темирканов. Час до начала.

Мы бегом к оперному театру, надеясь как-то попасть на премьеру.

Ленинградцы – народ просвещенный, высокой культуры. Так что надеяться на то, что кто-либо передумает и предложит пару билетов, как это бывает в Москве у входа в Большой или Малый театры, – это вряд ли. А вдруг? И точно, у кассы никого, и окошко закрыто. До начала четверть часа и народ прибывает. И тут меня осенило!

Решительно стучу в закрытые дверцы кассы. Открывает, мило улыбаясь, дама преклонных лет. Они все там раньше, ленинградцы, были забавно доброжелательны. На вопросы – где, что, когда – доведут, покажут, расскажут.

– Бронь! – говорю. – Из обкома партии. На имя Романова Виктора Алексеевича. Два билета! Если не в ложу, так в партер!

– А кто это, Виктор Алексеевич? – продолжая мило улыбаться, осведомляется кассирша.

– Как кто? – уже возмутился я. – Дядя же! А он внучатый племянник. Ты внучатый? – Спрашиваю у ничего не понимающего и обалдевшего товарища.

– Давай! – говорю ему шипящими.

Он протягивает мне свое удостоверение, где крупно напечатано: Романов Виктор Алексеевич. И помельче: начальник АХО завода СКЭП и фотокарточка. А секретарь ленинградского обкома партии тоже Романов. Всей области командир!

– Одну минуточку! – чуть ли не радостно проворковала кассирша, прикрывая окошко, и удалилась. Через несколько минут, открыв окошко и все так же доброжелательно улыбаясь, протягивает два бумажных листика.

– Извините! В обкоме, надо полагать, запоматовали. Брони нет. Ну раз ОН ваш дядя! Вот вам две контрамарки на балкон. Это вас устроит!

Я было возмутился... Но тут внучатый племянник, уже войдя в роль, плечом двинув меня в сторону от окошка, расплескался в комплиментах.

– Очень благодарны! Я сегодня-завтра буду у дяди и расскажу ему о вашей любезности и попрошу не наказывать за эту оплошность кого-то из нерадивых своих помощников.

Мы ещё успели перед началом спектакля подойти к буфету и, позвав одну из официанток, вручили ей три червонца.

– На два с половиной накроешь нам столик на двоих, а пятерик тебе. Да не забудь поставить в центр стола флажок какой-либо европейской державы. Два, мол, дипломата желают коньячка с лимоном откусать, водочкой с икоркой или балычком побаловаться.

На спектакле во время музыкальных пауз и по окончании первого действия мы громче всех кричали «браво!». У Виктора – бас, у меня баритональный тенор.

В антракте, не спеша, проследовали в буфет. Зрители-мужики буквально ринулись наперегонки занимать очередь за пивом и бутербродами с колбасой, икрой, балыком и тешей.

Наша официантка с почтительным поклоном указала нам на сервированный столик.

Я довольно громко поблагодарил по-английски:

– Гуд!

Виктор тоже, похоже, по-немецки, пробормотал:

– Я! Я! Я!..

Премьера спектакля прошла с оглушительным успехом. Дирижера Юрия Темирканова зрители вызывали на «бис» несколько раз. Исполнителей главных ролей Германа с Лизаветой – тоже.

Выйдя из театра, я Виктору с явным сарказмом напомнил:

– Ты к дяде сегодня собрался? Не ходи! Поздновато уже. Лучше утром к завтраку. И меня с собой возьми. Мол, друг закадычный! Оруженосец как-бы...

Но он мне с возмущением:

– Ну и дурбалаи мы с тобой! А вдруг кассирша запомнила и записала нас, меня, и сообщит куда следует, а?

– Не сообщит. Она догадалась, что мы провинциальные балбесы, заскочившие в Ленинград по делам или ещё зачем. А то, что вы однофамильцы с членом политбюро и ЦК партии, первым секретарем ленинградского обкома, – это даже не удивительный факт. И это она усекла! И восприняла как юморной театрально-эстрадный номер. Да ты чего? Знаешь ли, сколько по стране этих Романовых, Сидоровых, Петровых, Ивановых? Да ты благодари судьбу за то, что с такой фамилией ты до революции не родился, а то бы шлепнули тебя красногвардейцы или матросы как родственника царя Николая. А кассирше надо бы презентик преподнести. Мы ещё и оперу «Богема» должны просмотреть, послушать в филармонии произведения великих русских композиторов в исполнении оркестра в сотню инструментов.

...Конец марта. Снег на тротуарах и дороге хлопает сырой ватой.

Грузины везут в картонных коробках и старых, обвязанных веревками чемоданах мимозы и подснежники. Прямо на перроне оптом их закупают по рублю деловитые старики и старушки и перепродают по три рубля в переходах метро и у входа в магазины, в кинотеатры и театры.

...Мы ей букетик мимоз, она нам два билета на оперу «Паяцы». А за подснежники – на «Богему» на следующий день. За две недели нашего пребывания в Ленинграде, в ожидании, когда отправят или выдадут дефицитные радиодетали, из-за которых могут конвейеры остановиться на двух передовых предприятиях Нальчика, мы приобрелись к великому искусству. Жили в старой гостинице недалеко от Театра миниатюр, и «дядя» нам на концерт Аркадия Райкина помог билеты достать, организовал отправку груза самолетом до Нальчика. И вовремя: потому что через пару дней сборка приборов на конвейерах могла остановиться, и поставка очень важных и нужных стране изделий срывалась.

У ВЕЧНОГО ПОРОГА

Глава из сценария

Он стоял перед ним в черном измятом и изрядно испачканном костюме, белая манишка с бабочкой истлели и рассыпались трухой по впалой груди. Брюки полосами струились по костлявым ногам. Но лакированные башмаки, несмотря на длинный и утомительный путь, а перед тем он изрядное время пролежал в гробу и в сырой земле, не утратили свой блеск и форму. Да и держался он таким бодрячком, как видно надеясь на вечное, беззаботное, сытое будущее.

Петр вертел на указательном пальце правой руки большой отполированный до золотистого блеска медный ключ. Не строго, а скорее пылливо всматриваясь в лицо вновь прибывшего клиента с горящим взором и крупными бороздами морщин на впалых щеках, с оскалом больших зубов и лысым желтоватым черепом, – заговорил.

– Ну давай! Признавайся. Почему в рай, а не в преисподнюю? Столько лет на земле прожил и не грешил, что ли?

– Да как не грешить, ваше сиятельство! – бормочет клиент, не зная, как ответить и как обратиться к этой, священного небось, сана персоне.

– Да ты не робей! – приятельским тоном говорит Святой Петр. – А зови меня просто Петр. А то – Петя! Я хотя и буду постарше тебя на пару тысячелетий, но... Надо считать, что мы с тобой ровесники. Потому как земная жизнь сравнимо к небесной один год к сотне, а кому и к двум сотням. Уразумел? Так что давай, перечисляй грехи свои: большие и маленькие, тяжкие и совсем мерзостные. Где про что утаишь, сбрехнёшь, я подскажу, поправлю.

Петр, мужик дородный. Босой. Басовитый. В широкой, подпоясанной скрученной из верблюжьей шерсти веревкой серой домотканой хламиде. Голова большая и кудлатая, борода и усы темные, с редкой проседью. Похоже, не часто мыты, стрижены, чесаны. Да и когда тут! Упокойники в одиночку и толпой! Увечные калеки, без рук, без ног, прямо с полей сражений, под барабанный бой, трубный звук, пушечный салют! Как на параде, строем маршируют. А ему надо определить кого куда, вверх, вниз. Победителей и побежденных.

Петр, продолжая расспрашивать у прибывшего путника про его путевую и непутевую жизнь и деяния земные, озвучивает и свои мысли.

– Все в рай норовят попасть! Их грехи не пушают, а они – нахально! Даже не веруя еще, или уже! Но с пакостной надеждой, что авось! Пролезет, прошмыгнет незаметно! Уговорит, объегорит. Но меня обмануть – себе во вред. А ты исповедайся давай. Всё про всё взвесим, какие твои поступки и дела куда потянут – туда и топай.

– Да вот маму... – бормочет клиент.

– Маму не тревожь! – строго обрывает его Петр. – Маму все обижают! Даже святые. А твоей маме и её маме здесь упокойно! Не голодно, не жарко, не холодно им. – Петр кивает головой на запертые ворота в Рай. – Далее глаголь. Падшим. Увечным. Обиженным и оскорбленным милостынню подавал? Сопереживал? Сочувствие оказывал? Утешал? Помогал словом и делом?

– А то как же! – пылко восклицает клиент. – Словом и делом... Кому что! Другим сколько надо, и на похмелье, да и так... На помин души... Рубль, два, три! К пожилым, старым людям с сочувствием и почтением, к своим и родным детям с любовью и лаской. А уж свою жену как любил! Да и чужую как свою!.. Один раз. Но я не виноват... Она сама... Ей надо. А муж алкаш! А до того и опосля – никого! Никак! Вроде бы...

– Путем праведным, стало быть, шагал по жизни, спотыкаясь, но не падая? – ввернул фразу Петр в пылкую и не очень вразумительную, но искреннюю речь клиента.

– Если нет, так да! – признался клиент и продолжал на высоком градусе свою речь, уже окончательно осмелев: – Когда как по ситуации и по обстоятельствам! Конечно, не подставляя ни левую, ни правую щеку. А сам дубасил по мордасам! Хамло! Дерьмо! И мразь всякую! Много её вокруг да около развелось! Потому как предстану перед господом нашим, справедливым и милосердным, буду просить и молить его нещадно, чтобы он меня хотя бы ненадолго да обратно возвратил! И чтобы тело и душа силу и дух имели. Уж я тогда!.. Потому как доподлинно помню и знаю, кому, чего, сколько, как и за что! Некоторых легонько упрекнуть, перед кем-то повиниться! А кому и в харю плюнуть, дать другому в морду. Потому как хамло! Взятчники и ворюги! А уж и эти!.. Бо-го-вер-цы! Одни головой об стену... другие стоя на коленях... Прости, господи! Пронеси и помилуй, господи! И убивают друг друга с именем бога и пеной кровавой на губах. Белые, черные, желтые, рыжие, голубые. Кому и зачем? Для кого и чего? Ай-я-я-й! Срамота какая! Ох, как надо! Край надо! Прикрыть планету нашу в грехе погрязшую. Очистить ее от скверны и пакости вредной да заново и открыть для всякой твари по паре! Любви обильной и богу послушной.

Слушает Петр.

– Ты, Петя, допусти меня к самому! А то укажи дорогу к нему. А я уж разъясню, что да как!

– Ага! Делов у него более важных нема, как тебя выслушивать да потакать твоим бредливым мечтаниям да фантазиям. Он и без тебя всё и про всех ведает. Но он нынче высоко и далеко. И очень высоко. С недовесом у тебя грехов, заходи уж.

Петр вставляет ключ в замочную скважину. Дверь с легким скрипом открывается настолько, чтобы клиенту только боком протиснуться. Петр легонько толкает его в спину. Тот заходит и...

– Ну ты, Петя, даешь! – в изумлении восклицает клиент.

*Александр ПРЯЖНИКОВ,
действительный член Академии наук,
культуры, образования и бизнеса Кавказа*

ИСТОРИЯ НАРОДОВ КAVKAZA В ПОЭЗИИ: ОПЫТ ПЕРЕВОДА

История народов Кавказа на протяжении трех веков связана с историей развития Империи, вследствие чего она переполнена трагическим содержанием. К сожалению, на распространение достоверной информации о большинстве событий, порожденных российской экспансией на Юг, было наложено негласное табу, и она долгое время оставалась недоступной широкой публике. Положение усугублялось и достаточно странным «заговором молчания», поразившим русскую литературу в середине XIX века. В конце концов, одно из самых масштабных бедствий, разыгравшихся на Кавказе в 60-е годы позапрошлого столетия, я имею в виду насильственную депортацию коренного населения, осталось незамеченным современниками.

Как известно, история не терпит сослагательного наклонения, но мне думается, сама судьба ополчилась тогда против изгнанников за веру или мухаджиров, как принято их называть. Один за другим ушли из жизни великие русские поэты и писатели, пытавшиеся познать и понять Кавказ и его обитателей. В 1837 году не стало Пушкина и Бестужева-Марлинского, в 1841 году погиб Лермонтов. И накануне трагедии, зимой 1861 года, всего 47 лет от роду умер величайший гений славянского мира Тарас Шевченко, единственный из поэтов Российской империи, открыто объявивший войну на Кавказе преступлением.

Вот почему столь ценной для нас сегодня является поэма чешского поэта Святоплука Чеха «Черкес», которую мне довелось перевести на русский язык.

Святоплук Чех приехал в Россию в 1874 году, активно занимаясь журналистикой. Он посетил западный Кавказ и окрестности Новороссийска, где по сей день живут потомки переселенцев из Чехии. Он влюбился в нашу южную природу и в нашу поэзию, поскольку во время путешествия усиленно занимался изучением русского языка. Лермонтов и Пушкин стали его кумирами, а рассказы и свидетельства местных жителей легли в основу литературных сюжетов. В результате в 1875 году появилась эпическая поэма «Черкес».

В советское время Святоплук Чех был в числе желательных представителей европейской литературы, в первую очередь, из-за своих левых взглядов и связей с рабочим движением. Его произведения неоднократно

издавались, однако поэма «Черкес», по понятным причинам, не переводилась на русский язык никогда.

Я взялся за работу, не имея подстрочного перевода. Мне пришлось его делать самому, зато я получил редкую возможность ознакомиться с оригинальным текстом.

Как я уже говорил, поэма написана под впечатлением лучших образцов отечественного романтизма и перекликается с такими произведениями, как «Мцыри» и «Кавказский пленник». Она удивительно музыкальна и начинается как долгая и протяжная казачья песня.

*Лесными дикими холмами
Казачи ехали верхами...*

Описывая природные красоты Западного Кавказа, Чех использует изысканные, сочные метафоры. Достаточно ярко, но не всегда точно передает традиции черкесов, детали их быта. По меньшей мере, одна упомянутая автором деталь вызовет недовольство в среде профессиональных историков.

*Спешили к родникам девицы
Веселой, пестрою гурьбой,
Глаза, как горные зарницы,
Блестели жаром над чадрой.*

*Порою нежный ветерок
Сдвигал чадру с румяных щек,
Чтоб видеть губ гранатов цвет,
Да на цепочке амулет.*

Всем нам известно, что черкешенки чадру не носили. Но я полагаю, мы простим автору эту историческую недостоверность, которую он допустил, создавая живой художественный образ. Тем более, Чех прибыл на Кавказ ненадолго из далекой страны, он не был ученым-ориенталистом и достаточно свободно экстраполировал свои представления о Востоке на шапсугов и натухайцев.

Едва ли не 90% повествования идет от первого лица двух главных героев: кубанского казака, потерявшего любимую девушку и, собственно, Черкеса, оставшегося на своей земле, чтобы мстить чужеземцам. Любопытно, что Чех оставил обоих безымянными, вероятно, претендуя на создание собирательных образов.

Другой характерной особенностью произведения является отсутствие как положительных, так и отрицательных героев и построенной на этом антитезы.

Чех не симпатизирует Черкесу, он подробно и обстоятельно описывает его достаточно сомнительные с точки зрения современной морали деяния. Став свидетелем морской трагедии, во время которой утонула

турецкая фелюга с переселенцами и погиб весь его род, он дает клятву мстить незванным пришельцам и начинает свою собственную войну. От его руки гибнут два грека, армянин со своей невестой, старый еврейский торговец. Снова не давая имен героям, автор называет их по национальности. И его выбор документально точен. Действительно, представители трех перечисленных народов массово заселяли в XIX веке опустевшие после исхода черкесов причерноморские земли. Вообще, поэма слишком диссонирует с нынешними представлениями о политкорректности и толерантности, но тем она видится ценнее. Автор затеял честный разговор с читателем о страшных, жестоких событиях. И он не щадит своего главного героя. Но, несмотря на то, что Черкес убивает беззащитных, безоружных людей, которые лично ему не сделали ничего плохого, в конце поэмы он вызывает сочувствие. Его жаль до слез. И это роднит поэму Чеха с лучшими образцами русской литературы, которая всегда отличалась великодушием. Когда перевод был готов, не всем моим знакомым понравилось, как иноземный автор изобразил их соплеменника. В таких ситуациях у переводчика может возникнуть очень серьезный соблазн совершения некой исторической ревизии оригинального текста. Однако лично я глубоко убежден, что любые попытки переиначить историю в угоду нынешнему моменту крайне опасны и губительны, в той же мере, в какой опасны и губительны спущенные сверху директивы, направляющие человеческую мысль в узкое русло сиюминутной политической выгоды. И за то, и за другое человечество не просто платит, оно расплачивается.

Но есть и другой интересный аспект, связанный с восприятием этой поэмы. Мои знакомые, проживающие в прямом и переносном смысле вдали от Кавказа и его проблем, прочитав текст, вообще, не поняли, о чем идет речь. Пришлось вводить их в курс дела, давать ссылки на многочисленные источники, которые, к счастью, присутствуют в Сети в большом количестве. Для таких людей поэма Святоплука Чеха стала открытием не слишком популярной в России исторической темы. Ну что же, почти десять лет назад я был ровно в такой же ситуации, когда начинал работу над переводом поэмы Саладина Жилетежева «Мухаджирство». Ознакомившись с подстрочником, я был в каком-то горьком недоумении, и автор долго и подробно отвечал на мои вопросы, с присущим этому человеку тактом и добротой.

В заключение хочу сказать, что ни о каком литературном процессе не может быть и речи без соответствующего поля. Таким полем в республике является журнал «Литературная Кабардино-Балкария». Несколько лет назад по инициативе главного редактора Хасана Тхазеплова, увы, ушедшего из жизни, была сформирована переводческая группа, которая объединяет людей, чтобы подлинная история Кавказа и его жителей была доступна для самой широкой публики.

Асият ДОДУЕВА,
заслуженный работник культуры КБР

КЯЗИМ МЕЧИЕВ: ОТКРЫТИЯ ЕЩЕ ВОЗМОЖНЫ

Кязим Мечиев – основоположник современной балкарской литературы, создавший новую поэтическую традицию и оставивший потомкам поэзию, отмеченную эпической мощью и гениальностью. Он прожил большую жизнь. Народ знал его и почитал как великого мудреца и своего заступника.

Удивительна, уникальна история жизни Кязима и судьба его бессмертных творений. Творчество поэта еще при жизни стало достоянием народа и его гордостью. Произведения Кязима сохранились, в основном, благодаря народной памяти. Архивы КБНИИ, где хранились довоенные записи сочинений К. Мечиева, сгорели в 1942 году в огне Великой Отечественной войны.

Замечательное свидетельство о народности поэзии Кязима оставил Кайсын Кулиев в своей статье «Талант и мудрость»: «Никогда не забуду мою поездку в горы летом 1940 года. Тогда со мной были московский художник и литератор. <...> Нам нужно было идти в Шики. Там жил человек, который вошел в мою жизнь с самого моего детства. Я обожал его...»

К. Кулиев и его спутники несколько дней жили в доме у Кязима.

«Все в Кязиме вызывало уважение, все приковывало к нему пристальное внимание моих спутников-москвичей. Был такой случай. В сельском клубе устроили литературный вечер. Кязим сидел с нами за столиком на маленькой эстраде. Он читал первым, читал свои старые стихи, в которых тревоги и беды ночным снегом падают в дымоходы саклей горских крестьян. Кязим читал особенно. Другой такой манеры чтения стихов я не встречал. <...> На вечере в Шики, слушая Кязима, все плакали. Плакали старые неграмотные крестьяне и школьники. Затем стали выходить на эстраду один за другим старики и старухи. Они читали наизусть стихи своего земляка. Это не могло не удивить. Такое

встречается очень редко. Никакие статьи не могли бы красноречивее доказать истинную народность поэзии Мечиева. Его стихи жили, подобно пословицам, в душе народа, а не определенного круга читающих людей».

Стихи К. Мечиева с дореволюционных времен знали наизусть не только в Шики, но и по всей Балкарии. У многих имелись специальные тетради, в которых были записаны произведения Кязима, особенно много – на религиозные темы. При переписке, возможно, допускались ошибки. Как отмечал Алим Теппеев, один из исследователей творчества поэта, бесписьменный период оставил свой след и в том, как сохранилось кязимовское творчество.

Ни война, ни годы депортации не смогли изъять из коллективной памяти народа дорогие строки поэтических произведений Кязима. Кто-то запомнил его лирические стихи, кто-то – религиозные, равные зикрам, кто-то – философскую и гражданскую лирику...

И сегодня немало людей, родившихся спустя годы после смерти великого поэта и мыслителя, хранят в своей памяти его стихи, и некоторые из них все еще не опубликованы.

В 2016 году известный фольклорист Т. М. Хаджиева в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН среди записей фольклора карачаевцев и балкарцев, осуществленных Балкаро-карачаевской лингвистической экспедицией академика Н. Я. Марра в 1929 году в Черекском и Хуламо-Безенгиевском ущельях Кабардино-Балкарии, выявила текст одного из религиозных стихотворений Кязима Мечиева, который был озаглавлен «Кязим-хажи бейитлери» – «Бейты Кязима-хаджи». Эта запись произведена участником экспедиции, известным ученым-тюркологом А. К. Боровковым. Она особенно ценна тем, что сделана при жизни Кязима, и, возможно, в Шики, у самого автора.

Текст записан латиницей на балкарском языке и состоит из 101 бейта. Он представляет, помимо историко-литературного, большой лингвистический интерес.

В основе стихотворения лежат религиозно-философские представления К. Мечиева о жизни мусульманина в загробном мире и посмертном воздаянии в зависимости от его земных деяний.

Примечательно, что данный текст записан в соответствии с произношением того времени и сохранил историческую форму звучания балкарской речи, характерной для первой трети XX века. Заметное число элементов архаики в языке бейтов убеждает в том, что они были записаны из уст представителя старшего поколения.

Балкарский алфавит на латинской графике, состоявший поначалу из 31 буквы, был разработан в середине 1920-х годов и использовался до 1937–1938 гг. Алфавит на арабской графике, бывший в употреблении

до этого периода, оказался сложным и не учитывал специфики фонетической системы карачаево-балкарского языка. Этим и объясняется трудность в последующей транскрипции и транслитерации балкарских текстов на арабской графике.

Прежде всего, в записи бейтов обращает на себя внимание оформление таких грамматических категорий карачаево-балкарского языка, как лицо и число.

Аффикс множественного числа имен существительных раньше имел форму -лар/-лер, сегодня он редуцирован в языке до -ла/-ле: «адамалар – адамла» («люди»), «кёзлер – кёзле» («глаза»), «муминлер – муминле» («мумины»), «отлар – отла» («огни») и др. Глаголы во множественном числе, в 3-м лице, в будущем времени также оформлены аффиксом -лар/лер: «жууарлар – жууарла» («омоют»), «чыгъарлар – чыгъарла» («выйдут»), «кетерлер – кетерле» («уйдут»), «тинтерлер – тинтирле» («изучат, исследуют»), «берирлер – берирле» («отдадут»), «эшитмезлер – эшитмезле» («не услышат») и др.

Глаголы в 1-м и 2-м лице, в настоящем и будущем времени, в единственном числе в записи имеют аффиксы -ман/-мен и -сан/-сен соответственно. Конечный «н» в этих аффиксах в современном карачаево-балкарском языке не используется: «башлайман – башлайма» («начинаю»), «къачарлыкъман – къачарыкъма» («убегу»), «жатарсан – жатарса» («будешь лежать»), «билирсен – билирсе» («узнаешь») и др. Встречается и устаревшая форма «айтайын» в 1-м лице, в будущем времени вместо «айтайым» («скажу»).

Правила орфографии карачаево-балкарского языка впервые были разработаны лишь в 1934-1935 годах, и потому в записи 1929 года зафиксированы орфоэпические (произносительные) нормы: «эткеллеринг» – вместо «этгенлеринг» («все, тобой содеянное»); «эриммейин» – вместо «эринмейин» («не ленясь»); «эркиллик» – вместо «эркинлик» («свобода», «право»); «къоркъаннан» – вместо «къоркъъандан» («от страха»); «мыннан» – вместо «мындан» («отсюда»); «кёккё» – вместо «кёкге» («в небо»); «ахыратта» – вместо «ахыратда» («в загробном мире»), «тапмассан» – вместо «тапмазса» («не найдешь») и т. д.

Встречаются в записи и лексико-фонетические диалектизмы: «жылауукъ» – вместо «жилямукъ» («слеза»); «жауап» – вместо «жууап» («ответ»), «сёйлеширге» – вместо «сёлеширге» («говорить»); «кетхенче» – вместо «кетгинчи» («пока не ушел»); «былан» – вместо «бла» (предлог «с»), «сонгра», «сонг» – вместо «сора» («затем»), «изни» – вместо «изми» («проповедь») и др.

Слово «ад» в записи представлено в следующих вариантах: «жаханнам», «жеханным», «жаханим», «жаханнем».

При практической транслитерации записи 1929 года нами проведена требуемая правка (орурлар – урурла; эчип – этип; инче – энишге,

чургъаллар – чулгъарла, къойарлар – къуярла, терингне – тереннге и др.); рядом со словами, вызывающими сомнения в точности их записи, в скобках даются предполагаемые варианты: сындырыр (сингдирир?); жюрюрсенг (жюрюсенг? жюрюю эсенг?); соруп (сюрюп?); хакъыннан (хакъ ийнан?).

Небезынтересно, что в карачаево-балкарском языке в 1920-е годы к притяжательным формам именных частей речи (существительных, прилагательных) в родительном и винительном падежах, которые совпадают по форме, наравне с аффиксом -ы/-и после согласных прибавлялся и аффикс -ны/-ни: (для перевода ограничимся формой винительного падежа) «башынгни – башынгы» («твою голову»), «къайгъынгни – къайгъынгы» («твое беспокойство»); «гитченгни, уллунгну – гитченги, уллунгу» («всё» – букв. «твое и большое, и малое»), «иегилерингни – иегилеринги» («твои ребра»); «хатангни – хатангы» («твою вину»); встречается даже аффикс -гы: «жанынггы – жанынгы» («твою жизнь/душу»), а дательный падеж оформлялся аффиксом -на: «къарындашынгна – къарындашынга» («твоему брату»), «башынгна – башынга» («твоей голове»).

Данные бейты Кязима под названием «Игилик бла аманлыкъ» («Добро и зло») впервые были опубликованы в 1-м томе Собрания сочинений поэта в двух томах в 1989 году (составитель, автор предисловия и комментариев – А. М. Теппеев). Стихотворение было записано в 1976 году в Яникое у эфенди Сейфуллаха Жазаева, который считал, что оно является зикром и должно называться «Мучения на том свете». Текст этого же стихотворения, записанный тогда же в Безенги у Сахая Хуламханова, назывался «Добро и зло».

По мнению А. М. Теппеева, хотя содержание произведения и основано на религиозных верованиях человека, его представлениях о потустороннем мире, Кязим, несмотря на то, что был убеждённым мусульманином, все же не ограничивается только религиозной тематикой и показывает в целом природу философских категорий добра и зла. В этом и заключается литературно-художественное значение данного стихотворения, пишет А. М. Теппеев, отмечая, что для К. Мечиева концепт «Аллах» объединяет в себе такие нравственные категории, как правда, совесть, честь, человечность, чистота, доброта, чистосердечие, милосердие и др. Следовательно, название «Добро и зло» представляется А. М. Теппееву более соответствующим замыслу Кязима.

Стихотворение «Добро и зло» всего содержит 146 строк, или 73 бейта. При сравнении этого текста с записью А. К. Боровкова совершенно идентичными оказались 27 строк, а бейтов – только 5. В варианте, опубликованном в 1989 году, встречаются строки, совпадающие по смыслу и незначительно отличающиеся от записанного А. К. Боровковым по порядку слов и грамматическими связями между ними, но есть и явно чужеродные вставки.

Надо иметь в виду, что двухтомное собрание сочинений Кязима готовилось к печати в советское время, и общественно-политическая конъюнктура не могла не приниматься во внимание при издании его религиозных и гражданских стихов.

В изданном в 1939 году сборнике Кязима Мечиева «Мени сёзюм» («Мое слово»), оказалось так много редакторских вмешательств в тексты произведений, что сам поэт написал по этому поводу стихотворение, в котором вопрошал: «На что это стало похоже? Кто за меня написал?..»

В издании 1989 года в тексте бейтов религиозные термины в основном подменялись нейтральной лексикой. Ср. (в скобках указаны номера бейтов в записи А. К. Боровкова и в издании 1989 года): «мумин» (№ 3) – «жууугьум» («родич») (№ 1); «иблис» (№ 54) – «аманлыкь» («зло») (№ 23); «кьаргъанырса... намаз кьылыргъа» («будешь клясться совершать намаз») (№ 9) – «кьаргъанырса хыйладан кенг туругъа» («будешь клясться сторониться хитрости, коварства») (№ 6); «ахыратда» («в загробном мире») (№№ 58, 89) – «хар кьайда» («везде») (№ 26) и «ахыр кюнюнде» («в последний твой день») (№ 69); «садакьадан бир аз бер» («подавай понемногу милостыню») (№ 60) – «жол азыкьгъа бир зат бер» («дай что-нибудь из еды в дорогу») (№ 28); «махшар кюнде» («в день воскресения») (№ 35) – «кьызгъан кьумда» («в горячих песках») (№ 41); «Китап айтхан» («что говорит Книга, т. е. Коран») (№ 57) – «Кязим айтхан» («что говорит Кязим») (№ 25); «беш намаз» («пять намазов») (№ 66) – «инсан ишлеринг» («человеческие долги») (№ 53); «Аллахха этген кьуллугъунг» («твоя служба Аллаху») (№ 63) – «сени этген кьуллугъунг» («твоя служба вообще») (№ 29) и др.

Заметно расхождение в обоих текстах и в повествовательном времени. В записи А. К. Боровкова речь идет о будущем и возможном в будущем (на том свете), соответственно, используется грамматическое будущее время; в публикации 1989 года события в этом мире и на том свете описаны, как свершившиеся, в прошедшем грамматическом времени. Например: «Адамла сени басдырып кетдиле, // Мычымайын Мункир, Накир жетдиле» – «Люди, похоронив тебя, ушли, // Незамедлительно Мункар и Накир явились» (№ 15).

Встречаются в публикации 1989 года и привнесенные предостережения и наставления: «Зорлукь этген, динни бузгъан кьутулмаз, // Саякьлыкь, уру – бир зат унутулмаз» – «Не спасутся те, кто творит насилие, не соблюдает религиозные предписания, // Распутство, воровство – ничто не будет забыто» (№ 36); «Аллах бла сакьланайкь амандан, // Тергеу ал сен, адам улу, ма мындан» – «Давайте уберемся от зла с помощью Аллаха, // Сделай выводы из всего этого, человек» (№ 49); «Сюймекликге айып этме, кьаш туюп, – // Кьартха, жашха аны ызы бир кибик. // Хакь, файгьамбар сабий кьызны да алды, // Ёмюрюнде аны сюйгенлей

къалды» – «Не осуждай любовь, насупив брови, // И к старому, и к молодому она приходит равно. // Правда, что Пророк женился на юной девушке // И навсегда остался в нее влюбленным» (№№ 59, 60); «Салгъан болсанг къамичи жара жарлыгъа, – // Къысар сени сууукъ къабыр тарлыгъы!» – «Если нанесешь бедняку рану плетью, – // Стиснет тебя теснота холодной могилы!» (№ 68).

Для содержания текста, опубликованного в 1989 году, характерно переплетение религиозно-эсхатологической тематики с реальной действительностью, и идея стихотворения сводится к призыву жить в мире, соблюдая законы нравственности, не совершая грехов. Советская идеология оказывала заметное влияние на характер публикаций произведений К. Мечиева вплоть до 90-х годов XX века.

Значительный вклад в собрание, атрибуцию произведений Кязима Мечиева, в развитие кязимоведения внес известный балкарский поэт Абдуллах Бегиев. Составленный и изданный им в 1996 году сборник произведений К. Мечиева «Назмула. Зикирле. Поэмала» («Стихи. Зикры. Поэмы». Нальчик: Эльбрус, 1996) по праву может называться революционным. Он коренным образом отличался от всех предыдущих изданий Кязима Мечиева.

В данном томе было впервые опубликовано большое количество неизвестных широкому читателю произведений К. Мечиева, в том числе и религиозных, были даны обширные комментарии к ним. Обнаруженные в ходе многолетних поисков записи произведений Кязима позволили А. Бегиеву показать его не только как великого поэта, но и как религиозного философа и просветителя.

Исследователь творчества К. Мечиева Р. Кучмезова отмечает: «Ценность книг Кязима, подготовленных Бегиевым, его статей, комментариев не в том, что они безупречны и теперь по ним требуется «сверять иные издания». Нет. Уязвимы, неполны, непобедимо субъективны в анализирующей части и они. Здесь окончательность, исчерпанность и невозможны, они просто немного освобождают слово Кязима из-под идеологизированного, цензурирующего сознания, впервые открывая его и тюркскому миру, и молодому поколению соотечественников. Непременно будут издания, исследования, дополняющие или оппонирющие существующим, что естественно и радостно. Неизбежно появится новый взгляд, новый ракурс и, хочется верить, новые тексты». Действительно, поиск не завершен.

А. Бегиев пишет: «Некоторые удивляются, откуда все еще находятся стихи Кязима. Это вовсе не удивительно – во-первых, все написанное Кязимом народ знает наизусть. Во-вторых, никто до последнего времени специально не занимался сбором и записью политических и религиозных стихов у тех, кто помнил их наизусть, да и заниматься не было возможности – такое было время.

Кроме того, стоило обратиться к тем, кто хоть в какой-то мере знал Кязима, каждый читал стихотворение или отрывок, или вспоминал интересный факт, которые ни в одной книге пока не встречались и о чем никто еще не писал. Я сам тому свидетель. Вот это удивительно! Удивительна любовь к Кязиму, удивительно величие самого Кязима!» Стихотворение, известное по 1-му тому собрания сочинений Кязима под названием «Игилик бла аманлыкь» («Добро и зло»), в сборнике, подготовленном А. Бегиевым, было озаглавлено «Аллахха махтау» («Восхваление Аллаха»).

А. Бегиев в ходе поисков по всей республике выявил и записал большое количество произведений К. Мечиева. В своих комментариях он приводит рассказ одного из своих информаторов Жангуразовой Кызыкки: «Когда мы вернулись из ссылки, мы попали в Верхнюю Жемталу. Как-то я шла по улице в Нижней Жемтале, и одна кабардинка – я не знала, кто она, она немного говорила по-балкарски, – говорит: «Ты, балкарка, постой-ка». Я села и стала ждать ее. Она вышла с какой-то книгой (тетрадью. – Д. А.) и говорит: «Эта книга со мной не разговаривает. Эта книга балкарцев. Найдена она в Безенги. Я отдам ее тебе...» Я так обрадовалась! Обняла ту женщину, взяла книгу и ушла. Звали ее Марият. Из Нижней Жемталы... Я не знала, что это были стихи Кязима. Потом узнала...»

Как пишет А. Бегиев, Марият Сокурова, сохранившая тетрадь с записями произведений К. Мечиева до возвращения балкарцев из депортации, знала арабскую графику, но содержание текстов ей было недоступно – они были на балкарском языке. В действительности, та тетрадь была обнаружена в Шики, в щели каменной ограды, когда балкарцев уже выселили, уточняет А. Бегиев.

Именно в той тетради оказался текст бейтов Кязима. Со стихотворением «Добро и зло» опубликованный А. Бегиевым вариант точно совпал лишь в 47 строках. Но он практически полностью совпадает с текстом «Бейты Кязима-хаджи», записанным А. К. Боровковым, по содержанию и последовательности стихов. Названия у стихотворения не было, а озаглавил его уже составитель сборника – по первой строке («Махтау болсун бир Аллахха бу келям» – «Да будет это слово восхвалением Аллаха»).

А. Бегиев в комментариях отмечал, что в других записях этого стихотворения первая строка звучит: «Башлайма хамд этип Аллахха келям». (Точно так, как в записи А. К. Боровкова. – А. Д.) Такие расхождения в текстах стихотворений Кязима А. Бегиев объясняет тем, что поэт сам не раз возвращался к своим произведениям и продолжал их совершенствовать.

При сопоставлении текстов бейтов Кязима в записи А. К. Боровкова и в издании 1996 года выявляется, что в них одинаковое количество бейтов – по 101, но в издании 1996 года последние две строки являются

благопожеланием информанта в адрес автора. Следовательно, один из бейтов здесь отсутствует, а именно – 47-й, по записи Боровкова: «Берирле тефтеринги санга, чулгъанып, // Окъурса, ичиндегилерин танып» – «Дадут тебе твою тетрадь свернутой, // Прочитаешь, узнавая то, что в ней написано». (По исламу, все деяния человека – и хорошие, и плохие – записываются ангелами в тетрадь, которая будет дана ему в Судный день.) Однако этот бейт есть в издании 1989 года: «Келтирдиле тефтеринги, чулгъанып, // Окъудунг ичиндегилерин, танып». (№ 16). Разница здесь в одном слове: «берирле» («дадут») (1929) – «келтирдиле» («принесли») (1989), и грамматическое время в записи Боровкова – будущее, а в издании 1989 года – прошедшее.

В целом, несмотря на смысловую общность варианта текста, опубликованного А. Бегиевым, с записью А. К. Боровкова, разница в них все же существенная.

Из 101 бейта полностью в обоих текстах совпали лишь 24, а строк – всего 84. В остальных строках обнаруживаются несоответствия лексические, грамматические и стилистические. Лексические расхождения требуют особого внимания. В начале текста в записи А. К. Боровкова представлена своеобразная иерархия в славословии: первым упоминается Аллах, потом – его Пророк, далее – асхабы (сподвижники пророка Мухаммада, видевшие и слышавшие его), затем – мумины (уверовавшие в Аллаха так, что вера становится смыслом их существования, охватывает все их помыслы и поступки). В издании 1996 года слово «муминле» («мумины») во втором бейте заменено словом «буслийманла» («мусульмане»). Статус мумина выше статуса мусульманина. «Каждый мумин является мусульманином, но не каждый мусульманин является мумином», – пояснял средневековый исламский богослов Ибн Дакик аль-Ид.

Во втором бейте в записи А. К. Боровкова: «Сора болсун асхабына аллына, // Андан сора – муминлени барына», слово «аллына» требует уточнения: является ли оно термином, как представлено в издании 1996 года в значении «ахлула», «жууукъла» («родственники»), или это простое наречие балкарского языка «аллына» – «сперва», «вначале», «прежде чего-либо»?

В текст 1996 года привнесены нехарактерные для поэтического почерка Кязима короткие слова, вроде частиц «шо», «ма», «иш», указательного местоимения «бу» «этот» – для выстраивания требуемой ритмики строки. Ср.: «Этсенг дуньяда адамлагъа артыкълыкъ» («Если сотворишь в мире зло (насилие) над людьми») (№ 80, 1929) – «Бу дуньяда этсенг шо бир артыкълыкъ» («Если в этом мире сотворишь хоть одно зло») (№ 79, 1996); «Аллах былан сакъланабыз биз андан» («С помощью Аллаха мы спасаемся от этого») (№ 92, 1929) – «Аллах бла сакъланабыз биз ма андан» («С помощью Аллаха мы спасаемся вот от этого») (№ 91, 1996); «Адамны ызындан сёгюп сёлешсенг»

(«Если будешь порочить человека за спиной») (№ 76, 1929) – «Сакъ бол, адамны ызындан иш сёгерсе» («Смотри, не порочь человека за спиной») (№ 75, 1996).

Синтаксис у Кязима в этом стихотворении по записи 1929 года очень простой, практически не встречается инверсий, и потому на этом фоне грамматическая конструкция в бейте № 32 в издании 1996 года выбивается из общей картины: «Сен – махшаргъа дери анда къалырдан, // Къобар ол кюн хар адам да къабырдан» – «Тебе до Судного дня – пребывать в могиле, // Восстанут из могил все мертвые в тот день».

Правда, в записи А. К. Боровкова в этом бейте (№ 32) нет рифмы: «Къалыrsa къабырда махшаргъа дери, // Къобарла къабырдан хар адам ол кюн». Отсутствие рифмы также нехарактерно для стиля Кязима Мечиева.

Более «литературно» в издании 1996 года звучали некоторые строки: «Сен алдатсанг Иблис деген душманнга» (№ 89, 1929) – «Сен алдатсанг Ибилисе, душманнга» (№ 88, 1996); «Алсанг дуньяда адамны хакъын, урлап» (№ 79, 1929) – «Адам хакъын алгъан болсанг сен, урлап» (№ 78, 1996) и др.

Обращает на себя внимание частое замещение определенных лексем по записи А. К. Боровкова их синонимами в издании 1996 года: «къабыргъа келгенинги» (№ 17, 1929) – «къабыргъа киргенинги» (№ 17, 1996); «ётюрюк айтсанг» (№ 78) – «жалгъан айтсанг» (№ 77); «энишге тигелеп» (№ 50) – «энишге юрюлюп» (№ 49); «къачарса ... атангдан» (№ 43) – «ёнгелерсе ... атангдан» (№ 43); «кёрюрсе ... жангыз кесинги» (№ 19) – «кёрюрсе ... жангыз ёзюнгю» (№ 19); «къабыргъа сугъарла» (№ 15) – «къабыргъа салырла» (№ 15); «басдырып ... кетерле» (№ 20) – «кёмюп ... кетерле» (№ 20); «хар бир ишге боюн сал» (№ 57) – «хар бир сёзге боюн сал» (№ 56); «къоркъурса ол кюнде» (№ 43) – «элгенирсе ол кюн» (№ 43); «кирмезсе... жаннетге» (№ 73) – «ёталмазса жаннетге» (№ 72); «Иблис айтханны этерге» (№ 94) – «Ибилисе бойсунургъа» (№ 93).

Множественны в обоих текстах расхождения и в грамматических формах (наклонения, залоги, видо-временные формы глаголов, модальность высказываний): «жауап бермесенг» (№ 24, 1929) – «жууап бералмасанг» (№ 24, 1996); «тапмазса» (№ 37) – «табалмазса» (№ 37); «ол келир башынга» (№ 68) – «ол келликди башынга» (№ 67); «алдатма кесинги» (№ 95) – «алдатмай тур кесинги» (№ 94); «беш намазын... эталгъан» (№ 93) – «беш намазны эталгъан» (№ 92); «тергеу алчы» (№ 92) – «тергеу алгъын» (№ 91); «санга айтайым ёлмекликни халындан» (№ 7) – «санга айтама ёлмекликни халындан» (№ 7) и др.

Примечательно, что тексту в записи 1929 года присуща большая конкретика, чем в издании 1996 года:

1) «Тенглеринг тюз этер[ле] къуру санынги» («Твои друзья распрямят оставленное душой твоё тело») (№ 12, 1929) – «Олсагъатдан тюзетирле

санынгы» («Тут же распрямят твоё тело») (№ 12, 1996). Двусоставное предложение становится односоставным, подлежащее «тенглеринг», определение «кьуру» в нём отсутствуют.

2) «Жанарса, жакханизм отда» («Будешь гореть в адовом огне») (№ 51) – «Жанарса жакханизмде» («Будешь гореть в аду») (№ 50).

3) «Барырса Сыйратха, малекле соруп (сюрюп?)» («Пойдешь к Сирату, допрашиваемый (погоняемый?) ангелами») (№ 50) – «Барырса анда Сыйратха, терк сюрюлюп» («Пойдешь там к Сирату, погоняемый быстро») (№ 49).

4) «Жиллярса малекге: суу бер деп манга» («Взмолишься ангелу: дай мне воды») (№ 53) – «Жиллярса ол кюн: «Суу беригиз, – деп, – манга!» («Заплачешь в тот день: «Дайте мне воды!») (№ 52).

5) «Къабыл болур Аллахха этген къуллугъунг» («Будет принято твоё служение Аллаху») (№ 63) – «Къабыл болур сени этген къуллугъунг» («Будет принято твоё (вообще) служение») (№ 62).

6) «Ахыратда сен къалырса бушманнга» («На том свете ты будешь горевать») (№ 89) – «Ахырында сен къалырса бушманнга» («В конце (в итоге) ты будешь горевать») (№ 88).

И, наоборот, в издании 1996 года в ряде строк встречаются новые слова, которые дополняют или же изменяют их смысл:

1) «Дунияда намаз къылма деп буюрур» («В мире намаз не совершай, повелит») (№ 82) – ««Намаз къылма!» – деп арсарсыз буюрур» («Не совершай намаз!» – решительно повелит») (№ 81).

2) «Кирмезсе, жаным, сен арталлы жаннетге» («Не войдешь ты, душа моя, никогда в рай») (№ 73) – «Ёталмазса жакханизмден жаннетге» («Не сможешь перейти ты из ада в рай») (№ 72).

3) «... сен жаннетге кирирсе» («... ты войдешь в рай») (№ 65) – ... «нюр жаннетге кирирсе» («... ты войдешь в светлый рай») (№ 63).

4) «Ёлюкню халларын санга айтайым» («Я расскажу тебе о том, что будет с умершим») (№ 33) – «Санга ол кюнню халларын айтайым» («Я расскажу тебе о том, что будет в тот день») (№ 33).

5) «Файгъамбар айтханни эшит, ангыла!» («Внемли, пойми, что говорит Пророк») (№ 96) – «Файгъамбар айтханланы иги ангыла» («Хорошо пойми все, что говорит Пророк») (№ 95).

Косвенная речь по записи текста 1929 года трансформирована в прямую в издании 1996 года:

1) «Саусунуп, къычырырса адамлагъа» («Ожив, ты крикнешь людям») (№ 18) – ««Сауман!» – деп къычырырса адамлагъа» («Я жив!» – крикнешь ты людям») (№ 18).

2) «Сорурла анда сени намазынгдан» («Спросят там, совершал ли ты намаз») (№ 23) – «Бек сурарла: «Айтчы – деп, – намазынгдан!»» («Строго спросят: «Скажи-ка, совершал ли ты намаз?») (№ 23).

3) «Дунияда намаз кьылма деп буюрур» («Велит в мире не совершать намаз») (№ 82) – ««Намаз кьылма!» – деп арсарсыз буюрур» («Не совершай намаз!» – потребует решительно») (№ 81).

В записи текста стихотворения Кязима, произведенной А. К. Боровковым, есть «темные» места, требующие уточнения и прояснения. Например, в бейте № 49: «Аллах сени хыйсап этер сууатха, // Санларынгы сёлешдирир шагъатха» – в изданиях Кязима 1989 и 1996 годов вместо слова «сууатха» стоит слово «сагъатха». Запись А. К. Боровкова не дает никаких оснований читать это слово как «сагъат» («час»). Но значение термина «сууат» (не «сууап!») остается неясным.

Бейт № 19 (1929): «Эштмезле адамла анда сесинги, // Кёрюрге кьабырда жангыз кесинги» – в 1996 году представлен в виде: «Бир адам да эшитмез анда сёзюнгу, // Кёрюрге кьабырда жангыз ёзюнгу». Рифмы есть в обоих вариантах: «сесинги» – «кесинги»; «сёзюнгу» – «ёзюнгу».

Устаревшее слово «сес» (в винительном падеже – «сесинги») имеет в карачаево-балкарском языке значение «голос», «звук», «шум». Следовательно, в бейте № 19 (1929) сказано: «Не услышат люди там твоего голоса» (сесинги), а не «твоего слова» (сёзюнгу).

В бейте № 38 (1929) в строке: «Кюн энер жууукьгъа бир аты... кьадар» – не дописано слово «атым», как подтверждается и вариантами стихотворения в изданиях 1989 и 1996 годов («атым» – расстояние, равное полету выпущенной стрелы).

В бейте № 53 (1929): «Жиляrsa малекге, суу бер деп манга, // Жа... ай тур, деп жауап берир ол санга» – отсутствующая в слове «жа...ай» часть – буквосочетание «нш», как можно легко догадаться.

В издании 1989 года этот бейт был сильно искажен: «Жалыныrsa: «Суу беригиз, – деп, – манга!» // Кьысха жууап бермез киши да санга – «Взмолишься: «Дайте мне воды!» // Никто скоро (быстро) не откликнется [на твою мольбу]».

Бейт № 64 (1929) вызывает наибольшие затруднения для однозначного понимания, так как записанный на слух текст явно содержит ошибки. Точная транскрипция бейта в записи 1929 года: «Эриммейин ... жама'атха жюрюрсенг, // Хакъ кьатында сыйладан бересенг». Этот бейт в издании 1996 года: «Эринмейин, жамагъатха жюрюрсенг, // Халкъ кьатында сыйлыладан бири – сен» – «Если, не лентясь, ты будешь поддерживать связи с людьми, // Ты в народе – один из почитаемых людей».

Тот же бейт в издании 1989 года: «Эринмейин, сен жумагъа жюрюрсенг, – // Хакъ жанында сыйлыладан бирисен!» (№ 31) – «Если, не лентясь, ты будешь ходить на джума (пятничный намаз), // Поистине, ты один из почитаемых [людей]».

Возможное, хоть и небесспорное толкование, исходя из записи А. К. Боровкова, с предлагаемой конъектурой: «Эринмейин, жамауатха жюрюй эсенг, // Хакъ атындан сыйладан бере эсенг» – «Если, не лентясь,

ты поддерживаешь связи с людьми, // [Если] ради творца ты даешь дары (т. е. делишься с другими своим благосостоянием)». Следующий бейт по записи 1929 года: «Чомарт болсанг, сен жаннетге кирирсе, // Сыйратдан кёк жашнагъанлай жюриорсе» – «Если будешь щедрым, ты войдешь в рай, // По [мосту] Сират пройдешь, как молния» – позволяет предположить, что в предыдущем бейте речь все-таки идет о том, чтобы отдавать дары, а не о том, чтобы быть почитаемым среди людей. Здесь требуются уточнения.

Безусловная и огромная ценность обнаруженного Т. М. Хаджиевой в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН текста стихотворения Кязима Мечиева заключается в том, что он вносит ясность в некоторые строки опубликованных его вариантов благодаря более точной записи звуков балкарского языка в отличие от транслитерации балкарских текстов на арабской графике, которая вызывает объективные трудности для чтения из-за существенной разницы в фонетических системах обоих языков.

В бейте № 28 (1929): «Къабыр къысар, аман тарлыкъ жетдирир, // Иегилеринги бир бирсинден ётдюрюр» – «Могила стиснет, доставит [тебе] большую тесноту, // Ребра [твои] пропустит одно через другое» – в изданиях 1989 и 1996 годов вместо слова «иегиле» («ребра») напечатано «жикле» («суставы»).

Значение первой строки бейта № 40 (1996): «Жюклерсе ол кюн аркъанга адамынгы, // Билалмазса ол кюн боллукъ халынгы» – букв.: «Погрузишь в тот день на спину своих людей (в знач.: «Возьмешь на себя ответственность за ближних?»), // Не сможешь узнать, что будет с тобой в тот день» – проясняется благодаря записи 1929 года: «Жюклерсе аркъанга хар амалынгы, // Билмезсе ол кюнде боллукъ халынгы» – «Погрузишь на спину (т. е. «призовешь на помощь») все свои возможности (средства), // Не будешь знать, что будет с тобой в тот день». Речь здесь идет не о людях (родне), а о возможностях, средствах или способах (т. е. человек прибегнет ко всем возможным, доступным способам спасения).

В бейте № 57 (1929): «Ахшылыкъ этсенг дунияда бир берип, // Къууанырса, ахыратда онг кёрюп» – «Если сделаешь добро в этом мире, подав один раз, // Обрадуешься, на том свете увидев для себя возможность спасения» – вторая строка в издании 1996 года опубликована в виде: «Къууанырсан, ахыратда онг кёрюп» – «Обрадуешься, на том свете увидев (получив) в десять раз больше». В этом бейте слово «онг» («возможность») представляется более соответствующим авторскому оригиналу, и речь здесь идет о том, что человек на том свете обрадуется, увидев для себя возможность спасения, а не получив в десять раз больше [милостей].

В бейте № 62 (1929): «Жаннетлени сайламасын алырса, – // Жаханымден узакъ болуп къалырса» – «Ты получишь лучший из всех уровней рая, // И останешься далеко от ада (т. е. избежешь ада)» – слово «сайла-

масын» («лучший, избранный») не вызывает никаких сомнений в своей уместности и точности. В бейте говорится о том, что человек попадает в «лучший из уровней рая» (в единственном числе), а не в «более почитаемые уровни рая» (во множественном числе), как представлено в тексте издания 1996 года: «жаннетлени сыйлылары алырса».

В первой строке бейта № 85 (1929): «Дунияда бий болуп, санга бармадым...» – слово «бий» («князь, владелец»), а не «бай» («богач»), как в издании 1996 года: «Дунияда бай болуп, санга бармадым» (бейт № 84).

Глагол в позитивной форме в бейте № 99 (1929): «Ючюнчюсюн баян этейим мен санга» – «Я поясню (открою) тебе и третье [третью истину]» – в издании 1996 года представлен в отрицательной форме: «Ючюнчюсюн баян этмем мен санга» – «Третье я тебе не поясню (не открою)».

Отрицательная форма глагола здесь нелогична, т. к. выше в стихотворении начинается перечисление пяти вознаграждений тому, кто сумеет в земной жизни совершать пять коллективных намазов в день: первое – ему не доведется испытать нищенства; второе – после смерти ему не будут даны мучения в могиле; а третье – «берирле тефтерин онгундан анга» – «дадут ему его тетрадь с правой стороны». В издании 1996 года эта строка звучит так: «Берирле тефтерин он кюнден анга» – «Дадут ему его тетрадь через десять дней». Существенно здесь смысловое различие: справа, а не через десять дней! Это благоприятный знак, если тетрадь дают справа.

В бейте № 13 (1929): «Муллала кьангагья салып жууарла, // Эки кьаты акь бла сени чулгьарла» – «Муллы, положив на доску, омоют, // Дважды в белый саван тебя завернут» – числительное «эки» («два») в издании 1996 года превратилось в «жети» («семь») – наверно, сообразно современным представлениям. Но при следующем издании произведений Кязима (Избранные произведения / Сост. А. Бегиев. Нальчик: Эльбрус, 2009) эта строка была исправлена (два, а не семь).

При сопоставлении двух текстов (1929 и 1996 гг.) обнаруживается, что последовательность стихов в них совпадает до 46-го бейта.

Нельзя исключать того, что бейты № 47 и № 48 по записи 1929 года в издании 1996 года стянуты в один бейт (№ 47): «Кьарарла, тефтеринги санга берип, // Жилирсан, ичиндегилерин кёрюп» – «Посмотрят, отдав тебе твою тетрадь, // Заплачешь, увидев, что там написано». Далее тексты отличаются по нумерации на одну единицу: 49-й по записи 1929 года является бейтом № 48 по изданию 1996 года и т. д.

Наличие в бейтах № 47 и № 48 по записи 1929 года синонимических конструкций: «берирле тефтеринги санга» (№ 47) – «тефтеринги берип санга» (№ 48) и «ичиндегилерин танып» (№ 47) – «ичиндегилерин кёрюп» (№ 48) – наводит на мысль, что они, скорее всего, являются разными редакциями одного и того же бейта.

Бейты № 64 и 65 по записи 1929 года в издании 1996 года (№ 63 и № 64) представлены в обратном порядке.

100-й бейт в записи 1929 года завершает само стихотворение (содержательно), а последний, 101-й бейт, подводит авторскую черту: «Кязим харип бу назмуну этгенди, // Къююп тынды, бейтлери жюз жетгенди» – «Бедный Кязим сложил это стихотворение // И остановился, [когда] бейты достигли ста».

В издании 1996 года 100-й бейт оказывается заключительным, авторским, а 101-й приписан кем-то из информантов и напечатан отдельно от текста стихотворения: «Аллах анга жаннет кийим кийдирсин, // Хар бирине жаны кибик суйдюрсюн» – «Пусть Аллах облачит его в райские одежды, // Пусть каждый его полюбит, как свою душу (жизнь)».

Сравнительному анализу каждого бейта этого стихотворения К. Мечиева во всех его вариантах можно посвятить целое исследование. Когда речь идет о творческом наследии великого поэта, значимо все.

К каким общим выводам можно прийти?

Прежде всего, выявленный Т. М. Хаджиевой текст стихотворения Мечиева в записи А. К. Боровкова – редкий исторический документ, являющийся одним из первых зафиксированных прижизненных образцов произведений Кязима. В нем также отражен один из ранних этапов развития современного карачаево-балкарского языка и сохранена специфика его орфоэпии в период, когда к системному научному изучению языка ученые только приступали.

Существование большого количества вариантов одних и тех же произведений Кязима Мечиева – доказательство того, что в народе их знали наизусть очень многие, и каждый записывал и запоминал, как мог. Чувство слова присуще многим балкарцам, и те, кто был наделен поэтическим даром, могли потом, в качестве информантов, воспроизводить тексты произведений Кязима не механически, а «живую» – пересказывая, думая больше о смысле текста, а не его формальной стороне. Оттого, наверно, так много синонимических параллелей в вариантах стихотворных текстов, обычно сохраняющих ритмический рисунок и систему рифмовки.

География записанных текстов произведений Кязима весьма широка: Кичмалка, Герпегеж, Хасанья, Белая Речка, Верхняя Жемтала, Яником, Безенги, Кёнделен, Хабаз, Нальчик, Шалушка, Верхняя Балкария – едва ли не все населенные пункты республики, где проживают балкарцы. Все это объясняет, почему в изданиях Кязима Мечиева одни и те же произведения различаются и по объему, и по строфике, и по названиям (в анализируемом случае одно и то же стихотворение озаглавлено: «Бейты Кязима-хаджи») (скорее, это и не название, а обозначение текста

при его записи), «Добро и зло» (Собр. соч. В 2 т., 1989), «Восхваление Аллаха» («Стихи. Зикры. Поэмы», 1996), и по датировке (1903-й – по изданию 1989 года, 1910-й – по установленному А. Бегиевым; в записи 1929 года указания на дату написания нет).

Записанный А. К. Боровковым текст бейтов Кязима не претерпел правки ни публикаторов, ни издателей, ни редакторов. Язык его прост и соответствует своему времени. В первой публикации этого стихотворения нашли отражение особенности эпохи – религиозные термины были заменены нейтральной лексикой, духовная направленность была интерпретирована как воспитательный, назидательный пафос посредством привнесения в текст чужеродного содержания, духа и черт советской идеологии.

Текст стихотворения «Аллахха махтау» («Восхваление Аллаха») в издании 1996 года совпадает с записью А. К. Боровкова в гораздо большей степени, чем вариант, опубликованный в 1989 году в собрании сочинений К. Мечиева. Имеет важное значение и то, что запись 1929 года позволяет атрибутировать данное стихотворение как, безусловно, кязимовское. Ведь, до недавнего времени существовала и альтернативная версия авторства: в 2007 году доктор филологических наук Х. Х. Малкондуев, долгие годы занимавшийся собиранием и изучением поэтического наследия известного деятеля исламской культуры и просвещения Дауута-Хаджи Шаваева (Абайханова), составил и издал сборник его произведений «Дуния сагышлары» («Раздумья о жизни») и включил в него данное стихотворение под названием «Маштау болсун бир Аллаха» («Да будет восхваление Аллаха»). В комментариях Х. Х. Малкондуев отмечает, что стихотворение было записано им в 1979 году в Чегеме у Шамшудина Атабиевича Кулиева, полагавшего, что произведение принадлежит Дауут-Хаджи Шаваеву.

Первые исследователи творчества Кязима Мечиева – Кайсын Кулиев, Далхат Маммеев, Алим Теппеев и др. – заложили основы кязимоведения, специальной отрасли литературоведения в карачаево-балкарской филологии. Их вклад в культуру народа неоценим.

Заслуживает внимания и поддержки многолетняя подвижническая работа поэта А. Бегиева по сбору, поиску, дополнению и восстановлению оригиналов произведений К. Мечиева.

Выявленный в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН стихотворный текст «Бейты Кязима-хаджи» подтверждает, что работу по сбору и систематизации текстов произведений Кязима Мечиева нужно продолжать. Актуальной остается и конечная цель – академическое издание литературного наследия поэта, в котором были бы сведены воедино все существующие варианты его произведений и проведена серьезная текстологическая работа.

Здравствующие и ныне немногочисленные уроженцы Шики и их потомки, продолжающие называть себя шыкычы (шикинцы), хотя само родное село Кязима так и не было восстановлено после возвращения балкарского народа из депортации, все еще являются носителями важной информации о жизни и творчестве своего великого земляка.

«Чем значительнее писатель, тем сложнее судьба его литературного наследства», – заметил известный литературовед С. А. Рейсер. Не стал исключением и Кязим Мечиев.

Обнаруженная в Санкт-Петербурге в 2016 году запись одного из стихотворений великого поэта убеждает: открытия еще возможны.

Литература

1. *Кулиев К. Ш.* Собр. соч. В 6 т. Нальчик: Эльбрус, 2007–2011. Т. 6. С. 405, 406.
2. *Тепеев А. М.* Кязим Мечиев (Предисловие) // К. Мечиев. Собр. соч. В 2 т. Нальчик: Эльбрус, 1989. Т. 1. С. 129.
3. *Тепеев А. М.* Комментарии // К. Мечиев. Собр. соч. В 2 т. Нальчик: Эльбрус, 1989. Т. 1. С. 388.
4. См.: Мечиев К. Б. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. С. 252.
5. *Кучмезова Р.* Кязим Мечиев: «Я один из вас. Я жил...». Нальчик: Эльбрус, 2013. С. 26.
6. *Бегиев А. М.* Кязим (Предисловие) // К. Мечиев. Стихи. Зикры. Поэмы. Нальчик: Эльбрус, 1996. С. 13.
7. *Бегиев А. М.* Комментарии // К. Мечиев. Стихи. Зикры. Поэмы. Нальчик, 1996. С. 508.
8. *Малкондуев Х. Х.* Комментарии // Шаваев (Абайханов) Д.-Х. Раздумья о жизни: Поэмы. Зикиры. Стихи. В 2 ч. Нальчик, 2007. Ч. 2. С. 173.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

От редакции

Журнал «Литературная Кабардино-Балкария» продолжает публикацию статей, посвященных поэзии и прозе народов Северного Кавказа. Авторами материалов являются представители ведущих вузов и научно-исследовательских центров региона и Российской Федерации. Каждый из них обладает своим взглядом на местный культурный контекст, на содержание и характер процессов, наблюдающихся в новописьменных литературах на новом историческом этапе, на перспективы развития национальных систем словесного творчества. Мнение и позиция авторов не всегда совпадают с таковыми редакционного коллектива, но вполне адекватно отображают разнообразие научных позиций в сфере оценки и анализа литератур наших народов.

*Субран ИНАРКАЕВА,
к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой
отечественной и мировой литературы,
Чеченский государственный университет*

Об эволюционных процессах и о перспективах развития литературы в условиях современного общества

Ранним периодом становления и развития чеченской литературы считаются 20–30-е годы прошлого столетия. А. Дудаев, С. Бадуев, А. Нажаев, И.-Б. Саракаев, С.-Б. Арсанов, А. Мамакаев, М. Мамакаев, Н. Музаев, М.-С. Бадаев, Х. Ошаев и многие другие были одними из первых, кто пришел в национальную литературу. В произведениях этих авторов создавался образ горца нового исторического времени, раскрывалась суть личности человека революционной и постреволюционной эпохи. Наиболее востребованными жанрами были очерк, рассказ, поэзия, активно осваивался драматургический жанр. Примечательно также, что именно в этот период зарождалась и традиция чеченского исторического романа.

Активный рост национальной литературы прервался в период депортации чеченского народа в Среднюю Азию и Казахстан с 1944 по 1957 годы. Этот период практически «выпал» из истории литературы, нарушив естественный ход вещей. Трагическое содержание самой эпохи нашло отражение в чеченской литературе более позднего периода.

Возрождение чеченской литературы происходит в конце 1950-х годов, когда народ начинает активно возвращаться на Родину. Однако наиболее яркий расцвет чеченская литература переживает в 1960–80-е годы. В этот период в литературу, с одной стороны, возвращается творчество старшего поколения национальных авторов, преданное забвению в период репрессий, а с другой, в нее пришли молодые талантливые писатели, укрепившие и развившие традиции национальной литературы. М. Сулаев, Р. Ахматова, Ш. Окуев, Ш. Арсанукаев, А. Айдамиров и многие другие стали яркими представителями поколения чеченских писателей 1960–80-х годов.

Жанр исторической прозы стал наиболее востребованным. Романы «Зелимхан» и «Мюрид революции» М. Мамакаева, «Когда познается дружба» С.-Б. Арсанова, «Пламенные годы» Х. Ошаева, «Республика четырех правителей» Ш. Окуева, «Долгие ночи», «Молния в горах», «Буря» А. Айдамирова явились в национальной литературе этого периода настоящими историческими полотнами.

Конец 80-х – начало 90-х годов прошлого века формируют новое поколение чеченских писателей и поэтов. К этому периоду национальную литературу характеризует разветвленная система жанров, в которой реализуют свои творческие возможности такие известные ныне национальные авторы, как М. Ахмадов, М. Бексултанов, К. Ибрагимов, Ш. Рашидов, В. Итаев, У. Яричев, Р. Юсупов, З. Абдуллаев, Р. Толхигова, Х. Сатуев, С.-Х. Нунуев, Лула Куни и многие другие. Однако новая эпоха (и историческая и собственно литературная) поставила перед национальной литературой новые задачи, возможно, более сложные, чем те, что стояли перед ней в предыдущие периоды.

В восьмой статье об А. С. Пушкине известный русский критик XIX века В. Г. Белинский писал: «Кто умеет схватывать резкие оттенки только грубой простонародной жизни, не умея схватывать более тонких и сложных оттенков образованной жизни, тот никогда не будет великим поэтом и еще менее имеет право на громкое титло национального поэта» [2: 67]. Другой русский автор, наш современник, писатель Виктор Астафьев считал, что истинно национальный писатель (для Астафьева, прежде всего, русский писатель) должен уметь всеми «боками, локтями» вращаться в реальность, которой живет народ, и только тогда он имеет право называться национальным писателем.

Рассуждая о перспективах развития национальной литературы в условиях современного общества, нужно обозначить, прежде всего, ключевую роль в этом процессе автора, принимающего на себя очень ответственный статус национального писателя. С другой стороны, очень важно осознать и то, что литература является частью современного гуманитарного знания, и в этом смысле она обременена

грузом общечеловеческих проблем, что в наши дни выводит ее за рамки представлений отдельного народа о мире, человеке – личности. В противном случае национальная литература обречена на угасание, исчезновение.

Чеченская литература, пережив в своей истории яркие эволюционные моменты (от эпохи формирования младописьменной литературы и до эпохи преодоления принципов нормированной эстетики соцреализма), вступила в новую фазу своего развития. Трагические события 1994–2000-х годов создали в чеченском обществе уникальную духовную атмосферу, определенным образом скорректировавшую ориентиры национальной литературы. Приоритеты в этой связи сместились в сторону осмысления бытия человека, способов его социализации, формирования им мировоззренческих позиций, его гражданского «Я», самоидентификации как части этнокультурного целого, народа.

Всегда приоритетная и смыслообразующая для литературы дефиниция «человек – личность» осмысливается писателями в контексте общечеловеческих проблем, связанных, прежде всего, с категорией свободы в самом широком ее проявлении. И то, каким образом происходит это осмысление, безусловно, зависит от мировоззренческой позиции писателя, его сопричастности с судьбой своего народа, в целом – отечества.

Один из принципиальных и ключевых вопросов современных гуманитарных наук – это вопрос о смысле человеческого существования, о ценности каждой человеческой жизни. Очень важно в этой связи признать простую истину: люди приходят в мир с разными потенциалами, творческими возможностями, одаренностью, талантом. И проблема в том, чтобы научиться измерять разность этих творческих потенциалов, своевременно выявлять разнонаправленность творческой одаренности и создавать условия (социальные и личностные) для наиболее полной их реализации на благо общества. Огромный потенциал творчески одаренных людей, тем более талантливых, может и должен быть поставлен на службу своему народу, национальным интересам своего отечества.

Немаловажно в этом вопросе привлечь культурное наследие народа и через его постижение научить подрастающее поколение уважать и ценить культуру других народов. У чеченцев такое наследие есть, особенно в части историко-литературного развития.

В произведениях современных чеченских авторов тема Человека звучит остро. Она трансформируется в глубокую проблему одиночества человеческой личности в современном мире, невостребованности ее духовного потенциала в постановке и решении насущных проблем общества, отчуждения и деградации. В наши дни, когда человечество

снова переживает эскалацию насилия, межэтнических войн, конфликтов, есть необходимость осознания роли литературы в формировании духовной сферы личности, общества. Назрела особая необходимость использовать ценностный потенциал нравственно-философских, духовно-мировоззренческих категорий, культивируемых национальной литературой, обозначения их роли в духовной сфере полиэтнического общества, каким является российское общество, с учетом новых исторических реалий.

С другой стороны, включаясь в сферу общечеловеческих проблем, общечеловеческих представлений о мире, активно интегрируясь в общемировой литературный процесс, мы – в условиях нового исторического времени – определяем сверхзадачей чеченской литературы сохранение ценностных норм этнического характера как важнейшей составляющей национальной специфики, национального колорита, национального облика.

Литература

1. *Белинский В. Г.* Собр. соч. в 10 т. Т. 5. С. 67.
2. *Градовский А.* Национальный вопрос истории и литературы. – СПб., 1873. С. 10.

Юрий ТХАГАЗИТОВ,
Тахир ТОЛГУРОВ

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В АДЫГСКОЙ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ВЕРСИЯХ НАРТИАДЫ

*«Смысл любого мифа состоит в том, чтобы дать нам
в качестве отправной точки элемент известного
и тем самым оградить нас от той пустоты,
которую образует абсолютная новизна».*

Э. Бенгли «Жизнь драмы»

Масштабная трансформация общественного сознания народов Северного Кавказа существенно изменила национальные модели художественного отражения действительности, как на образном, так и на проблемно-содержательном уровнях. Современное состояние эстетического мышления новописьменных народов во многом настолько изменено информационным полем, что воспринимается иными носителями этничности как нечто внешнее по отношению к традиции. Но родство и единство культур народов Северного Кавказа определялось и должно определяться единством архаичных форм эстетических представлений, восходящих к героическому эпосу «Нарты».

Уже нельзя не учитывать и того факта, что долго развивающиеся в тесном географическом соседстве и внутри одного политико-административного объединения культуры (литературы) приобретают генетически контактные связи, а также смыкаются на основе общности социально-исторического развития. В самом деле, если рассматривать кабардинскую и балкарскую культуры (литературы), то вряд ли, казалось бы, можно говорить о необычайной интенсивности их взаимодействия и взаимовлияния: они принадлежат к различным языковым и этническим группам. Но в то же время нельзя не считаться с фольклорно-мифологическими традициями этих культур (литератур), восходящих к героическому эпосу «Нарты».

Кстати, после погружения в глубины национальных версий нартиады не мешало бы вернуться из ледникового периода, но уже к деидеологизированной идее о том, что «Нарты» – общее культурное наследие всех народов Северного Кавказа. Именно тогда и высветится в общезначимом этико-эстетическом контексте исконно-неповторимое национальное своеобразие и основы типологической общности культур народов Северного Кавказа.

Обратимся к истокам формирования этнокультурного сознания народов Северного Кавказа и остановимся на тех его составляющих, которые сформировались под влиянием наблюдения за окружающим

миром – в процессе его концептуального и этико-эстетического осмысления. Понятно, что, в первую очередь, речь идет об особенностях восприятия реалий, детерминированных этноландшафтом.

Принципы отражения пространства и времени в адыгских текстах «Нартиады» и в карачаево-балкарской версии эпоса выявляют существенные различия. Но это не есть возможность поиска силы или слабости того или иного типа национального сознания. Это его специфика.

Г. Гачев в свое время предлагал: «Чтобы не принять в национальном случайное за существенное, нужно провести его через архаику, классику и современность». Другой методологический подход очень важный, как представляется, предложил Л. Арутюнов: «К пониманию соотношения *миф – литература – художественный текст*, мы должны двигаться со стороны художественных структур... В этом случае мы будем находиться в привычной среде национально-традиционной терминологии, что само по себе есть уже некоторое преимущество. Поскольку оно предполагает адекватность между означаемым и означающим». К примеру (А. Шогенцуков – А. Кешоков) – творчество как результат нелинейной и обратной эволюции.

Для адыгов, испокон веков населявших равнины и предгорья Большого Кавказа, естественными ориентирами на местности были ландшафтные объекты – вершины, озера и реки.

Пространство и протяженность измерялись дистанциями от одного ориентира до другого и, одновременно, линейные расстояния между двумя видимыми точками заполнялись, точнее, измерялись суммой действий для его преодоления.

Для балкарцев ландшафтные объекты подобного рода не были выделенными ориентирами – можно сказать, что в массе своей они попросту представляли условно однородную среду обитания, линейные расстояния которой часто не имели значения.

Упрощенная схема карачаево-балкарского текста может быть представлена в виде «герой, сделав то-то, попал в такую-то ситуацию, потом сделал то-то и получил новый результат»; у кабардинцев же это выглядит как «герой в таком-то месте сделал то-то, затем переместился в новое место и произвел следующее действие».

Ориентация на выделяющиеся природные объекты – причем в большинстве случаев под ними подразумеваются горные вершины – в восприятии кабардинского народа естественным образом сформировала зафиксированную в традиционных текстах вертикаль – диагональ мироздания, чаще всего – горизонтально структурированную и вполне адекватно отражающую реальное природное окружение: плоскость равнины, горы с предгорьями и небо.

Фактически единственной точкой отсчёта жителя высокогорья является он сам – его расположение во Вселенной есть та константа, которая несет в себе все ресурсы ориентации и постижения полноты

Бытия. Именно поэтому балкарцы игнорируют великую космическую ось, известную всем тюркским народам, и центральный железный кол («темир къязыкъ») в обыденном сознании балкарского народа превращается в антропоним – «железного Казака».

По этой же причине в карачаево-балкарских текстах аксиологические границы между солярными и хтоническими персонажами размыты – по сравнению с их определенностью в адыгской версии эпоса. Великаны-эмегены балкарских сказаний, хотя и сохраняют враждебность по отношению к нартам, по сути своей являющимися солнечными героями, но, тем не менее, способны на контакт с ними.

Великаны-иньжы адыгского же эпоса враждебны по отношению к людям – именно в силу определенности своего пространственного статуса. Горизонтально-вертикальная структурированность мира предполагает отсутствие социальных коммуникаций между обитателями ярусов мироздания; они, обитающие в своих плоскостях, чужды друг другу.

Мы считаем возможным отметить, что вертикальная структуризация адыгского мироздания проявлена особым образом – высшей сакральной его точкой можно признать не небо, не звезды, а именно вершину – Ош-хамахо (Эльбрус), гору счастья. И это еще раз подтверждает соотносительность мироощущения с этноландшафтом, сакральность которого выше даже политических реалий, материальных границ между этносами.

Дело даже не в специфике адыгских вселенских ориентиров. Эльбрус, как центр мироздания, как средоточие жизненных сил и тайн, бытует практически у всех народов, чьи территории проживания предполагают знакомство с этой вершиной. Показательное исключение – балкарцы и карачаевцы, живущие в непосредственной близости. Для них ощущение сакральности горы, её тайн, её символическая семантика все же не выходят за пределы освоенного пространства, «Минги-Тау» (Эльбрус) в организации и структуризации мироздания не участвует. Тем не менее, сопоставление этой вершины и Полярной звезды – одного из системообразующих ориентиров кабардинского и балкарского народов – приводит к интересным выводам. Для кабардинцев высшей точкой, как уже сказано, является Эльбрус.

Полярная же звезда называется Низовой. К примеру, у всех тюркских степных народов Полярная звезда – абсолютно высшая точка Космоса, у многих из них это начало цепи, являющейся осью всех миров, у других – вершина Мирового древа. Но конкретно у балкарцев и карачаевцев Полярная звезда обладает некой ориентационной неопределенностью, ибо точка фиксации мировой оси находится не вверху – «железный кол» («Темир Къязыкъ»), по определению, не свешивается с небес, он, напротив, вбит в землю. То есть в самой структуре карачаево-балкарского понимания мировой оси, как и у адыгов, присутствует соотношение Полярной звезды с нижней точкой Вселенной. В «Нартах» простран-

ственная антропоцентричность балкарской топологии соответственно проецируется на сферу эмоциональных движений, а через нее – формирует оценочные стандарты. Вертикальность балкарской Вселенной подразумевается и осознается на рефлекторном уровне, выражаясь в ментальном плане, но как предмет эстетического анализа не воспринимается – это просто нейтральная данность, среда обитания.

Зримый мир кабардинского эпоса, полноценно атрибутирует аксиологические статусы героев – они, в основном, зависят от их уровня географического местоположения. Поэтому центральный герой адыгского эпического свода – Сосруко – этически амбивалентен.

Дело в том, что Сосруко принадлежит к довольно распространенному в фольклорах различных народов типу героев, самым очевидным образом связанных с землей и подземным миром – Святогор в русских былинах, Сигурд и Беовульф в эпосе германских народов.

В целом же, наличие подобных героев, по нашему мнению, свидетельствует о разложении мифологического макрокосма и значительной его деструктуризации. Сатаней, Сатанай, Сосруко-Сосурук, Нёгер, Шырдан, Сирдон, культурные герои и трикстеры живут и действуют в новом для себя пространстве формирующейся этики. В его границах они аксиологически дуальны, ибо уже утратили мифологическую индифферентность и оцениваются с позиций национальной культуры, при том, что сама первичная мотивация их поступков часто весьма архаична.

Этническое сознание затем неизбежно вписывает архаичных героев в дихотомию «свой-чужой», закрепляющуюся в народном сознании в качестве вневременной этической матрицы.

Аутентичные рефлексивные модели, вытесненные из сюжетов словесной традиции догматикой соцреализма, по мере освобождения национальных литератур от идеологических шаблонов играют все большую и большую роль в этническом сознании. Они оказывали и продолжают оказывать огромное воздействие на современные системы эстетических представлений – реализуя ситуацию, когда «в понимании “вечных” вопросов архаические и современные проблемы культуры наиболее близки».

А в дальнейшем развитии это привело к формированию жестких категорических оценок героев – сначала в историко-героических песнях, затем в национальной литературе советского времени.

Мы столь подробно останавливаемся на вертикальных доминантах мироустройства лишь потому, что в ходе развития эстетического мышления этносов с подобными стандартами отражения и институализации Космоса они неизбежно приходят к аксиологическим корреляциям подобного характера. Фольклор и авторская литература народов, структурирующих Космос по вертикали, оперируют абсолютными категориями добра и зла, воплощая их в соответствующих концептах.

Если в двух словах обобщить сказанное в условном превалировании пространства над временем в кабардинской литературе 60–80-х годов XX века, то заметные успехи материализовались в эпических произведениях переходного для общества периода. А в балкарской литературе превалирование времени над пространством в те же годы дает заметные результаты в освоении темы противоречивой современности. Эти различные стилевые направления, естественно, могут преломиться и в структуре одного художественного произведения.

Зависимость национальных аксиологических моделей от типа окружающего ландшафта в полной мере проявлена в произведениях Зейтуна Толгурова, где отсутствуют утрированные горизонтальные, вертикальные системы позиционирования. Герои его текстов сами организуют пространство вокруг себя и – закономерно – организуют и порядки морально-этической идентификации.

Естественно, любой персонаж Зейтуна Толгурова приходит к читателю с собственной – органичной для него, непротиворечивой моделью взаимоотношений с миром, со своими ориентирами взаимодействия с обществом. Именно поэтому судьбы его героев не предопределены демургической волей писателя. А формируются самодвижением сюжета, свидетельствующим о, действительно, незаурядном даровании автора.

Если же попытаться проследить связь писательского мышления Толгурова с фольклорными представлениями в целом – она, эта связь, детерминирует образность прозаика – от общей концептуальности до конкретной детали, от таких архаичных пластов культуры, что под вопросом стоит сама применимость к ним категории «этничность», и это чётко проявляется даже в тех произведениях, где, казалось бы, не наблюдается древних форм мышления. Но – несколько отвлекаясь от основной формы разговора – можно привести пример удивительного использования образности того типа, который был в ходу в эпоху перехода от магических форм мышления к мифическим. К слову, в повести «Кафедра» – в полном авторском варианте он апеллирует к глубинам подсознания, к хтоническому и солярному миру.

«Кафедра» Зейтуна Толгурова с ее узнаваемостью персонажей – результат еще и волевого преодоления надолго утвердившейся нашей псевдоэтикетности как у писателя, так и у читателя, в литературе и в жизни.

«Кафедра» – своеобразная индивидуализация фольклорно-мифологического реализма, утверждение новой художественности, не нашедшей адекватную интерпретацию нашим литературоведением. Таким образом, генерирующим началом это явление – пространственно-временная трансформация художественного текста – имеет изначальную топологическую характеристику героя/антигероя в эпическом универсуме народов Северного Кавказа.

*Асиет ШАДЖЕ,
доктор философских наук, профессор кафедры философии
и социологии Адыгейского государственного университета*

КАВКАЗСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИЛИ КАВКАЗСКАЯ КУЛЬТУРА?

Внимание к Кавказу – традиционно в мировой социальной науке. Усиление российского интереса с конца 80-х годов обусловлено стремлением к сохранению своей целостности. Запад, который ранее ограничивался составлением футурологической карты Кавказа XXI века, ныне объявил Кавказ зоной своих геополитических интересов и резко осуждает кавказскую политику России.

По существу политика федерального центра на Кавказе базируется на силе и сиюминутных решениях, игнорирующих объективную реальность и региональную специфику. Кавказ по воле российских политиков оказался разделенным дихотомически: на российский (северный) Кавказ и нероссийский (южный) Кавказ. Но Кавказ един и неделим, ибо неделима не только экологическая, но и его социокультурная целостность. Дело в том, что, несмотря на этническое многообразие, народы Кавказа являются носителями ряда объединяющих духовных ценностей. Таковыми называются «кавказская цивилизация», «кавказское гостеприимство», «кавказская ментальность» и т. п.

Кавказоведы-историки в последнее время предпринимают попытки нового осмысления истории Северного Кавказа. Анализируя обозначившиеся позиции применения цивилизационного подхода к данному региону, В. В. Черноус определяет кавказскую горскую цивилизацию «полиэтничностью, религиозным синкретизмом (синтезом местного язычества с элементами христианства и различными течениями ислама), сочетанием высокогорья, предгорий и равнин, которое определяет взаимосвязь террасного земледелия, альпийского скотоводства и наездничества, закреплённых в своеобразных этических горских кодексах, психологических чертах, преобладанием негосударственных форм самоорганизации»¹.

Однако социокультурные процессы, происходящие на Кавказе, отчасти и на Северном Кавказе, менее изучены в философско-социологическом и культурологическом аспектах. При этом следует отметить складывающееся негативное отношение к кавказской цивилизации. В. А. Авксентьев, аргументируя тезис о том, что Северный Кавказ ныне переживает этап регионогенеза, отмечает, что он (северокавказский регионогенез) «может выступить в перспективе предпосылкой становления общих форм жизни, которые и можно будет обозначить как северокавказская цивилизация»². Что касается Кавказа, то он – «...ареал постоянного кросскультурного взаимодействия, все рассуждения о существовании некоей «кавказской цивилизации» не выдерживают научной критики»³.

Есть, однако, и другая точка зрения, которая утверждает существование единой «кавказской цивилизации», главной характерной чертой которой является интенсивнейшее взаимодействие многих уникальных культур и почти всех мировых религий⁴.

Однако напрашиваются исходные вопросы, что Р. Г. Абдулатипов понимает под цивилизацией? Каков (или каковы) существенный отличительный признак понятия «кавказская цивилизация»? Может ли кавказский этикет выступать как основа кавказской цивилизации? Разумеется, да, если под цивилизацией иметь в виду общность людей, характеризующуюся данной духовной ценностью. В этом смысле точка зрения философа имеет свой мотив и свою научную аргументацию.

Кавказская цивилизация объясняет цивилизационные процессы, происходящие сегодня на Кавказе. Однако она не передает социальный опыт, исторически накопленный кавказскими народами. Это – функция не цивилизации, а культуры, которая хранит, транслирует этот опыт (передает его от поколения к поколению). Культура также генерирует новые программы деятельности, поведения и общения людей, которые, реализуясь в соответствующих видах и формах человеческой активности, порождают реальные изменения в жизни общества. Наряду с биологическим, генетическим кодом, который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, у человека существует еще одна кодирующая система – социокод, посредством которого передается от человека к человеку, от поколения к поколению развивающийся массив социального опыта⁵.

Поэтому представляется возможным сосуществование двух понятий: «кавказская цивилизация» и «кавказская культура». Тогда закономерно встает вопрос: насколько правомерно употребление «кавказской культуры»?

Этот феномен, встречающийся весьма редко в отечественной науке, исследуется в постановочном плане в лаборатории по проблемам социальной экологии Института экологии горных территорий КБНЦ РАН О. Н. Дамения, Х. Г. Тхагапсоевым и А. Ю. Шадже. Сотрудники лаборатории обосновывают онтологию социокультурной целостности Кавказа, исходя из длительности совместного проживания в горных и предгорных условиях кавказских народов, общности исторической судьбы, этногенетического родства многих из них и др.

Заметим, что некоторые зарубежные коллеги ставят вопросы кавказской идентичности, отмечая, что никому еще до сих пор не удалось концептуализировать эту общность и ввести ее в плоскость политической жизни⁶. «Кавказскость», по словам Г. Нодия, интуитивно отождествляется с древними традициями гостеприимства, высокоритуалистичным поведением, культом воинственной мужественности⁷.

Попытаемся объяснить содержание кавказской культуры, следуя традициям эволюционного направления в культурной антропологии.

Прежде всего, соотнесем то понимание «кавказской культуры», которое заимствовано из работы О. Н. Дамениа. Центральное понятие в его концепции, раскрывающее особенность кавказской культуры в отличие от западной и восточной, – архетип. В подсознании человека западной культуры отсутствует некоторая самодостаточность. Своими действиями он стремится к совершенствованию, восполнению ее, обращаясь к внешнему миру. В восточной культуре аналогичное наблюдается в менталитете человека. Он ищет полноценность своего бытия не во внешнем мире, а в самом себе. В кавказской же культуре человек доволен собой и миром, не ощущает потребности в поиске совершенного бытия. Человек демонстрирует наличное бытие⁸.

Действительно, при выделении существенных признаков культуры внимание традиционно акцентируется на образцах поведения человека, регуляторах социального взаимодействия, так как через них проявляется неповторимость культуры. Представляется, что одним из существенных видов социокода, который регулирует жизнедеятельность человека в кавказской культуре, является этничность. Кавказская культура достаточно статична по сравнению с динамичной европейской. Этим в определенной мере и объясняется, что этничность еще не утратила своей актуальности и значения. Напротив, она выступает как базисная ценность данного культурного феномена и поддерживает его бытие.

Этническая принадлежность воспринимается «кавказцем» не как одна из иерархических ступеней бытия, а как высшая его ступень. Этничность – это категория не только личностной идентичности, но и социальной. Она отождествляется с такими ценностными категориями, как истина и честь, справедливость и мудрость. Данный феномен формирует особое отношение человека к достоинству, правде и свободе. В этничности «кавказец» видит некую идеальную модель своей жизнедеятельности. Она является имманентным регулятором деятельности, поведения и общения индивида в кавказской культуре. Это реально действующий феномен.

Заметим, что социальные и экономические факторы оказывают незначительное влияние на содержательные компоненты этничности. Даже в зрелом индустриальном обществе, как отмечает один из западных лидеров современной прикладной социологии Р. Инглетарт, «наиболее ключевые, рано усвоенные ее (культуры. – *А. Ш.*) аспекты мало подвержены изменениям»⁹. Этничность в кавказской культуре, являющаяся сущностью особого рода, не только не изменилась; но только с ее помощью можно объяснить психологические и философско-культурологические универсалии кавказских народов.

Однако этничность не абсолютна в строгом смысле слова. Она не подавляет личностное «я» и не отрицает сознательного действия субъекта. Человек самореализуется через этничность в кавказской культуре

(в отличие от человека в европейско-американской культуре). «Европеец» предполагает трансэтническую идентификацию, а для «кавказца» этничность выполняет важную функцию в личной, социальной и политической жизни. Сознание человека направлено на принципы, идеалы и нормы, обозначаемые этничностью, которая обеспечивает человеку идеальное совершенство. Духовное (душевное) состояние «кавказца» коррелируется с этнической идентичностью. Для него этничность наполняется ценностным содержанием, становится его интенциональной сущностью. Ценностно-ориентированное поведение, определяемое принадлежностью к этнической общности, является специфическим признаком человека в данном культурном феномене. В этой ипостаси этничность выступает как ценность, активно влияющая на жизненную ориентацию человека.

В Кавказском регионе, в силу его полиэтничности, не исключается существование единой социокультурной целостности – кавказской культуры. Здесь нет попытки мифологизировать или абсолютизировать культурное прошлое Кавказа. Кавказская культура, проявляющаяся в единстве многообразных этнических культур, – достаточно сложное историко-культурное явление, не тождественное ни западной, ни восточной культурам.

Литература

1. Черноус В. В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1999.
2. Авксентьев В. А. Теоретические аспекты изучения этнических процессов на Северном Кавказе // Этнические процессы накануне XXI века. Материалы научной конференции (15-20 сентября 1998 г.). Ставрополь, 1998, С. 11.
3. Авксентьев В. А. Проблемы формирования нового образа неконфликтных этнических отношений в северокавказском регионе // Этнические проблемы современности. Вып. 5. Проблемы гармонизации межэтнических отношений в регионе: Материалы научной конференции (14-15 сентября 1999 г.). Ставрополь, 1999. С. 19.
4. Абдулатипов Р. Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. С. 56.
5. См.: Степин В. С. Культура // Вопросы философии. 1999.
6. Коппитерс Б. Введение. Грузины и абхазы // Путь к примирению. М., 1998. С. 14.
7. Нодия Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства // Путь к примирению. М., 1998. С. 32.
8. Дамениа О. Н. К проблеме идентификации кавказской культуры // Вестник АГУ Майкоп, 1998. С. 57.
9. Инглегарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева М., 1999. С. 252.

«РИФМЫ НА РИЦЕ» – ФЕСТИВАЛЬ ПОЭЗИИ И ДРУЖБЫ

Эльвира Арсалия, Зарина Канукова

В Абхазии прошел ежегодный абхазо-адыгский литературный фестиваль «Рифмы на Рице». Это уже второй фестиваль, который собирает поэтов, писателей, литературоведов, художников и артистов из Кабардино-Балкарии и Абхазии. «Рифмы на Рице» проходит при поддержке Министерства культуры и охраны историко-культурного наследия РА по инициативе Любови Сосналиевой, вдовы героя Абхазии, генерал-лейтенанта ВС

Абхазии Султана Сосналиева, и Зарины Кануковой, писателя, общественного деятеля, главного редактора газеты «Горянка».

В прошлом году участники проекта отметили 90-летие адыгского писателя, ученого Заура Налоева. На озере Рица тогда звучали стихи Налоева на его родном адыгском и в переводе на абхазский язык.

Второй фестиваль был посвящен творчеству известного во всем мире абхазского писателя Фазиля Искандера.

Цель проекта «Рифмы на Рице» – сохранение языка и культуры абхазского и адыгского народов, укрепление взаимодействия поэтов, писателей и литературоведов Абхазии и Кабардино-Балкарии.

В течение года в литературных журналах и газетах, издаваемых в Нальчике, публиковались произведения абхазских поэтов и прозаиков, в том числе в переводе на кабардино-черкесский язык. Лариса Маремкулова переводила прозу Анатолия Лагулаа, и эти рассказы вошли в один из номеров журнала «Ошхамахо». Журнал «Литературная Кабардино-Балкария» открыл новую рубрику для авторов из Абхазии.

Удачным явился опыт молодых поэтов, подготовивших к фестивалю переводы стихов Ф. Искандера. Их имена назывались в течение фестиваля не раз – Зарема Куготова, Людмила Хавжокова, Залина Шомахова и Лаура Мокова.

18 сентября в рамках фестиваля в Русском драматическом театре прошли чтения стихов и рассказов Ф. Искандера.

Встречу открыла Эльвира Арсалия, министр культуры и охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия.

«Главной темой произведений Фазиля Искандера является взаимосвязь разных народов и взаимопроникновение их культур. Это же стало

главной темой нашего фестиваля. Возможно, в будущем границы нашего культурного фестиваля расширятся. В век мировой глобализации сохранение культуры народов – одна из важнейших задач. У адыгского и абхазского народов общие корни, и во все времена мы были неразрывно связаны братскими узами. В то же время проводимый нами фестиваль создает еще один мост для укрепления наших культурных связей, еще один повод для общения», – отметила в своем выступлении Эльвира Арсалия.

Любовь Сосналиева

Впервые в Русском драматическом театре Искандер зазвучал на адыгском. Олег Гусейнов прочитал стихотворение «Кувшины». Зрителям также очень понравилось его прочтение абхазской легенды о Ленине из романа «Сандро из Чегема».

Выпускник ГИТИСа Джамал Теунов и актеры сухумского Русского драматического театра Джамбул Жордания, Милана Ломия и Эмиль Петров тоже читали стихотворения Искандера.

Второй день фестиваля – 19 сентября проходил на озере Рица. Открыла встречу директор фестиваля Любовь Сосналиева. Она говорила о значении культурных связей двух народов, имеющих общие корни, а во время освободительной войны стоявших рядом до победного конца.

Любовь Сосналиева отметила, что участие в фестивале Олега Гусейнова и Джамала Теунова не случайно, их судьбы переплетены с Абхазией. Гусейнов – доброволец, участвовал в военных событиях как журналист, награжден медалью «За отвагу». Дядя Джамала Теунова – Арсен Эфендиев отважно воевал за свободу Апсны, пропал без вести, пройдя до победного конца, о чем свидетельствуют кадры военных съемок.

«Такие встречи с участием нового поколения абхазов и адыгов важны еще и потому, что вспоминают имена тех, кто отдал жизнь за свободу Абхазии в 1992–1993 годах», – сказала Любовь Сосналиева.

И снова звучали стихи Искандера. К чтецам присоединился актер Абхазского госдрамтеатра им. С. Чанбы Даур Арухаа, который читал на абхазском.

За время существования проекта фестиваль обрел единомышленников, которых сложно назвать сухим термином «партнер», они – настоящие друзья, представляющие свои коллективы. В проекте участвуют сотрудники Абхазского государственного университета, редакции журнала «Алашара», члены Союза художников и Союза писателей Абхазии. Поэт, тележурналист Инна Хаджимба, декан факультета абхазской литературы Диана Аджинджал, сотрудник АГУ, фольклорист, музыкант Дыжьын Чурей и другие представители творческой и научной

интеллектуальной Абхазии включены в фестивальные дни и в любое время приходят на помощь.

Находясь за пределами Абхазии, свои приветствия в сети Интернет публикуют поэты и художники. Своими стихами фестиваль на Рице поддержал Денис Чачхалия.

РИЦА

Я не смотрю на горы и на сосны,
На ледников могучие откосы.
Я к небу головы не поднимаю
И звезд ночных над Рицей не считаю.
Мне есть на что смотреть, чему дивиться:
Смотрю я в гладь, смотрю я в воду Рицы.
И видится мне так великолепно
И звездное, и солнечное небо.
И облака, и тучи, даже лица
Моих друзей мне отражает Рица.
В ней отразились буйных рощ просторы...
Во весь их рост я вижу в Рице горы.
В огромном мире есть покуда Рица,
Друзья мои, мне есть на что молиться,
Где клятву дать, откуда в бой рвануться,
Живым ли, мертвым – есть куда вернуться.

В номере:

<i>Аскер Додуев. Памяти поэта. Статья</i>	2
<i>Хасан Тхазеплов. Стихи</i>	7
<i>Махти Улаков. Друг и наставник. Статья</i>	19
<i>Нажабат Жангуразова. Зорко лишь сердце. Статья</i>	23
<i>Асият Борова. Идеологический дискурс... Статья</i>	30
<i>Зейтун Толгуров. Бег по синей траве. Гл. из романа</i>	40
<i>Аскерби Шортанов. Горцы. Гл. из романа</i>	64
<i>Магомед Мокаев. «Голос услышь мой, дорога...» Стихи</i>	93
<i>Амир Макоев. Наваждение. Рассказ</i>	106
<i>Татьяна Фирстова. Стихи</i>	123
<i>Асият Карданова. Последний приют. Просто так. Рассказы</i>	126
<i>Людмила Загайтокова. Как назвать? Самый главный человек в моей жизни. Рассказы. Стихи</i>	134
<i>Александра Гиренко. Стихи</i>	142
<i>Евгений Листопадов. Дюймовочка. Пиковая дама. У вечного порога. Рассказы</i>	147
<i>Александр Пряжников. История народов Кавказа в поэзии... Статья</i> . .	154
<i>Асият Додуева. Кязим Мечиев: открытия еще возможны. Статья</i>	157
<i>Субран Инаркоева. Об эволюционных процессах и о перспективах развития литературы в условиях современного общества. Статья</i>	173
<i>Юрий Тхагазитов, Тахир Толгуров. Организация пространства и времени в адыгской и карачаево-балкарских версиях Нартиады. Статья</i> .	177
<i>Асиет Шаджэ. Кавказская цивилизация или кавказская культура? Статья</i>	182
<i>Дина Жан. «Рифмы на Рице» – фестиваль поэзии и дружбы.</i>	186

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии Артура Елканова и из личного архива Е. Бит-Сава

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 01.11.19. Подписано к печати 06.12.19.

Выход в свет 27.12.19. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.

Тираж 1220 экз. Заказ № 271. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 40-03-24,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Продолжается подписка на журнал «Литературная Кабардино-Балкария» —

единственное литературно-художественное и общественно-политическое издание на русском языке, охватывающее и поддерживающее единое культурное пространство, создаваемое усилиями деятелей искусства и культуры нашей республики.

На страницах «Литературной Кабардино-Балкарии» читатель всегда найдет современную прозу и поэтические подборки как известных мастеров литературы, так и тех, кому еще только предстоит обрести популярность.

Журнал стремится освещать широкий круг вопросов общественно-политической жизни, проблемы и достижения во всех отраслях народного хозяйства КБР.

В журнале печатаются как оригинальные произведения, так и переводные тексты авторов нашей республики, а также литераторов и журналистов братских республик Северного Кавказа, ближнего и дальнего зарубежья, ранее не издававшиеся на русском языке.

Аудиторию «Литературной Кабардино-Балкарии» составляют все категории читателей, объединенных любовью к литературе и неравнодушных к событиям общественной жизни.

Журнал выходит шесть раз в год, каждые два месяца.

Стоимость одного номера по подписке в отделениях ФГУП

«Почта России» — 35,03 руб., за 6 месяцев — 105,09 руб.,
за год — 210,18 руб.

В розницу — цена свободная.

Адрес редакции: КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5, «Дом печати».

Телефоны редакции: 40-03-24; 42-75-22.

Сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Подписной индекс П5892

2020

**С Новым годом,
наши дорогие
читатели!**